

Музей алтайского марала

Н.А. Фролов

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ПОРТРЕТ МАРАЛОВЕДОВ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО АЛТАЯ**

*Сборник работ о пантовом оленеводстве
конца XIX – начала XX веков*

г. Бийск
2015

УДК 94:636.294(571.150)
ББК 63.3(2Рос-4Алт)+46.3г
Ф 912

*Идея и финансирование проекта – Н.А. Фролов.
Составитель и редактор сборника – Н.А. Фролов,
кандидат экономических наук.*

Фролов Н.А.

Ф 912 Социально-экономический портрет мараловодов дореволюционного Алтая [Текст] : сборник работ о пантовом оленеводстве конца XIX – начала XX вв. – Бийск : Музей алтайского марала, 2015. – 212 с. ISBN 978-5-7904-1540-1

Сборник работ посвящён истории становления пантового оленеводства на Алтае и в стране в целом с момента его появления и до 1917 года включительно.

Статьи известных исследователей Г.Н. Потанина, А.А. Силантьева и др. за редким исключением практически не известны современным специалистам, работающим в пантовом оленеводстве.

Общей задачей сборника документов является создание социально-экономического портрета владельцев домашних пантовых оленей в XIX – начале XX века, как сельских предпринимателей.

Материалы сборника будут полезны всем интересующимся историей Сибири, хозяйственной деятельностью его жителей и мотивацией их труда, развитием предпринимательства в сельской местности.

УДК 94:636.294(571.150)
ББК 63.3(2Рос-4Алт)+46.3г

ISBN 978-5-7904-1540-1

ОТ РЕДАКТОРА

Этим сборником мне хочется закончить в основном тему развития пантового оленеводства России до 1917 года. Далее в стране произошли глобальные изменения и частное пантовое оленеводство почти на 70 лет перестало существовать вообще.

Стремление создать социально-экономический портрет дореволюционного мараловода вызвано тем, что пока ещё никто из исследователей не пытался проанализировать обстоятельно социальные корни мараловодов начала XX века, выявить основную мотивацию создания нового промысла, проанализировать сильные личные и общественные стороны жизни этих людей, приблизиться к объективной оценке экономической эффективности пантового оленеводства как вида хозяйственной деятельности.

Наконец, надо было ответить на вопрос: кем были дореволюционные мараловоды – крестьянами, торговцами, кулаками или нарождающимся на селе того времени тонким, но уже заметным слоем предпринимателей. Чрезвычайно важно, чтобы современные мараловоды Алтая увидели те черты характера и личностные качества пионеров-мараловодов, которые не стыдно перенимать и теперь, 100 лет спустя.

Я не мог претендовать на всестороннее и объективное создание социально-экономического портрета дореволюционных мараловодов одной статьёй и поэтому разместил в книге несколько наиболее интересных работ, написанных исследователями того времени. Эти материалы никогда больше не издавались и заинтересованный читатель получит огромное удовольствие от знакомства с текстами талантливых авторов.

Публикаций и заметок о зарождающемся пантовом оленеводстве было достаточно много и все их переиздать сложно, да и вряд ли целесообразно. Например, очень интересно описана охота на изюбря и появление изюброводства в Забайкалье талантливым писателем А.А. Черкасовым в книге «Записки охотника Восточной Сибири». Впервые книга издана в 1867 году. В 1990 году в Москве в издательстве «Физкультура и спорт» её переиздали в варианте 1884 года тиражом 100 тыс. экземпляров.

Александр Александрович за 16 лет пребывания в Забайкалье хорошо изучил и талантливо описал изюбря, подробно рассказал о его линии поведения в дикой природе. Он красочно осветил, что такое панты изюбря и способы их добычи. Остановился А.А. Черкасов и на разведении изюбрей «при домах», указал цену на панты и другую информацию о пантах.

Однако эта информация не включена потому, что книга А.А. Черкасова есть во многих библиотеках и даже в свободной продаже.

Заметки Г.Н. Потанина, М.В. Певцова о пантах, статью Н.М. Ядринцева «Сведения о мараловодстве на Алтае» мы уже переиздали в 2014 году в сборнике документов «Из истории исследования и развития мараловодства на Алтае. XVIII – начало XX века».

Интересный материал о маралах, изюбрях, их образе жизни, о их разведении собран в книге Н.В. Туркина и К.А. Сатунина «Звери России», но он, в основном, построен на данных А.А. Силантьева.

В сборник вошли статьи, которые так или иначе отражают социально-экономические стороны жизни мараловодов того времени и формируют портрет категории сельских предпринимателей Сибири и Дальнего Востока, занимавшихся разведением пантовых оленей в XIX – начале XX вв. Стиль написания авторов работ сохранён в настоящей публикации.

Эта работа невозможна была бы без существенной поддержки сотрудников государственного архива Алтайского края (руководитель – Г.Д. Жданова), без конкретной помощи Т.А. Ашмариной, Е.А. Греховой, без постоянных консультаций с д.и.н. А.В. Старцевым, без ежедневной опоры на плечи жены Татьяны и дочери Марины, без советов и предложений В.Б. Малахова.

Спасибо им всем за понимание, поддержку и бескорыстную помощь.

Н.А. Фролов

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ПОРТРЕТ МАРАЛОВЕДОВ
ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО АЛТАЯ**

1.

В работе «У истоков пантового оленеводства России» в 2014 году я отметил, что основателями новой отрасли – мараловодства – на Алтае были старообрядцы. Многочисленные литературные и архивные источники подтверждают это без каких-либо оговорок.

Доказано, что первым мараловодом на Алтае в д. Фыкалке был Авдей Парфёнович Шарыпов, который начал новое дело между 1835-1840 гг. [51] Кто же такой А.П. Шарыпов? Ответ на этот вопрос находим у Г.Д. Гребенщикова, который пишет: «...Первым бегунам, заселившимся на реке Белой, Шарыповым, Лысовым и другим было выдано китайцами по одной живой семье и по одной козлухе на каждую семью – на «племя» [18].

А.А. Силантьев сообщает, что Шарыпов был женат на дочери Егора Васильевича Лубягина, первого мараловода деревни Язовой. Можно не сомневаться, что они были единоверцами [44].

Первым мараловодом в деревне Верхний Уймон был Родион Чернов. А.М. Никольский пишет в 1882 году: «Я видел маралов в Верхнем Уймоне у оседлого инородца Чернова, получившего медаль от упомянутого общества (Вольное Экономическое Общество – Н.Ф.) за разведение этих оленей. Лет 20 тому назад он поймал молодого марала. К этому самцу он привёл самку из д. Фыкалки от Шарыповых, у которых ещё раньше были маралы в домашнем состоянии» [33]. Опять просматривается очевидная связь единоверцев. Тесные родственные отношения старообрядцев Бухтармы и Уймонской долины описаны очень хорошо. Первыми мараловодами деревни Нижний Уймон были братья Ошлыковы. Об этой фамилии, со слов С.П. Швецова, известно следующее: «Селение Нижний Уймон образовано выходцами из Каинского округа от оз. Чанов, заселившимися в 20-е годы текущего столетия на Уймонской степи... Первых садчиков было восемь семей, из которых некоторые состояли в близком родстве: Яков, Тимофей, Сергей, Александр и Никифор Ошлыковы, Фёдор Перевалов, Сильвестр Коновалов и Иван Змановский» [52].

Первым мараловодом в центре мараловодства Бухтармы, деревне Берель, был Белоусов. Вот как рассказывает о знакомстве в 1885 году с этим крестьянином-старообрядцем Дж. Кеннан: «По религиозным убеждениям он был раскольников и бежал в этот дикий уголок Алтая, чтобы насладиться свободой исповедания веры и чтобы, если повезёт, найти мифическое Беловодье, или необитаемую землю мира и изобилия, которая, по мнению русских ревнителей древней веры, находится где-то на Дальнем Востоке у монгольской границы. Он так и не нашёл сибирский Эдем, что было основной целью его странствий, но зато нашёл долину Бухтармы и, прельщенный её красотой и плодородием, построил для себя избу у пересечения рек Бухтармы и Берель и со временем разбогател, занявшись скотоводством и разведением марала...» [26].

У деревни Талицы в Горном Алтае первыми мараловодами были братья Фоминых, о которых П.М. Залесский написал в 1927 году: «Пионера-

ми были братья Лазарь, Ларион, Никифор и Емельян Фоминых, принадлежащие к старообрядческой семье, глава которой – Фёдор Фоминых – переселился на Алтай из Приалтайской степи (из с. Выдриха) в шестидесяти годах минувшего столетия» [24].

Более того. В других регионах Российской империи разведение маралов также инициировали крестьяне-старообрядцы. Д.К. Соловьёв, например, в 1915 году установил следующее: «Мараловодство в Усинском крае возникло будучи занесённым сюда с соседнего Алтая... Первые маральники завели «кержаки» с заимки «Теренса», расположенной на границе Томской и Енисейской губерний... Кержаков заимки «Теренса» часто посещали многие минусинские староверы, которые поддерживали с ними религиозное общение, обменивались также и хозяйственными интересами... Минусинские промышленники-охотники, а затем, главным образом, усинские староверы, познакомившись с содержанием маралов в неволе на Алтае, стали заводить то же самое у себя... в Усинском крае... Занимаются мараловодством здесь, главным образом, староверы» [46].

Даже в далёком Приморье первым, кто стал держать пятнистых оленей в неволе, был старовер Семен Яковлевич Поносов, выходец из Томской губернии [51, стр. 122].

Можно уже ограничиться приведенными примерами и ещё раз подчеркнуть, что в России в XIX веке крестьяне-старообрядцы начали первыми разводить пантовых оленей в неволе и, таким образом, стали пионерами создания уникальной отрасли пантового оленеводства.

Задача теперь состоит в том, что исходные черты собирательного портрета дореволюционного крестьянина-мараловода на Алтае надо искать в старообрядчестве как религиозном, социально-культурном и трудовом феномене образа жизни определенной части населения России.

С начала XVII века государство российское активно поощряло население крестьян, особенно с русского севера, к переселению в Сибирь. В 1646 году вследствие недорода в северных и северо-восточных частях Европейской России крестьяне уже по собственной нужде массово бежали в Сибирь. С 1667 года к этим беглецам из-за нужды материальной присоединились «беглецы, вынужденные к тому угнетениями духовного порядка – старообрядцы» [5, стр. 6-7].

Удобными местами для гонимых по вере были, в том числе, малозаселённые и плоходоступные предгорья и горы Алтая. Вольную колонизацию Сибири с конца XVII века государство запретило, но тайное переселение уже не прекращалось. По мере того как усиливалось гонение государства и официальной церкви на старообрядцев, среди них распространялась идея Беловодья как земли обетованной, путь в которую лежал через Алтайские горы. Самые смелые и непримиримые продолжали бежать в ущелья верхнего течения р. Бухтармы и р. Катунь с их притоками.

В 1764 году на Алтай и в Забайкалье, по решению Екатерины II, было выслано много старообрядцев из Польши. В 1765 году эти «поляки»-

старообрядцы поселились в значительном количестве по берегам рек Ульба и Уба большой однородной и сплочённой массой.

При этом уже обустроившиеся в верховьях Бухтармы старообрядцы-«каменщики» обнаруживались властью и уходили от притеснений ещё дальше и глубже в горы, в самые непроходимые места, в том числе вплотную к китайским пограничным пикетам. Очень красочно и точно пишет об этих людях Г. Гребенщиков: «Тяжело было первым русским переселенцам на Алтае. Без хлеба и без соли, без оружия и без одежды, даже без топора, они часто вели звериный образ жизни, питались травами и ягодами, и даже с голоду варили свои старые кожаные котомки, но всё-таки они не выходили из своих ущелий на русские границы в течение многих лет, ибо дома их ожидало наказание и новые насилия и унижения ... Они предпочитали обращаться со своими нуждами к ближайшим китайским чиновничьим пикетам, принося им шкуры белок или выдр как знак покорности. И китайцы не только снабжали их всем необходимым, но даже давали для разведения часть скота» [20].

Сам образ жизни в глухой тайге, нередко в одиночку, в постоянной готовности быть схваченным, будучи вне закона, формировал из этих людей отличных звероловов, по всем качествам охотника не уступающих коренному населению Алтая, а по силе духа, физической силе, сообразительности, готовности к риску и способности жестко отстаивать свои интересы— значительно превосходящих аборигенов Горного Алтая. Это превосходство было настолько впечатляющим, что отмечалось многими

Горный Алтай. Пойманного марала привезли в деревню

исследователями Алтая в своих записках. Характерно это было в целом для всей Сибири.

Н.М. Ядринцев: «Жизнь в лесах и пустынях Сибири, как и борьба с природою, если отражалась с одной стороны отступлением от культуры, одичанием и огрубением, – черты, которые отмечены этнографами, то то же население приобрело известную крепость, выработало сметку, находчивость, способность Робинзона и стремление к самопомощи. Жизнь среди природы воспитывала решимость, отвагу, неустрашимость и дала в силу опыта долю самоуверенности, которая отличает сибирского охотника. Тип этого охотника и зверолова, отличающегося замечательными качествами, неустрашимостью и ловкостью, признаны и засвидетельствованы известными сибирскими знатоками охотничьих нравов... Этот охотник, зная обычаи разных зверей, обладает неустрашимостью в борьбе с медведем, быстротою в беге за оленем и сохатым, находчивостью при скитаниях в лесах. Мы сами видели типы горных охотников и крестьян в Алтае, которые не могли не поразить нас своим богатырским сложением, умением ориентироваться в лесу и замечательно меткой стрельбой из своих винтовок. Образцом неустрашимости и отваги является горное население беглых русских крестьян, известных под именем каменщиков» [56].

Обратной стороной лучших качеств охотника-старообрядца, к сожалению, была, по мнению Н.М. Ядринцева, некоторая загрубелость, бесчувственность и способность к хищничеству. Именно в этот период зверолов был готов стать жертвой дикого зверя, каких-либо природно-климатических обстоятельств в тайге, но и сам, случалось, не стеснялся напасть на другого охотника ради добычи. Эта черта характера очень долго оставалась тёмной стороной сибирских старожилов. Оказалось, что от необходимости выживать любой ценой, до хищничества и жажды наживы расстояние не очень большое и это проявилось в полной мере у большинства успешных звероловов-старообрядцев того времени.

Вот это стремление взять больше без каких-либо ограничений отмечалось в сильной мере у охотников того времени за очень ценным зверем Алтайских гор, которым является марал. Некоторые крестьяне ещё в начале XX века цитировали высказывание из ветхозаветной книги пророка Варуха: «Где суть князи языческие, и владеющие зверями сущими на земли, и играющие птицами небесными, и несть конца стяжанию их? Погибоша и во ад снидоша, и инии вместо них воссташа, погибоша, занеже не имеша мудрости». Марал имел огромную ценность в глазах крестьянина-старовера Южного и Горного Алтая. Об этом свидетельствует и наименование марала в староверческой среде, его уважительно называли «зверем», причем домашнее животное именовалось «зверем», дикое – «польским зверем».

От охоты первые «населники» Горного Алтая получали не только мясо для пропитания, но и такие продукты, как шкуры и «мягкую рухлядь» – пушнину, которые они выменивали на всё, что необходимо для

жизни. В условиях постоянных гонений такой обмен являлся очень опасным, и требовалась большая изворотливость, чтобы производить примитивную меновую торговлю с выгодой для себя. С китайскими пограничниками обменивались часто ночью, в тайне от офицеров, пока те сами не возглавили процесс меновой торговли.

С «киргизами степи» и алтайскими двоеданцами совершенствовались свои формы товарообмена. Тайно торговали даже с русскими купцами, которые активно возили в Джунгарию и устраивали свои торговые зимовья и заимки. Уже в 1731 году действовал Ямышевский, в 1765 – Усть-Каменогорский, в 1767 году – Железинский меновые дворы. С 1754 года существовала Семипалатинская таможня. С 1780 года активно велась меновая торговля на р. Чуя в Горном Алтае [5, стр. 42].

Исследователи отмечают, что при обилии зверя в нетронутых лесах среди гор алтайское население легко могло щедро расплачиваться мехами. За пушнину выменивали всё: порох, свинец, железо, ружья, чайники, ткани и т.д. [5, стр. 43].

В этих условиях русские старообрядцы становились не только умелыми звероловами, но и удачливыми продавцами. У них успешно формировалось такое общее качество, которое Н.М. Ядринцев назвал предприимчивостью. Успехи в торговле нередко толкали на аморальные поступки (обман, воровство и т.п.) и это было обратной стороной предприимчивости.

Во второй половине XVIII века активно осуществлялась и правительственная колонизация Алтая:

- 1763 год – основана Бухтарминская крепость;
- 1747-1768 годы – построена Колывано-Кузнецкая оборонительная линия;
- 1784 год – открыты Риддерский и Бухтарминский серебро-свинцовые рудники;
- 1791 год – открыт Зыряновский рудник [5, стр. 10].

Всё это значительно усложняло свободную жизнь алтайских старожилов. Зажатые между китайской границей и правительственной колонизацией в тиски, они в 1791 году обратились к русским властям за подданством и в 1792 году были помилованы; получили права инородцев и были обложены ясаком в виде взноса в казну определённого количества звериных шкур. В 1796 году ясак был заменён денежной податью в 3,5 руб., а «ясачные каменщики» и другие старообрядцы стали оседлыми крестьянами и смогли выйти из горных ущелий в более удобные места в долинах горных рек.

Вместо разбросанных поселений в 2-3 дома уже в 1792 году в долине р. Бухтармы и р. Белой появились 9 деревень. Ещё раньше в 1786 году появилась первая деревня в Уймонской долине – Верхний Уймон, основанная также старообрядцами. Крестьяне-старообрядцы бухтарминских, уймонских и других горных территорий Алтая стали быстро укрепляться на плодородной

Горный Алтай. Пойманный марал

земле, активно занимаясь земледелием, скотоводством, пчеловодством, извозом и другими промыслами. При этом они не стеснялись отбирать земли и покосы у коренных жителей Алтая, расселялись на их землях без всяких разрешений, чувствуя за собой особую силу колонизатора.

Позднее, в 1886 году, Н.М. Ядринцев отмечал, что крестьянин-колонист был не только воин, но и дипломат: показывал свою силу, своё право, энергию, настойчивость, но потом вступал в дружественный договор [57, стр. 13]. Основой такого колонистского поведения крестьян были не только сила и ум, но и, конечно, такие знания и умения работать на земле, которых не ведали коренные народы Алтая.

Л.Г. Мукаева сообщает: «Русское население горных деревень практически за два поколения сумело приспособиться к большим температурным перепадам, быстротечному лету и длительной зиме, сезонным разливам Катуня и других речек. Постепенно отбирались наиболее надежные способы хозяйского отношения к окружающему миру. При хозяйственном использовании старожилы практиковали неглубокую пахоту, обработку почвы под «ленивку», переложную систему восстановления плодородия земли, не нарушали экологического равновесия между человеком и природой» [32].

Таким образом, способность старообрядцев адаптировать северо-великорусскую культуру хозяйствования в условиях предгорий и гор Алтая, сделало их конкурентоспособными в новой среде обитания.

С конца XVIII века земледелие заняло первенствующее место в хозяйствовании старожилов Алтая, а навыки русского крестьянства-земледельца получили самое широкое развитие [5, стр. 78-79].

Не менее важным занятием бухтарминских и уймонских кержаков было скотоводство. Горные склоны и долины, обильные высокой травой, давали первоклассный корм для скота [5, стр. 103]. Особенно много держали лошадей, необходимых в хозяйстве как тягловое и транспортное средство. Все население, включая женщин и детей, было отличными и бесстрашными наездниками. Лошадей и крупнорогатый скот, как правило, круглый год содержали под открытым небом. Только маленьких телят и ягнят выхаживали в тепле. Кержаки заготавливали большое количество сена, практиковали отгонное животноводство. Овец и коз разводили гораздо меньше. Совсем немного было в хозяйствах свиней. Общее количество земли и скота ограничивалось в начале XIX века одним фактором – способностью отдельной семьи управляться со скотом и успевать вовремя обрабатывать землю.

Вследствие оторванности от внешнего мира и религиозной замкнутости, особенно в первой половине XIX века, крестьяне-старообрядцы были предоставлены сами себе и должны были сами обслуживать все стороны своего хозяйства [5, стр. 47]. В этой универсальности, которой должна была обладать каждая семья, важное место занимали навыки плотницкой работы. Имея в распоряжении только один плотницкий инструмент – топор, староверы ставили добротные тёплые дома, многочисленные хозяйственные постройки, делали сани и телеги, сооружали мосты, плоты, поскотины и т.п.

Таким образом, необразованные крестьяне-старообрядцы являлись успешными носителями всех видов сельскохозяйственного труда. Однако это не мешало им продолжать развивать свои охотничьи навыки, особенно в зимнее время. Староверы-охотники строили промысловые избушки, которые одним концом ставились над незамерзающим ключом. Недалеко рубили баню и амбар для припасов. Охотничий промысел для них оставался не только серьёзным источником жизни, но и частью самой жизни в природе, тем, что теперь называют охотничьей страстью. В соперничестве с диким зверем крестьянин-промысловик укреплял веру в себя, в свои силы, в крепость своего духа.

В начале XIX века дикий марал стал ещё более желанной добычей сибирских охотников. В 1826 году исследователь Алтая А.А. Бунге отметил в своих наблюдениях: «Особенно ревностно охотятся на оленей-самцов: их рога – вот что приносит главный доход» [28]. В этом же году К.Ф. Ледебур записал, что жителям д. Уймон охота на маралов даёт весной, рога (панты), которые они продают китайцам от 50 до 100 рублей за пару. Контакты старообрядцев с китайцами на пограничных пикетах привели к появлению нового очень ценного товара – неокостеневших рогов ма-

рала (пантов). Охота на марала стала важнейшим промыслом и связь его со старообрядцами-охотниками зафиксировалась населением Алтая в названии дикого марала «польским зверем». Кстати, и дикие куланы на Алтае старообрядцами назывались «польскими конями».

М. Трусов в 1924 году спустя сто лет писал следующее: «Охота на марала играла не последнюю роль в деле поддержания экономического равновесия первых колонизаторов вследствие той ценности, которую представляли рога марала. Понятно, что трудность и риск охоты на маралов, уменьшение с каждым годом их количества, уход в неприступные дебри, заставляли задумываться о будущем и, наконец, особенно предприимчивые охотники дошли до осознания использовать марала как домашнее животное» [50]. Ради пантов охотились на дикого марала не только крестьяне-старообрядцы, но и все коренные народы Южной Сибири и Дальнего Востока, но как написал в 1898 году в журнале «Природа и охота» А. Сидонский: «Как и следовало ожидать, до мысли о возможности утилизации домашнего марала додумался русский крестьянин, а не алтаец» [43].

Вообще-то человечество имело к этому времени колоссальный опыт одомашнивания диких животных. Одновременно человек любил держать около себя диких животных в эстетических и религиозных целях (медведь, орёл и т.д.) Зверинцы создавались не только царствующими фамилиями, но также просто увлеченными и состоятельными людьми. П.С. Паллас, например, ещё в 1770 году, описывая Сысердский горный завод на Урале, принадлежащий А.Ф. Турчанинову, отметил: «Вниз по реке Сысерти на обеих сторонах ручья заведен зверинец, в котором маралы, славные по р. Иртыш, лоси, дзерены, верблюды и некоторые птицы содержатся. Все сие звери тут же и плодятся» [36].

Знали коренные народы Сибири, как можно доразвивать дикого зверя до «товарной готовности». Иван Лепёхин в своём путешествии 1772 года, например, записал: «Разговаривая вообще о лисицах, узнал я от проводников, что когда изловят лисицу живую, или поймают молодых лисенков, то переламывают им по одной ноге и дают жить и возрастать до того, чтобы иметь из них пушистые и долговолосые шкурки... У одного обывателя по имени Камандруя, было шесть лисиц, из которых у каждой одна нога переломлена в берце...» [40]. Доразвивали пойманных пятнистых оленей до готовности пантов маньчжурские и корейские охотники, но затем убивали их ради пантов.

И только старообрядцы д. Фыкалка Шарыповы в первой половине XIX века сделали маралов домашними животными ради ежегодной срезки пантов, т.е. превратили марала в донора!

2.

То, что первыми одомашнили пантового оленя по всей Сибири и Дальнему Востоку крестьяне-старообрядцы – вполне закономерно, так

как именно они наилучшим образом сочетали в себе качества оседлого земледельца-скотовода и промыслового охотника одновременно.

Н.М. Ядринцев отмечал в 1872 году в статье «Раскольничьи общины на границе Китая»: «Зажиточность ясачных была значительная; они успешно занимаются хлебопашеством, зажиточные крестьяне распахивают до 15 десятин. Сеют ячмень, овёс, рожь, чечевицу, яровую пшеницу и белотурку. Держат порядочное количество коров и лошадей (по 20 и 30 штук у хозяина). Во всех деревнях развито пчеловодство, есть хозяйства, имеющие до 1 000 колодок. Бухтарминцы славятся пчеловодством и сплавляют мёд по Иртышу до Омска около 8 000 пудов и воска до 500 пудов. Звероводство до сих пор у каменщиков играет важную роль, они добывают соболей, лисиц, диких маралов и козлов. Соболиный промысел производится в вершинах Бухтармы и Катуня. Соболи алтайские оцениваются от 4 до 20 рублей. Что касается охоты на марала, то здесь, кроме шкуры, играют роль рога, продающиеся в Китай на лекарство, стоимостью до 8 руб. пара, а в Китае – 150 рублей. Подкараулить и подстрелить марала нужно большое искусство. Ныне на Бухтарме разводятся домашние маралы. Маралов ловят на охоте и сажают в особые сады, где они гуляют и плодятся; каждую весну у них спиливают рога. Эта новая ветвь скотоводства создана в Алтае русским крестьянством. Во всяком случае, колонию каменщиков можно назвать цветущей» [57, стр. 24].

Безусловно, что в основе благополучия мараловодов-старообрядцев лежала семья как хозяйственная и социальная форма организации жизни

д. Фыкалка – родина мараловодства на Алтае.
В 1917 г. здесь было 17 мараловодов

алтайских переселенцев. По мнению А.Н. Энгельгарда («Письма из деревни»), крестьянство генетически не приемлет работу в искусственно созданных коллективах и каждый в бригаде будет равняться на самого слабого работника. Однако семья являлась именно тем коллективом, где, как правило, хозяйственная деятельность организовывалась наилучшим образом с участием в работе всех – от детей до стариков. Труд с детства до старости в семье на основе крепкого религиозного чувства был важнейшим критерием как праведности человека, так и его социального статуса в семье. Вот что об этом писал тот же А.Н. Энгельгард: «Крестьянский двор зажиточен, пока семья велика и состоит из значительного числа рабочих, пока существует хотя какой-нибудь союз семейный, пока земля не разделена и работы производятся сообща. Обыкновенно союз этот держится, только пока жив старик, и распадается со смертью его. Чем суровее старик, чем деспотичнее, чем нравственно сильнее, чем большим уважением пользуется от мира, тем больше хозяйственного порядка во дворе, тем зажиточнее двор. Суровым деспотом-хозяином может быть только сильная натура, которая умеет держать бразды правления силою своего ума, а такой умственно сильный человек непременно вместе с тем и хороший хозяин, который может, как выражаются мужики, всё хорошо «загадать»; в хозяйстве же хороший «загад» – первое дело, потому что при хорошем загаде и работа идёт скорее и результаты получаются хорошие. Но как ни важен хороший «загад» хозяина, всё-таки же коренная причина зажиточности и сравнительного благосостояния больших, неразделявшихся семей, заключается в том, что земля не разделена, что работа производится сообща, что всё семейство ест из одного горшка. Доказательством этого служит то, что большие семьи, даже и при слабом старике, плохом хозяине, не умеющим держать двор в порядке, всё-таки живут хорошо» [54].

Г.Д. Гребенщиков в историко-этнографическом очерке «Алтайская Русь», отмечал: «Крепко блюли и святыню семьи, во главе которой всегда стоял старший в доме, которому подчинялись все, боясь заслужить косою взгляд не только с его стороны, но и со стороны друг друга. Старшим же в семье был тот, за кем чувствовалась и способность управлять, и трезво взвешивать поступки каждого. Чаще всего им был дед. Когда же такой дед или прадед чувствовал себя не в состоянии следить за хозяйством и семьёй, он собирал семейный совет, и торжественно передавал свою власть сыну или жене, если она была им признана достойной для распорядка... Но часто такой патриарх властвовал до последнего часа своей жизни... Иногда в роли главы семьи, нередко многочисленной, оставалась вдова, которая управляла домом и семьёй так, что многие старики дивились её распорядку» [19, стр. 529-530].

Далее мы постараемся эти выводы Г.Д. Гребенщикова подтвердить статистически.

Именно семья, как экономическая единица, вплоть до начала XX века являлась основой развития сельского хозяйства России. Большие, сплочённые верой и хорошим управлением семьи, как правило, жили в достатке, так как от малых детей до стариков все работали на общий котел при строгом соблюдении социальной справедливости внутри семьи.

Кроме того, Г.Д. Гребенщиков писал о старообрядцах следующее: «Без исключения все эти люди здоровые, цветущие, ширококостные и рослые, т.е. с выдающимися физическими данными для тяжёлого физического труда... Вставши рано утром, все сперва идут на работу, а уже «промявшись» часов в восемь-девять, обедают, а около двух-трёх часов «наужинают», а вечером перед сном ужинают. Все три раза едят плотно» [18, стр. 533].

Благодаря огромному трудолюбию, настойчивости и предприимчивости старообрядческое население Алтая значительно укрепило свой потенциал крестьян-колонистов (табл. 1).

Таблица 1

**Развитие отдельных поселений старообрядцев
на Алтае в 1859 году [49]**

№	Деревня	Число дворов	Количество жителей		Наличие православной церкви
			мужчин	женщин	
1.	Верх-Уймонская	45	131	153	-
2.	Нижне-Уймонская	50	99	87	Часовня раскольничья
3.	Кокса	53	156	182	-
4.	Фыкальская	14	35	33	-
5.	Белая	50	124	136	-
6.	Язовая	14	34	40	-
7.	Печи	26	70	89	-
8.	Коробиха	37	107	111	-

В начале второй половины XIX века Н.М. Ядринцев проезжал по Бухтарме и затем записал: «Мы подъезжали к дер. Черновой, самой дальней деревне на Бухтарме... Маленькая деревенька уютилась в долине... Кругом нас было сильное и могучее население и сам основатель деревни Иона Первов, бойкий старик с толстым носом, седой головой и шляпой вроде пуховой под мышкой. В конце деревни был «маральник», загороженное место, где крестьяне воспитывали и приручали благородного оленя... Приручение марала было культурным изобретением наших крестьян» [57, стр. 28-29].

В первые десятилетия мараловодство на Алтае развивалось достаточно медленно, как всякое новое дело со всеми сопутствующими ему рисками. Марала для его разведения можно было взять только в дикой тайге.

Создание маральников сначала как загоронок внутри усадьбы, а затем и отдельных огороженных территорий, оставалось практически монополией крестьян-старообрядцев. Во-первых, из-за их выдающихся охотничьих навыков. А. Сидонский в конце XIX века писал о ловле живых маралов: «Работа трудная, усиленная мышечная деятельность и холод требуют усиленного питания, а много брать нельзя; то жар во время бега, то пронизывающий до костей холод во время зимних ночёвок, – всё это усложняет промысел маралов, и потому не каждый берётся за этот тяжёлый труд... Охота считается счастливой, когда нужного результата добились дней через 6-7. Иногда гоняются полторы-две недели и больше, прежде чем найдут, что ищут. Не всегда, разумеется, дело оканчивается поимкой марала; иногда после трёхнедельной гоньбы, возвращаются ни с чем» [43].

Но даже этих выдающихся физических качеств было недостаточно для успешной поимки живого оленя. Необходимо было до тонкостей знать местность, где проводился отлов зверя. А. Сидонский обращал внимание на следующее: «Некоторые из этих мест, удобные для стрельбы марала, неудобны при ловле его, когда задачей ставится поймать совершенно здорового, неповреждённого зверя. Некоторые из притоков, например, Самулты зимой (когда и производится, главным образом, ловля марала) вовсе не замерзают... Это большое неудобство. Разгорячённый гоньбой (гонят на лыжах) зверь бросается в воду и утоляет жажду. Такой зверь погиб для промышленника; он или очень быстро околевает или становится «нужным», т.е. болезненным, бессильным, даёт никуда не годные рога и преждевременно погибает. Поэтому подобные места, если предоставляется к тому возможность, вовсе обходятся, идущими на ловлю марала» [43].

Охотники за живыми оленями должны были проявлять выдающуюся находчивость и изобретательность при ловле маралов. Вот один из примеров этого, рассказанный тем же А. Сидонским: «Вместо засаливания искусственного солонца, более или менее значительный кусок каменной соли – иногда до полпуда весом привязывают к вершине молодого дерева. Дерево нагибается и соль привязывается верёвочкой через дыру, проделанную в куске. Величина дерева и куса подбирается так, чтобы соль висела на уровне головы марала. Марал лижет соль, постоянно отталкивая кусок мордой и, в виде неудобства положения куса, постоянно топчется «кругом», вытаптывая небольшое круглое пространство. На этом вытоптанном пространстве роется яма. Яма закрывается ветвями, поверх которых насыпается земля». [43]. Такая яма позволяла поймать животное при значительно лучшей его сохранности.

В дальнейшем, уже состоявшиеся мараловоды использовали труд «закабалённых калмыков – ловцов маралов», но в основном, и особенно на первой стадии развития мараловодства, это было уделом выдающихся охотников-крестьян.

Во-вторых, монополией крестьян-старообрядцев мараловодство оставалось из-за их религиозной замкнутости и создания, например, новых семей, почти без исключений на основе единоверия. Мараловодство развивалось в виде отделения сыновей от отцовского хозяйства с передачей части имущества, скота, в том числе маралов. Также маралы использовались и в качестве приданого у невест. А.А. Силантьев рассказал нам в своей работе случай, когда в Верхнем Уймоне молодой человек вначале построил маральник, а только потом сватался к семье мараловода [44]. К концу XIX века марал стал на Алтае живым товаром, цена которого постоянно росла. Маралов завозили даже из Монголии. Работали перекупщики маралов и только после запрета отлова диких маралов с 1898 года продаваться стали в основном домашние маралы.

А. Сидонский писал в конце XIX века: «Наиболее крупные центры мараловодства – Нижний и Верхний Уймон, Берель, Черновая, Талица – населены старообрядцами. В этих селениях мараловодство ведётся исключительно раскольниками, если не считать двух-трёх мараловодов православного вероисповедания. Мараловодов калмыков всего несколько человек» [43].

Таким образом, экономическая обособленность старообрядцев, быстрое распространение деловой информации среди единоверцев, обучение новых мараловодов внутри семей и т.п. делали мараловодство на Алтае их естественной монополией.

По данным Н.М. Ядринцева, в 1858 году в Бийском округе, например, было 7 992 раскольника (5,2% населения), а в 1878 году – их стало 18 963 (10% населения), но именно они формировали, по утверждениям многих исследователей, деловое лицо алтайского крестьянства (табл. 2).

Таблица 2

Динамика роста поголовья сельскохозяйственных животных в Бийском округе [58, стр. 91]

Годы Поголовье, гол.	1860	1876	% прироста
Лошади	155 000	259 614	168
КРС	128 000	160 460	125
Овцы	118 000	246 000	209

Если в 1860 году семья в этом округе имела в среднем 12 голов скота, то в 1876 году уже 18 голов. Но даже на этом фоне крестьяне-мараловоды выделялись своей зажиточностью.

Николай Михайлович даёт им такую характеристику: «Это крепкое и породистое население («поляки» – Н.Ф.), оставшееся верным старине и его преданиям... Они – трудолюбивое население, превосходные колонизаторы, которым обязан Алтай по преимуществу своей культурой; люди замечательно трезвые и чистых нравов... Другая выдающаяся черта

алтайских крестьян – это мужественная переносливость, воспитанная жизнью в крае. Все алтайские жители отличаются отвагой, ловкостью, решительностью; они превосходные наездники; ездят верхом как мужчины, так и женщины, взбираясь на самые крутые горы... Благодаря одинаковому физическому труду и мужским привычкам, женщины сильны и пророрны, как и мужчины» [58, стр. 99-101].

Однако было бы большой ошибкой только и делать, что восторгаться благообразным обликом мараловода-старообрядца XIX века. Проведём, например, маленькое историческое расследование фамилии мараловодов Белоусовых. Н.М. Ядринцев отмечал в 1880 году: «На Каргоне сохранилось предание о каргонских разбойниках, братьях Белоусовых, отличающихся страшной силой...» [58, стр. 102]. Дж.Кеннон описывал в 1885 году, что в деревне Берель основные мараловоды – это братья Белоусовы, «отец которых был раскольников и бежал в этот уголок Алтая...» [26]. В 1907 году чиновником Алтайского горного округа был составлен перечень нарушителей земельного законодательства в с. Берель (табл. 3). Из 17 нарушителей-мараловодов 6 человек – Белоусовы:

Таблица 3

Список лиц, самовольно занявших участки земли под маральники около с. Берельского [25]

№	Фамилия	Количество занятых десятин	Время занятия земли до 1.01.1907, лет	Величина штрафа, руб.
1.	Тимофей Белоусов	157	36	5628
2.	Степан Белоусов	52	15	745
3.	Александр Белоусов	6	8	56
4.	Родион Белоусов	101	20	2020
5.	Антип Белоусов	43	38	1672
6.	Лазарь Белоусов	11	20	220
7.	Иван Бердюгин	42	20	850
8.	Пётр Кузнецов	15	3	45
9.	Филипп Самойлов	3	4	28
10.	Константин Рахманов	17	8	140
11.	Антон Рахманов	16	11	176
12.	Алексей Анфилофьев	17	7	126
13.	Перфил Осинин	48	6	294
14.	Степан Самойлов	8	8	72
15.	Лука Медведев	40	15	600
16.	Фёдор Красков	6	20	120
17.	Устин Плотников	20	10	200
		31	7	217

Если посчитать сколько лет Антип и Тимофей Белоусовы самовольно занимали землю, то получается, что землю под маральники они захватили примерно в 1870 году. В 1917 году в с. Берельском 8 семей Белоусовых вместе имели уже 73 лошади, 105 голов крупного рогатого скота и 909 маралов. Думаю, что таких примеров преобразования разбойников в крупных благопристойных владельцев маральников на Алтае было немало.

В романе Г.Д. Гребенщикова «Чураевы» удивительно точно описана история становления мараловода Фирса Платоновича Чураева, который на старости усердно замаливал грехи (в том числе смертные) своего отца и деда Чураевых. Что было, то было, и не только на Алтае.

Известно, что в 1861 году уймонские старообрядцы сделали попытку заселиться в Урянхайском крае (Тыва). К.Д. Минцлова рассказывала в начале XX века по итогам путешествия по Урянхайской земле, что старообрядцы постоять за себя умеют и избавляются от своих врагов хитростью и далеко не невинными способами. Вот записанная ею история: «Приехали уймонцы и стали своих коней в степь пускать с бубенцами. Сойоты начали воровать лошадей. Жалобы не помогли. Тогда они стали отстреливать сойотов, приманивая их на бубенцы ночью. Так, говорят, человек двенадцать и покончили, а мёртвых потом за ноги, да в реку; плыви себе с Богом, куда хочешь! Много таких грехов на совести у старообрядцев, да шибко они народ дружный, концы хоронить умеют... Строиться сойоты не давали. Русское начальство не помогало, как всегда. Поехали мы назад к сойотскому начальству, сахару, чаю, четверть

Кержаки-мараловоды д. Фыкалка

водки повезли. Лесу нарубить позволили, а строить не дают... Зиму в землянках перезимовали, а весной опять с подарками к сойотским начальникам поехали. Разрешение избы выстроить наконец получили... И так вот лестью, подарками и большими затратами приходилось отстаивать каждый клочок земли» [31].

Вернёмся на Алтай. С.П. Швецов отмечал в 1900 году, что жители с. Абай указывают на Поносова, который самовольно и постоянно накашивает (ставит) до 3 тысяч копён сена на земле алтайцев [52, стр. 186]. Кто такой Поносов? Это первый мараловод в с. Абай, который в 1894 году купил в д. Катанде 3 маралов-рогачей по 100 рублей каждый и матку в Верх-Уймоне за 50 рублей [51, стр. 94].

А что изменилось в XXI веке? Примеры становления современного бизнеса на попирании прав других людей несопоставимо более криминальны и аморальны, так что сравнение не в пользу настоящего времени.

Первая половина XIX века в целом характеризуется тем, что старообрядцы продолжали колонизовать Алтай в условиях неблагоприятной общественной среды. По мнению Ф.Ф. Болонева: «Староверу, как первопроходцу, не на кого было надеяться, кроме как на самого себя. Он был в одном лице охотником, пахарем, агрономом, дровосеком, плотником, естествоиспытателем, экономистом, бухгалтером, пастухом, зоотехником, лекарем, костоправом, знатоком трав, ямщиком и огородником. Всё это впитывал в себя с детства. Постоянно рисковал на новом месте через пробы и ошибки» [6].

Основной мотивацией их деятельности была вера в своё предназначение, которое они не до конца осмысливали, а критерием правильности хозяйственной и бытовой жизни определяли свой более высокий уровень жизни, чем у сторонников новой веры – никонианцев.

Мараловодство до 1860 года на Алтае развивалось крайне медленно – было создано только два маральника. Однако во второй половине XIX века процессы социально-экономического развития Алтая активизировались. В 1865 году был открыт свободный доступ на все земли Алтайского округа для переселенцев [1, стр. 19]. В 1878 году утверждены 26 пунктов заселения Горного Алтая. Только с 1884 по 1899 год Алтайский округ принял до 600 тысяч переселенцев [17]. Это, конечно, повлекло за собой раздоры с переселенцами из-за земли. «Старожилы на Алтае, тяготясь соседством с новосёлами, стремятся в горные долины, где и осваивают свои заимки» [33, стр. 207].

В 1874 году был издан закон о старообрядческих браках, а в мае 1883 года появился закон об общем положении старообрядчества, по которому они могли заниматься промышленностью и торговлей, иметь паспорта, проводить богослужения, занимать общественные должности в селе. Даже при самом противоречивом исполнении этого закона уже невоз-

д. Белая. Ассон Емельянович Зырянов, глава бухтарминских беспоповцев соловецкого согласия с женой. В 1917 г. в д. Белая было 9 мараловодов Зыряновых, в т.ч. два родных брата (Нестор и Михаил) и сын (Максим) А.Е.Зырянова

можно было сдерживать, в том числе и на Алтае, переход к капиталистическим формам хозяйствования на земле.

В этот период заметным фактором более высокого уровня конкурентоспособности старообрядцев становится высокий уровень их общинности. В основе этого явления лежит не только единоверие, но и расширяющаяся хозяйственная деятельность: совместное строительство мостов и паромов на реках, содержание дорог, паскотины и т.п. Растущий объём сельхозработ научил их эффективно использовать механизм «помочи», с помощью которого не только хлеб убирали, но и организовывали загон маралов при срезке пантов. Обычные православные переселенцы на «помочь» приглашались редко, и технология разведения маралов ещё и поэтому продолжала оставаться «внутри старообрядческой». Зажиточные мараловоды всё активнее используют наёмных работников из числа алтайцев, казахов, переселенцев на таких работах как охрана маральников, заготовка сена. К уборке зерновых сторонние не привлекались.

Старообрядцы в поселениях жили гораздо дружнее поздних переселенцев, помогали друг другу, лучше доверяли друг другу, в том числе в торговле результатами своего труда.

По мнению Л.Н. Приль, для сибирского промыслово-земледельческого типа хозяйства с общинно-артельным устройством коллектива «труд благой» являлся средством создания чистого микромира, выживания и благополучия общины» [39].

Это время, тем не менее, способствовало появлению человека нового типа, систему ценностей которого, прежде всего, определяла свобода выбора, вера в возможность собственных сил, силу воли, деловитость, одаренность. В 1877-1878 годах Г.Н. Потанин фиксирует активный рост в мараловодстве на Алтае таких людей. У старообрядцев братьев Черновых в Верх-Уймонской деревне было уже 63 пантовых оленя, у шести Шарыповых в Фыкалке – 82 оленя и т.д.

Мараловоды Ошлыковы (д. Нижний Уймон) с 1869 года активно вместе с бийскими купцами торгуют пантами в Кош-Агаче [38]. В 1887 году Нестер Иванович Ошлыков один скупал у мараловодов и охотников Алтая более 700 пар пантов [43]. А.А. Силантьев в 1897 году отмечал: «Мараловодам Черновым обязаны своим происхождением большинство маральников центрального и даже северо-западного районов, так как их маральники играют роль как бы «торговых питомников, где большинство начинающих заниматься мараловодством приобретают бычков или маток за деньги или, что нередко бывает, в приданое...» [44].

К концу XIX века количество мараловодов на Алтае выросло до 251 (табл. 4).

**Анализ мараловодов Алтая
по количеству принадлежащих им пантовых оленей [44, стр. 24]**

Маралы	Мараловоды	Количество мараловодов	Процент
Количество голов маралов	1-9	157	62,5
	10-19	45	17,9
	20-29	21	8,4
	30-39	9	3,6
	40-49	10	4,0
	50-59	4	1,6
	60-69	2	0,8
	70-79	1	0,4
	80-89	1	0,4
	80-100	1	0,4
		251	100

Видим, что 90% мараловодов владели пока не более 20 маралами каждый. Однако становление мараловодства как новой, очень перспективной отрасли сельского хозяйства России к концу XIX века состоялось!

И.В. Куприянова, глубоко исследовавшая старообрядчество Алтая, отмечает: «Многочисленное старообрядческое население юга Томской губернии являлось весьма полезным в административно-хозяйственном отношении, осуществляя разнообразную хозяйственную деятельность, без которой не могла существовать экономика края. Старообрядцы занимались торговлей и сельским хозяйством, земледелием, скотоводством, пчеловодством, мараловодством, различными промыслами, извозом, заводили кустарную сельскую промышленность и т.д., основывая при этом все новые территории региона» [27].

Разделяет такое мнение и Ф.Ф. Болонев, который утверждает, что русские староверы внесли заметную лепту в процесс хозяйственного освоения многих новых земель. Они отличались крепкой общиной, трезвостью, любовью к земле, наблюдательностью и смекалкой. Характерными качествами их были крепость духа, культ чистоты, деловой практицизм и трезвый расчёт. Русские староверы внесли заметную лепту в процесс хозяйственного освоения многих земельных просторов Бухгармы, Алтая, Забайкалья, Амура и положительно влияли на становление капитализма в России [6, стр. 87].

Ещё в 1871 году С.В. Максимов в книге «Сибирь и каторга» написал, что «старообрядцы в Алтайских горах – народ зажиточный, отличающийся замечательными хозяйственными способностями» [29].

Даже на этом общем фоне старообрядцы-мараловоды выделялись в лучшую сторону умением браться за новое, неизвестное, несмотря

на высокие риски. К уже отмеченным качествам надежных товарищей, почти не знающих обмана и воровства; людей выносливых и стойких, с высоким уровнем делового практицизма, наблюдательности и смекалки, крестьян в массе своей трезвых и ведущих здоровый образ жизни с неистощимым трудолюбием и любовью к земле, мараловоды знали, понимали и по-своему любили ещё и дикого зверя – марала. Г.Н. Потанин сообщал нам ещё в 1881 году: «Когда Чернов входит в свой маральник и крикнет: «Маралки, маралки мои», – звери со всех сторон бегут к нему, ласкаются и ищут хлеба... Этот крестьянин занимается мараловодством не столько из корысти, как любитель, не жалеет денег на животных, он ухаживает за ними и телят выкармливает на своей постели» [38, стр. 87-89].

Любил маралов и будущий крупнейший мараловод Алтая из с. Шибалино А.С. Попов, у которого животные были почти ручные, по зову хозяина подходили к нему и брали у него из рук хлеб и овёс [41].

Г.Д. Гребенщиков, как очевидец, подметил это качество мараловодов и обобщил в образе Фирса Платоновича Чураева в своём романе «Чураевы. Братья»: «Твёрдую, широкою походкой, опираясь на костыль, идёт Чураев по росистым травам и кустарникам к маральему саду. Вон они, маралы, белозадые, саврасые. Встревожились, сгустились в облако и унеслись вглубь сада. И только один остался настороже, гордо поднял голову и наблюдает за хозяином как за врагом.

– Машка! Машка! Машка! – раздаётся распевиственный голос Чураева, и он молодо взбирается на четырехаршинную городьбу и прыгает через неё в сад. Марал-красавец исчезает как видение. Но Чураев всё-таки зовёт свою любимицу:

– Машка! Машка!

Из росистого кустарника близко, сбоку показывается красивая сухая голова на тонкой шее, и длинные уши недоверчиво стригут и слушают.

– Машенька! – уже совсем нежно зовёт её Чураев и подходит ближе...

Машка – ручная маралушка, сиротка, выкормленная на руках в семье Чураевых. Все другие спрятались, исчезли и теперь нескоро глаз отыщет их в оврагах и зарослях сада. И потому Чураев всю нежность свою проливает на одну Машку. Он гладит её, призывает на неё Господнее благоговение, передаёт с нею поклон другим маралам» [21, стр. 56-57].

Во время гона марал становится зверем смелым, даже яростным и забывает о своём страхе перед человеком. Н.М. Ядринцев записал в 1878 году слова мараловода Виноградова из д. Быстрианской: «Марашка смирён, только осенью не подходи, начнёт «ораторствовать» (т.е. – беситься)» [59]. Да и во время срезки пантов в июне одной любви к маралу было явно недостаточно.

У Фирса Платоновича Чураева срезкой пантов заведовал старший сын Ананий, который ежегодно собирал «помочь» для срезки пантов: «...Уговаривал работников беречь маралов, а у самого под редкими во-

лосьями пониже скул так и ходили желваки. Никто так не сердился на маралов при съёмке рогов, как он. Весь вытянется в струну, станет лёгким и увёртливым, и никто ни слова от него не услышит за целый день, пока гоняют-ловят быстроногих перепуганных маралов. Когда же марал пойман, Ананий всегда первый схватит его за рога, первый сядет ему на спину, хотя марал, растянутый за ноги верёвками, лежит уже на земле с бездонным ужасом в прекрасных выпуклых глазах. Ананий, предвкушая свои победы над маралами, передвигал челюстями и сквозь стиснутые зубы наказывал мужикам:

– Ну, дак, завтра спозаранку... Благословясь начнём, ребята!

Светло-синие глаза его, прокалывая пространство, нащупывали за рекой, в паутине жердей, живые точки и несли туда острые стрелы охотничьей страсти и хищного самодовольства... Не помня себя, он носился с длинною верёвкой за маралами и, озлобляя непокорных, то и дело сам становился на край жизни. Когда же марал со всего размаха бросался на него с тяжёлыми ветвистыми рогами, Ананий успевал накинуть одну петлю на рога, другую на ногу и, уронив марала, вступал с ним в смертную борьбу.

– Как только Бог хранит? – опасливо шептал всегда Чураев, когда ему рассказывали про увёртливость Анания. Зато уж и продажею рогов заведовал один Ананий» [21, стр. 76-77].

Журналист Михаил Вишняков в своём рассказе «Ярмарка пантов» записал слова очевидцев срезки пантов в Забайкалье: «Спиливание зрелых рогов после 22 июня превращалось в целое событие для деревни. Обычно подбирались семь-десять смелых и проворных мужиков, пили чай, принимали по чарке для храбрости и входили в загон. Зверей сгоняли в узкой проход, бросали под ноги верёвочные петли, подсекали изюбря, наваливались на зверя всей гурьбой. Бывалый дедок, опытный резака, перекрестив лоб, срезал панты ножовкой или лучковой пилой, покрывал рану землёй, смолой и воском, бинтовал пеньковой куделью.

Случалось, что обезумевший от боли пантач вырывался, рвал верёвки, ломал загон и летел к лесу скачками, неся на спине двух-трёх отчаянных пантовщиков. Рёв и свист, лай собак, топот конной погони, аханья баб и визг ребяташек – то-то было зрелище!

Однажды снимали рога брата Писаренко. Мужикам, державшим зверя, показалось, что дед Еким уже закончил бинтование среза. Они и отскочили в стороны. Изюбр взлетел на ноги, бросился и понёс бедного Екима Петровича в лес. Два часа искали перепуганные братья старого резака. Наконец, слышат голос с берёзы: «Язви его в печёнку, попрыгун дикошарый, вишь чо наделал...» Дед Еким висел в развилке, насаженный штанами на крепкий сук...» [7].

Всё это можно было бы списать на литературные домыслы, если бы я лично не знал погибших во время работы с оленями мараловодов. Чудом,

д. Язовая. В 1917 г. здесь было 32 мараловода

например, остался жив один из лучших мараловодов Алтая А.Е. Ничков, когда под ним вдруг понесла лошадь. Без некоторого технологического «озверения», без риска реального и постоянного человеку с маралом не справиться и поэтому далеко не каждый из старообрядцев становился мараловодом.

Не буду утверждать, что мараловоды второй половины XIX века были лишены косности мышления, чрезмерного консерватизма, хотя многие из них были грамотными. Тот же мараловод Виноградов рассказывал в 1878 году Н.М. Ядринцеву, что родившегося у него маралёнка «сглазили» или «съехали», прибавляя, что его не нужно показывать пока не окрепнет [59, стр. 4-5]. Г.Н. Потанин в это же время записал: «У Ошлыковых в Уймоне хотя и погибло всё стадо и, хотя они приписывают это «урочливости» зверя, т.е. невыносливости новых условий жизни, но, по общему отзыву посторонних, в гибели этого стада виноваты сами хозяева. От худого корма и неухода зимой телята перемерзли и едва сами самки не пропали...» [38, стр. 86-87].

Даже 30 лет спустя, в ноябре 1911 года В.К. Анфилов в статье «Наше оленеводство» сожалел, что «не в лучших условиях находится наше хозяйничание над восточным оленем-маралом... Надо сознаться, что алтайские крестьяне занялись мараловодством хотя и по собственной инициативе, однако ведут дело далеко не вдумчиво и вовсе не умело. Нужно удивляться, как ещё при таких условиях идёт у них производство. «Хозяиственные» маралы у них помещаются в тесных огорожах, а то и в тёмных

коровьих хлебах... Пастбища для маралов плохие, «вытопченные», без всяких прикрытий от палящего солнца, оводов, мошки и прочего «гноуса»... Без сомнения, такое слишком простое ведение хозяйства сильно отзывается на результатах дела...» [4].

Не являясь не только мараловодом, но и, видимо, вообще не зная особенностей крестьянского труда, корреспондент явно перестарался насчёт оводов, мошек и «прочего гноуса». Однако технология содержания маралов действительно была примитивной. Это было связано не только и даже не столько с хозяйственной косностью мараловодов, а с недостатком средств, а также большими сложностями с получением территории под маральники, которые находились в ведении государства.

В мае 1892 года, например, крестьянин дер. Язовой С.С. Лубягин просил Министерство земледелия и государственных имуществ выделить для содержания маралов землю, непригодную для сельскохозяйственной деятельности. С.С. Лубягин получил согласие крестьян д. Язовой, расчистил участок, но в декабре 1893 года получил отказ [25, стр. 127-128]. Подобных обращений было много и отказов много, но главное-то, что часто неграмотные мараловоды смело обращались по вопросам развития маральников и в округ и даже в Кабинет Министров. Например, мараловод И.А. Болтовский из деревни Берёзовка Змеиногорского уезда в июле 1901 года жаловался в Томский окружной суд на неверное исчисление арендной платы за землю, занимаемую под маральник [25, стр. 144]. Его дело, кстати, разрешилось только в декабре 1906 года! Все жалобы и обращения рассматривались по существу, так как общественная значимость и экономическая выгодность развития мараловодства становилась всё более очевидной.

В свою очередь и крестьяне-мараловоды в силу производственной и коммерческой необходимости вынуждены были все больше и конкретнее контактировать как с властью, так и с обществом. Вопросы единоверия если и не игнорировались, но уже не становились обязательным условием сотрудничества и общения.

А.А. Силантьев после многочисленных личных встреч с мараловодами Алтая в командировке 1877 года писал затем: «Я не могу пожаловаться, вопреки существующим в литературе указаниям, что мараловоды жались и скрывали бы от нас своих животных или свои знания: наоборот, в большинстве случаев они весьма охотно делились с нами своими сведениями, не скрывая даже собственных ошибок. Принимали же нас почти всюду крайне радушно... Мало помалу, убедившись, что приехало не грозное начальство обычного типа, а люди, интересующиеся близким их сердцу делом, гости наши (мараловоды – Н.Ф.) всё более и более оживлялись и беседа становилась совершенно непринуждённой» [44, стр. 4]. Анатолий Алексеевич отмечал, что ему старались оказать услуги: предо-

ставить заимку для жилья (мараловод Ошлыков), бесплатно забить для обследования оленя (мараловод Чернов) и т.п.

Я долго «лопатил» литературу конца XIX века, чтобы найти у исследователей того периода, крестьянскую суть, «нутро» крестьянина того периода. Мне кажется, что наилучшим образом написал об этом А.Н. Энгельгард: «Известной дозой кулачества обладает каждый крестьянин, за исключением недоумков, да особенно добродушных людей и вообще «карасей». Каждый мужик в известной степени кулак, шука, которая на то и в море, чтобы карась не дремал...

Я не раз указывал, что у крестьян крайне развит индивидуализм, эгоизм, стремление к эксплуатации. Зависть, недоверие друг к другу, подкапывание одного под другого, унижение слабого перед сильным, высокомерие сильного, поклонение богатству, всё это сильно развито в крестьянской среде. Кулаческие идеалы царят в ней, каждый гордится быть шукой и стремится пожрать карася. Каждый крестьянин, если обстоятельства тому благоприятствуют, будет самым отличнейшим образом эксплуатировать всякого другого, всё равно крестьянина или барина, будет выжимать из него сок, эксплуатировать его нужду. Всё это, однако, не мешает крестьянину быть чрезвычайно добрым, терпимым, по-своему необыкновенно гуманным, своеобразно, истинно гуманным, как редко бывает гуманен человек из интеллигентного класса. Вследствие этого интеллигентному и бывает так трудно сойтись с мужиком. Посмотрите, как гуманно относится мужик к ребёнку, к идиоту, к сумасшедшему, к иноверцу, к пленному, к нищему, к преступнику – от тюрьмы да от сумы не отказывайся, – вообще ко всякому несчастному человеку. Но при всём том нажать кого при случае – нажмёт. Если скот из соседней деревни, в которой нет общности в выгонах, будет взят крестьянами в потраве, то они его не отдадут даром. Если крестьяне поймают в своём лесу порубщика, то вздуют его так, что он и детям своим закажет ходить в этот лес – потому-то в крестьянском лесу не бывает порубок, хотя там нет сторожей и полесовщиков. Как бьют воров и конокрадов – всем известно. Помещик скорее, чем крестьянин, простит потраву, поруб, воровство. Так себе простит, помещику это ничего не стоит, он добро не своим хребтом наживал...

Каждый мужик при случае кулак, эксплуататор, но пока он земельный мужик, пока он трудится, работает, занимается сам землёй, это ещё не настоящий кулак, он не думает всё захватить себе, не думает, как бы хорошо было, чтобы все были бедны, нуждались, не действует в этом направлении. Конечно, он воспользуется нуждой другого, заставит его поработать на себя, но не зиждет своё благосостояние на нужде других, а зиждет его на своём труде. От такого земельного мужика вы услышите: «Я люблю землю, люблю работу, если я ложусь спать и не чувствую боли в руках и ногах, то мне совестно, кажется, будто я чего-то не сделал,

даром прожил день». У такого земельного мужика есть и любимый непродажный конь. Такой мужик радуется на свои постройки, на свой скот, свой конопляник, свой хлеб. И вовсе не потому только, что это доставит ему столько-то рублей. Он расширяет своё хозяйство не с целью наживы только, работает до усталости, недосыпает. У такого земельного мужика никогда не бывает большого брюха, как у настоящего кулака» [54].

Мне кажется, что это определение полностью подходит к характеристике социального портрета не только смоленского крестьянина, но и алтайского крестьянина-мараловода конца XIX века. Ещё оставалась у крестьянина-мараловода вера, что его трудолюбие будет оценено в загробной жизни как нравственное превосходство над «никонианством», ещё существовала в душе этого человека внутриличностная стычка между понятиями «надо» и «стыдно», которая старательно замаливалась, ещё сильна была общинность, замешанная на вере, но развитие капиталистических отношений в крестьянской среде России продолжалось, и важными факторами жизни мараловодов Алтая становились не только добросовестность и честность, но и выгодность, материальный интерес и т.п.

3.

По экспертным оценкам историка Н.М. Никольского, к старообрядческим религиозным течениям принадлежала одна треть населения России [34]. К 1905 году староверы фактически доминировали в торгово-промышленном капитале России. Всё это, безусловно, формировало со стороны власти более терпимое отношение к старообрядчеству. В апреле 1905 года в России вышел Указ «Об укреплении начал веротерпимости», который разрешил свободу вероисповедания, отменил понятие «раскола» в православии, заменив «раскольников» на «старообрядцев», и т.д. [37] В правовом смысле старообрядцы получили, наконец, все права российских граждан, и это положительно сказалось на развитии их хозяйственно-общественной жизни в нашей стране.

Крестьяне-мараловоды ещё более активно добивались отвода новых земель под маральники, не боялись обращаться с прошениями к самому Императору Николаю II. Власть в Алтайском округе не относилась к мараловодству к сельскому хозяйству, а считала его одним из промыслов крестьян, и в целом поддерживала этот вид деятельности. Прошение крестьянина Черемнова Л.В. из деревни Соловьёвой Зырянской волости о разрешении создания маральника на арендованных 140 десятинах, например, управляющий Усть-Каменогорским имением поддержал с целью развития этого промысла в западной части Бухтарминского края «без всякой добавочной арендной приплаты впредь до окончания контрактного срока» [8]. Чиновники по судейским делам рассматривали спорные вопросы между властью и мараловодами вполне объективно [9]. В ГААК есть списки алтайских крестьян за 1910-1911 годы с прошениями об аренде земли, в том числе под разведение оленей (табл. 5).

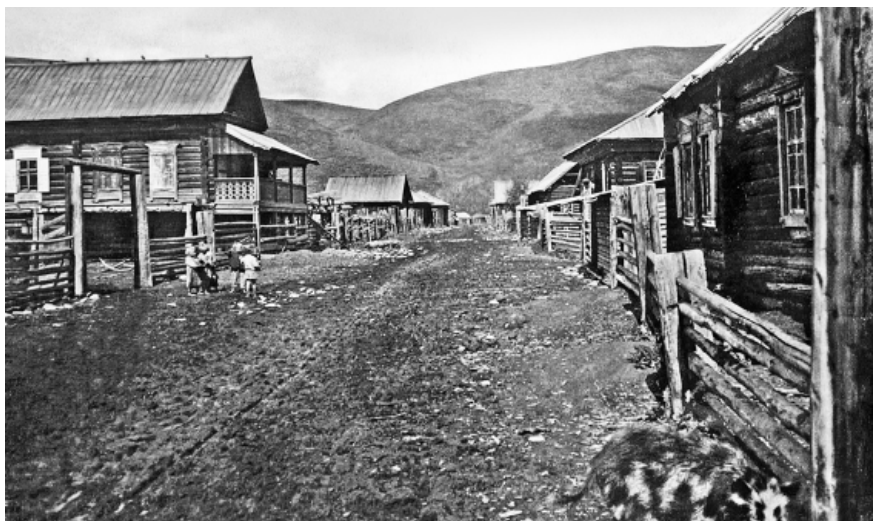
**Список прошений об аренде земли под разведение маралов
(1910-1911 гг.)**

Фамилия	Содержание прошения
Огнёв Анфим, д. Катанда	25 десятин под мараловодство на р. Кучерла
Шадрин Леонтий, д. Мыюта	Прирезать землю к имеющемуся маральнику на реке Белая Мыюта
Осокина Евгения, с. Шебалино	150 десятин под маральник и 200 десятин под сенокос на г. Гурдоба
Ошлыков Фока, д. Нижний Уймон	70 десятин к маральнику на р. Михайловка
Ошлыков Ульянов, д. Нижний Уймон	Прирезать 75 десятин к маральнику на р. Мульта
Ошлыков Никифор, д. Нижний Уймон	Прирезать 70 десятин под маральник на р. Акчак.
Ошлыков Пелей, д. Нижний Уймон	Прирезать 100 десятин к маральнику.
Быков Ефим	Просит хутор под мараловодство на р. Мульчиха
Буньков Трифон	Просит аренду земли под маральник на р. Кучерла
Фоминых Лука, д. Талица	Просит от 25 до 105 десятин под маральник на р. Талица
Фоминых Иван, д. Талица	60 десятин под маральник на р. Талица
Блинов Родион, д. Верх Уймон	100 десятин для маральника около д. Кайтанак
Шабураков Степан, д. Верх Уймон	100 десятин под маральник на р. Черная
Козлов Андрей, д. Мыюта	50 десятин под маральник на р. Арбайта

Некоторые мараловоды повторяли свои просьбы. В начале XX века концентрация капитала в мараловодстве активно продолжалась. Быстрый рост капитала приносила торговля пантами. Мараловоды Ошлыковы с Нижнего Уймона уже в 1869 году без каких-либо разрешений активно торговали пантами в Кош-Агаче, в том числе с китайскими купцами [11].

В 1881 году Г.Н. Потанин отмечал со слов мараловодов, что наблюдается монополизация торговли рогами в руках двух купеческих домов: Гилевых и Ошлыковых [38]. В 1897 году все мараловоды Алтая жаловались А.А. Силантьеву на несправедливое распределение дохода между производителями и продавцами пантов [44, стр. 34-35].

В 1902 году неизвестный автор в заметке «Мараловодство в Горном Алтае» отмечал: «Прежде всего надо заметить, что промысел этот сам по себе является чрезвычайно выгодным, т.к. требует сравнительно незначительных затрат

д. Белая. В 1917 г. здесь было 49 мараловодов

по содержанию маралов, а доход... весьма и весьма значительный. Некоторые более или менее значительные мараловоды (Варвинский – с. Онгудай, Попов – д. Шебалина, Шадрин – с. Маюга) составили себе от маральников весьма приличное состояние для крестьянского быта... Главными скупщиками маралых рогов на месте их добывания в Горном Алтае являются отчасти сами мараловоды Попов (д. Шебалино), Варвинский (с. Онгудай), отчасти же бийские купцы, ведущие меновую торговлю с Монголией» [55].

Крестьяне Горного Алтая с некоторой завистью относились к достатку мараловодов и называли их «рогачами». Вопрос о выгодности мараловодства для населения Алтая и его исследователей всегда был очевидным. А.М. Никольский в 1882 году писал: «При стаде в 50 голов самцов хозяин может получить 2000 рублей в год, приобретаемых разом и без больших хлопот и затрат. Особенного ухода, как уже было видно, совершенно не нужно; содержание же стоит очень дешево, благодаря обилию трав. Из этих условий можно видеть, каким выгодным источником доходов может служить эта оригинальная отрасль сельского хозяйства...» [33, стр. 181].

Далее в 1897 году А.А. Силантьев пришёл к выводу: «Бесспорный является только тот факт, что промысел этот весьма выгоден, и что многие семьи, раздобыв когда-то каким-нибудь способом маралёночка или бычка, благодаря получавшейся ежегодно с его головы жатве, стали на ноги, не говоря уже про тех, кому удалось, не ограничившись одним маралом, завести их несколько. Случается, что один удачный бык даёт за всех свою жизнь своим хозяевам до 1000 и даже более рублей» [44, стр. 25].

Хорошо посчитал в 1882 году потенциальный доход от 50 маралов-самцов А.М. Никольский, да только даже в 1897 году таких крупных ма-

раловодов было всего два, а в 62% мараловодов имели до 10 маралов, т.е. не более 3-5 самцов, а это уже совсем другая экономика (см. табл. 4).

Не касался расходов по содержанию оленей и очень ответственный исследователь А.А. Силантьев. У журналистов был тем более поверхностный взгляд на доходность мараловодства. Автор статьи «Мараловодство в Горном Алтае» сообщал: «Едва ли найдётся ещё какое-либо животное, которое было бы настолько малотребовательное и, вместе с тем, настолько выгодное для разведения, как марал. Почти круглый год марал не требует никакого ухода, пущенный в маральник, он сам находит себе корм, лишь бы площадь маральника была достаточно обширна. Кроме того, под маральник, обыкновенно, отводится место гористое, использовать которое домашними животными (коровами, лошадьми) не всегда возможно вследствие крутизны склонов. Марал же на таких местах чувствует себя как дома. Единственная забота мараловода – это во время и с умением снять рога, которые через год опять вырастают и опять снимаются и так все время жизни марала в маральнике» [55].

Однако, расходы по созданию и содержанию маральников, безусловно, были и немалые. При этом некоторые расходы трудно даже оценить деньгами. Вот, например, Д.К. Соловьёв после обследования в 1915 году состояния мараловодства в «Саянском крае», подчеркнул в дальнейшем: «Из расходов же мараловодов видно, что основание маральнику кладётся самим, поймавшим марала; он его содержит год-два и в это время старается поймать ещё новых маралов; если ему это удаётся, то маральник его увеличивается, и мараловоду уже приходится обзаводиться специальным двором...» [46, стр. 451].

В работе «У истоков пантового оленеводства России» (2014) я постарался подробно рассмотреть все стороны, сложности и риска ловли живых оленей. Если в конце 1870-х годов пойманный олень стоил 30-50 рублей, то в 1892 году – уже 100 рублей, а с 1898 года отлов оленей на Алтае был запрещён совсем. В 1906 году цена марала достигала 200 рублей [51, стр. 138].

Строить оленник-сад для 1-2 животных было невыгодно, и их, в основном, держали в загоне рядом с остальным скотом. Когда мараловод решался создавать специальный маральник, то основными были даже не расходы на строительство изгороди и избушки, а усилия по получению земельного участка под строительство. Если участок был на землях общины, то он сдавался под обязательства какой-либо отработки (содержание дороги, моста и т.п.), но если это были «кабинетные земли», то решение формировалось долго, на всех уровнях власти и мараловоды часто шли на незаконный захват земли с надеждой оформить его «по факту». Это были очень рискованные затраты, и далеко не каждый решался на такой шаг.

Ветеринарный врач Яковлев отмечал в 1892 году, что стоимость изгороди самого небольшого маральника в 100 звеньев от 100 до 150 рублей [60, стр. 4]. Каждое звено ограды в 3 сажени обходилось в 2-4 рубля. На каждого взрослого марала ежегодно надо было заготавливать на период зимнего его

содержания 25-30 копен сена. Это меньше, чем на корову, но всё равно достаточно много. А помимо сена надо было давать овёс и соль, иногда хлеб. Охранять маральник должны были или члены семьи, или нанятые работники. Срезка пантов невозможна была без «помочи» односельчан с соответствующими затратами на обед, пиво и участие в «помочи» другим. Арендная плата за землю составляла по 1 рублю с головы у сельского общества и 50 копеек с десятины у государства.

В 1909 году крупный мараловод из деревни Шебалино А.С. Попов, например, жаловался в Министерство торговли и промышленности, что сельское общество деревни Шебалиной, к которому он принадлежит, облагает лиц, занимающихся мараловодством, сбором, увеличивая его ежегодно и доведя в 1909 году до 1 рубля с каждого марала, в том числе и самок, никакого дохода не дающих [42].

При этом маралы иногда болели, убегали из маральника. Цена на панты являлась очень сложной рыночной категорией и крайне завесила как от качества готового панта, так и от многих факторов на китайском рынке.

Таблица 6

Доходность мараловодства по данным Ф.П. Андреева [2]

Показатели \ Маральник	Стадо из 12 голов: быков – 5, маралух – 6, телят – 1.	Стадо из 47 голов: быков–18, маралух – 26, телят – 3.
1. Расход на аренду, ограду, овёс	15,55 руб. на голову	12,25 рублей на голову
2. Приход на каждую голову	13,45 руб.	17,00 руб.
3. Доходность на быка	26,05 руб.	60,25 руб.

В архивных материалах ГААК имеются доказательства очень взвешенного подхода властей Алтайского округа к развитию мараловодства. Так, в сентябре 1905 года исполняющий должность управляющего Усть-Каменогорским имением Алтайского округа В.С. Никитин подготовил отчет («доношение») начальнику округа А.В. Розанову о состоянии мараловодческой отрасли в д. Берёзовка, с. Берель, с. Арчаты. Он подробно изучил состояние 42 маральников, в том числе по самому сложному – земельному вопросу. Испробовав все попытки взыскать арендную плату с мараловодов этих сел за многолетнее незаконное использование «кабинетных» земель, Вениамин Степанович разобрал причины и написал в доношении: «Но прежде чем воспользоваться этим крайним средством (обращением в суд – Н.Ф), я считаю нравственной обязанностью предоставить на благоусмотрение Вашего превосходительства вопрос о справедливости обложения сказанных выше маральников оброком в доход Кабинета его Величества и шаткости юридических оснований этого

оброка». Вначале своего анализа он отмечал, что начало занятия мараловодством для крестьянина – это дорогое удовольствие (100-200 рублей за марала и 60-80 рублей за самку) и поэтому эта дороговизна долго держала мараловодство «на стадии опыта и оно было по средствам лишь немногим из местных богачей». Затем выгода стала проявляться, и началось «подражание в самых широких размерах» создания маральников. Многие «затрачивали последние средства на приобретение пары маралов-производителей и первоначальное обзаведение; терпеливо ждали, когда дело станет выгодным, а ждать нужно десятки лет; некоторые, конечно, разорялись на этом, другим счастье сопутствовало, и они действительно богатели. Но таких счастливых не бог знает сколько, да и притом все они люди выдающиеся по энергии, настойчивости, трудолюбию и изворотливости. Безошибочно можно сказать, что из 42 маральников, только 15 дают владельцам их чистый доход, как то будет видно из приводимых ниже данных» [12].

Далее В.С. Никитин отмечал, что увлечение мараловодством создало ему сказочную славу о возможности быстро и легко богатеть, которая, однако, имеет мало общего с действительностью, и делал выводы:

1. Мараловодство становится доходным при наличии не менее 20 маралов и не ранее, чем через 8-10 лет после создания маральника. Покупка пары маралов стоит в среднем 220 рублей, устройство сада в 5 десятин – 260 рублей, устройство караулки – 20 рублей. Это уже 500 рублей. Ежегодные расходы на содержание и охрану маральника – 60 рублей, ремонт – 30 рублей, случайные потери – 10 рублей, погашение

д. Печи. Дети играют в маральник

капитала – 50 рублей. Это ещё 150 рублей. Пригораживание маральника через 3-4 года требует 50 рублей в год. Таким образом, каждый мараловод только на содержание городьбы маральника в первые 10 лет тратит не менее 200 рублей.

Кроме того, на каждого марала ежегодно тратится на:

– корм (сено и овёс) – 10 руб.;

– государственная земельная оброчная подать – 1 руб.;

– губернский и сельский сборы – 0,5 руб.

Это ещё 11,5 рублей ежегодных расходов на одно животное.

Доход получают с самцов, которые составляют 30% от общего стада. Средний доход на марала 40-60 рублей, а на каждую голову 18-25 рублей. В результате «первые годы маральник даёт убыток до 180 рублей» [12].

Только через 8-10 лет при наличии 15-20 маралов этот промысел начинает давать прибыль.

2. Для прокорма одного марала требуется не менее одной десятины для его пастьбы в естественных условиях. Если анализировать по этому показателю, то вновь получается, что только 36% маральников по факту приносят чистый доход. «Обстоятельство это даёт основание заключить, – писал В.С. Никитин, – что в отношении доходности предприятия облагать всех мараловодов одинаковым земельным оброком было бы крайне несправедливо» [12].

3. При обложении оброком мараловода следует считаться не только с доходностью конкретного маральника, но и знать, на чьей земле он расположен, так как взимать с промысла расположенного на крестьянской земле незаконно. Поэтому все маральники, расположенные ближе 10 вёрст от деревни на крестьянских землях, не должны облагаться оброком.

Этот обстоятельный доклад позволил начальнику Алтайского округа А.В. Розанову принять решение о «полюбовном» разграничении между крестьянами деревень Арчаты, Берёзовка и Берель, а также на первые 10 лет после создания маральника на землях Кабинета «не взимать с предпринимателей никакой арендной платы». После 10 лет брать по 20 копеек с десятины, занятой «садом». За маральники, устраиваемые в черте крестьянских наделов, «не взимать никакой платы» [12].

4.

Интересно, что А.В. Розанов называл мараловодов «предпринимателями», т.е. выделял их из крестьянства. Если это неслучайно, то в сочетании с официальным мнением, что мараловодство – это промысел, получается интересный вывод, но в начале ещё одна цитата: «Берельцы же, кроме сельского хозяйства, занялись ещё мараловодством, как промыслом, – пишет управляющий Усть-Каменогорским имением в 1902 году в Главное управление Алтайского округа, – и промыслом настолько выгодным, что сельское хозяйство является для них уже подспорьем при промысле...» [13].

Что же это за прослойка в крестьянской старообрядческой среде с социально-экономической точки зрения сформировалась к концу XIX

века на Алтае? Ответить на этот вопрос поможет такой источник, как первичные материалы-анкеты Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 года, хранящиеся в Центре хранения архивного фонда Алтайского края. Подворная карточка переписи 1917 года была самой обширной по своей программе из дореволюционных переписей в Сибири и включала 165 пунктов, сгруппированных в разделы. При переписи велась сплошная персональная регистрация населения.

Перепись проводилась в условиях тяжёлого социально-экономического положения России, общей озлобленности крестьянства и его неготовности давать переписному персоналу полные сведения [3]. Первая мировая война внесла серьёзные изменения в положение крестьянства, в том числе на Алтае. В Алтайской губернии, которая была выделена из Томской губернии в середине 1917 года, к этому моменту в войска было взято из сельского хозяйства почти 54% работников, что сильно подорвало производительные силы на селе. Мобилизации изъяли огромное количество лошадей. Засуха 1915 года сменилась холодной весной 1916 года и новой засухой. В 1915 году на Алтае убрали 85,5 млн. пудов хлеба, что составило только третью часть от урожая 1914 года. Возросли подати и повинности. Многие семьи голодали. В то же время появившаяся сельская буржуазия, используя продовольственный кризис и общую дороговизну, быстро обогащалась.

В этих условиях крестьяне стремились «умалить цифровые данные в своих ответах», чтобы скрыть реальное экономическое положение [35]. Достаточно враждебным было отношение к переписи со стороны старообрядцев. Один из переписчиков отмечал: «В каждом из нас они видели «антихриста» и после долгих колебаний шли давать показания, другие вовсе отказывались переписываться...» [16]. Всё это, конечно, отражалось на качестве опросных данных, но альтернативы этой переписи нет. По моим приблизительным расчётам, в 1917 году на Алтае было около 500 мараловодов, которые вместе содержали более 11 тысяч оленей-маралов. Около 350 мараловодов (8 тыс. оленей) проживало на Южном Алтае (теперь Казахский Алтай – Н.Ф.) и примерно 150 мараловодов (более 3 тыс. оленей) в Русском Алтае (теперь Алтайский край и Республика Алтай). В архиве удалось разыскать 229 анкет – переписных листов мараловодов Южного Алтая и 98 анкет мараловодов Русского Алтая. Имеющиеся 327 анкет позволяют вполне объективно дополнить социально-экономический портрет мараловодов Алтая.

Абсолютное большинство мараловодов были крестьянами, жили в селе и вели сельский образ жизни. Отдельные маральники на Алтае находились в собственности купцов Бийского и Змеиногорского уездов: Бодунов в с. Улала; Варвинский, Макаров, Котельников в с. Улаган, но это были исключения. Несколько маральников принадлежало богатым алтайцам, но это также совершенно не меняло общую картину мараловодства на Алтае.

Анализируя указанную категорию людей, рассмотрим вначале возраст алтайских мараловодов (табл. 7).

Таблица 7

Состав владельцев мараловодческих хозяйств Алтай по возрасту (%)

Территория Возраст, лет	Казахский Алтай	Русский Алтай	Алтай (вместе)
До 30	12	15,5	13
31-40	23	23	23
41-50	32	31	32
51-60	23	17,1	21
61-70	7,5	10	8
71-80	2,5	2,5	2,5
Старше 80	0,5	1	0,5

Более половины мараловодов (53%) находились в возрасте от 40 до 60 лет – самом работоспособном периоде жизни. Почти 36% – в возрасте до 40 лет и, скорее всего, являлись недавними наследниками дела, а некоторые отцы-основатели жили ещё в их семьях.

Отдельные мараловоды оставались у руля хозяйства до глубокой старости (табл. 8)

Таблица 8

Список самых старых мараловодов Алтай (по возрасту более 80 лет)

№	Поселение	Фамилия	Возраст мараловода	Количество маралов в хозяйстве
1.	д. Язовая Змеиногорского уезда	Качесов Павел Потапович	83	6
2.	с. Берельское Змеиногорского уезда	Коробейников Венедикт Андронович	82	60
3.	с. Берельское Змеиногорского уезда	Кузнецов Пётр Кузьмич	80	20
4.	выс. Огнёвка Бийского уезда	Кудрявцев Терентий Васильевич	80	8
5.	д. Верхний Уймон Бийского уезда	Атаманов Филипп Осипович	80	14
6.	с. Каргон Бийского уезда	Медведев Елисей Антонович	80	20

В числе молодых владельцев маральников встречаются фамилии Белоусовых, Черновых, Ошлыковых и др., деды которых стояли у истоков создания отрасли (табл. 9).

Таблица 9

Список самых молодых хозяев маральников на Алтае (до 30 лет)

№	Поселение	Фамилия	Возраст мараловода	Количество маралов в хозяйстве
1.	д. Язовая Змеиногорского уезда	Бердюгин Иван Фёдорович	27	9
2.	д. Язовая Змеиногорского уезда	Никулин Лукьян Асанович	26	2
3.	с. Берельское Змеиногорского уезда	Белоусов Давид Дмитриевич	27	160
4.	с. Берельское Змеиногорского уезда	Бердюгин Алексей Иванович	27	50
5.	с. Берельское Змеиногорского уезда	Кунгурцев Гавриил Иванович	27	20
6.	с. Берельское Змеиногорского уезда	Кузнецов Павел Фёдорович	25	7
7.	с. Берельское Змеиногорского уезда	Рыжков Антон Евгеньевич	25	16
8.	с. Берельское Змеиногорского уезда	Самойлов Павел Филиппович	27	7
9.	с. Берельское Змеиногорского уезда	Сосновский Савва Кириллович	24	19
10.	с. Берельское Змеиногорского уезда	Самойлов Сидор Филиппович	26	32
11.	д. Белая Змеиногорского уезда	Санаров Андрей Осипович	19	20
12.	д. Белая Змеиногорского уезда	Кленовицкий Никон Александрович	25	7
13.	д. Белая Змеиногорского уезда	Плотников Абросим Иванович	27	4
14.	пос. Арчаты Змеиногорского уезда	Галактионов Пётр Михайлович	27	14
15.	пос. Арчаты Змеиногорского уезда	Коновалов Ермил Матвеевич	19	14
16.	Займка Болтовский	Болтовский Галактион Владимирович	20	3

№	Поселение	Фамилия	Возраст мараловода	Количество маралов в хозяйстве
17.	д. Верхний Уймон	Чернов Фёдор Леонович	25	48
18.	д. Нижний Уймон	Ошлаков Максим Пелеевич	26	80
19.	с. Шебалино Бийского уезда	Шадрин Григорий Миронович	27	80
20.	д. Талица	Санаров Венедикт Осипович	18	5
21.	д. Талица	Санаров Савелий Осипович	27	2
22.	Займка Малый Сугаш	Блинов Игнатий Наумович	25	3
23.	уроч. Красноярка	Поносов Григорий Павлович	25	12
24.	Займка Тадыева	Кудрявцев Даниил Фёдорович	25	20
25.	Займка Творожанкина	Кудрявцев Максим Киприянович	24	9
26.	выс. Огнёвка	Кудрявцев Марк Терентьевич	27	2

Большинство наследников (в списке 18 человек из 26) имели менее 20 маралов и должны были ещё выводить маральники на уровень безубыточности, т.е. самостоятельно поднимать своё дело.

д. Печи. Сушка вываренных маральных рогов

Среди 326 владельцев маральников, анкеты которых мне удалось найти, восемь оказались женщинами. Подтверждаются слова очевидцев, исследователей Алтая того времени, что некоторые женщины после смерти своих мужей очень успешно продолжали семейное дело (табл. 10)

Таблица 10

Женщины – главы мараловодческих хозяйств на Алтае

№	Характеристика хозяйств Фамилия	Возраст главы	Членов семьи	Маралов	Лошадей	КРС	Другие промыслы
1.	Соболевская Парасковья Алексеевна (с. Берельское)	44	8	40	8	9	Земская квартира, маслодельное общество
2.	Панкратьева Ирина Давидовна (д. Белая)	42	7	2	8	18	н.д.
3.	Болтовская Агафья Антоновна (с. Березовка)	54	3	15	13	5	Артель по производству масла
4.	Русакова Ирина Ильинична (с. Березовка)	33	11	28	30	36	100 овец, пасека, мельница, артель по производству масла
5.	Рахманова Харития Филипповна (с. Березовка)	38	9	20	19	16	Пасека, артель по производству масла
6.	Затеева Евдокия Германовна (с. Черновое)	50	3	3	30	32	65 овец, маслодельное товарищество
7.	Кузнецова Евдокия Павловна (с. Черновое)	46	6	15	12	14	Маслопереработка
8.	Болтовская Ульяна Григорьевна (заимка Болтовский)	44	4	30	19	18	Пасека, сепаратор, постоянно 4 рабочих

Все восемь женщин – из Змеиногорского уезда. В Бийском уезде встречаются в литературе только маральники Поповой и Шадриной, но в переписи их нет.

Большинство семей алтайских мараловодов (60%) были многочисленными – более шести человек (табл. 11)

**Состав мараловодческих хозяйств
по количеству членов семьи (%)**

№	Район Алтая	Членов семьи			
		1–3	4–6	7–9	10 и более
1.	Казахский Алтай	9,5	31,5	39,0	20,0
2.	Русский Алтай	6,0	30,0	42,5	21,5
3.	Алтай (вместе)	9,0	31,0	40,0	20,0

Некоторые мараловодческие семьи имели 12 и более членов:

Глава семьи	Поселение	Членов семьи
Головин Кирилл Дмитриевич	д. Чечулиха Бийского уезда	17
Попов Алексей Степанович	с. Шебалино Бийского уезда	16
Кудрявцев Пахом Васильевич	выселок Огнёвка Бийского уезда	14
Шестаков Павел Ильич	с. Каргон Бийского уезда	14
Ленский Петр Логинович	д. Нижний Уймон Бийского уезда	12
Сидоров Герасим Кириллович	д. Коробиха Змеиногорского уезда	12
Анфилофьев Алексей Терентьевич	с. Берельское Змеиногорского уезда	12

Не менее 15 хозяйств имели по 12 членов семьи. Особенно экономически сильными были мараловодческие семьи с большим количеством мужчин. Например, у Болтовского С.С. из Катанды в семье из 10 человек, было 6 сыновей, у Бунькова К.Г. (Катанда) из 11 членов семьи – 5 сыновей и т.д. У А.С. Попова (с. Шебалино) в едином хозяйстве работали 4 из 5 сыновей вместе с жёнами. Старший сын служил в Монголии в консульстве и, скорее всего, серьёзно помогал отцу в международной торговле. Именно такие крупные семьи при наличии хорошего управления главой хозяйства добивались выдающихся экономических показателей в деле.

Даже в 1929 году, когда частное мараловодство на Алтае было уже в глубоком кризисе Е.Э. Бломквист и Н.П. Гринкова отмечали: «Мараловодство давало и даёт значительные суммы, которые позволяют кержакам приобретать для своего домашнего обихода целый ряд предметов, недоступных даже зажиточным хозяйствам других районов (швейные машины, эмалированную и вообще металлическую посуду, большое количество шёлковых и шерстяных тканей и т.п.» [5, стр. 123]. Итак, в 1917 году в основе сильного мараловодческого хозяйства находилась крупная, сплочённая общими ценностями и хорошим управлением семья.

Из старообрядческой природы алтайских мараловодов, на основании литературных данных, я сделал вывод, что новая отрасль будет распространяться, в основном, среди сторонников старой веры. Данные переписи 1917 года подтверждают это. (табл. 12).

Анализ «семейности» в мараловодстве Алтая

№	Показатель Поселение	Мараловодческих семей	
		Всего	В том числе
1.	д. Фыкалка	17	Шарыповы – 13; Затеевы – 3
2.	д. Язовая	32	Качесовы – 8; Никулины – 6
3.	с. Берельское	45	Белоусовы – 8; Самойловы – 5; Кузнецовы – 4
4.	д. Белая	49	Зайцевы – 11; Барсуковы – 9; Рахмановы – 4; Коробейниковы – 9; Зыряновы – 9
5.	с. Черновое	29	Ионовы – 7
6.	с. Каргон	6	Шестаковы – 3
7.	д. Верхний Уймон	14	Бочкарёвы – 6; Черновы – 3; Черепановы – 3
8.	выс. Баштала	6	Кудрявцевы – 4; Фоминых – 2
9.	д. Нижний Уймон	6	Ошлыковы – 4
10.	д. Терехта	4	Нагибины – 4
11.	д. Тюгурюк	3	Кудрявцевы – 3
12.	с. Шебалино	11	Шадрины – 6; Поповы – 5
13.	д. Талица	8	Фоминых – 4; Санаровы – 3
14.	выс. Огнёвка	5	Кудрявцевы – 5
15.	выс. Власёвка	5	Казанцевы – 5

Кудрявцевы, например, в Русском Алтае владели в 1917 году 16 маральниками, в том числе, помимо указанных поселений, ещё и на выселке Гагаринский, заимке Творожанкина, заимке Тадыева.

Итак, к 1917 году мараловодство продолжало развиваться среди старообрядцев по семейно-родственной линии.

5.

Сельскохозяйственная перепись населения 1917 года позволяет сделать некоторые выводы о развитии мараловодства на Алтае и с экономических показателей. Из архивных данных стало ясно, что основным экономическим показателем успешности мараловодческого хозяйства являлось количество пантовых оленей. Конечно, в доходности хозяйства сказывалось и умение правильно содержать оленей, хорошо консервировать панты, удачно продать их, но эти характеристики и тогда, и теперь объективно проанализировать очень трудно. Проведём анализ мараловодческих хозяйств по количеству содержащихся в них оленей в разрезе двух крупных центров оленеводства Алтая: Южный Алтай и Русский Алтай (табл. 13).

**Анализ мараловодства Алтая по количеству маралов
на одного хозяина (%)**

Территория Маралов в одном хозяйстве	Южный Алтай	Русский Алтай	Алтай (вместе)
1 – 5	19,3	14,1	17,8
6 – 10	19,7	27,3	22,0
11 – 20	29,3	30,4	29,6
21 – 3	10,3	12,1	10,8
31 – 40	9,0	4,0	7,5
41 – 50	4,3	2,0	3,6
51 – 60	2,6	2,0	2,4
61 – 70	1,3	5,1	2,4
71 – 80	0,4	2,0	0,9
81 – 90	0,4	-	0,3
91 – 100	0,4	-	0,3
101 – 150	1,3	-	0,9
151 – 200	1,3	1,0	1,2
Более 200	0,4	-	0,3

Из данной таблицы следует, что 69,4% мараловодов Алтая имели 20 и менее маралов, а почти 40% – даже не более 10 маралов, т.е. все они пока не были прибыльными и находились в стадии, когда в маральники надо было ещё инвестировать труд, капитал и доводить их до безубыточности. В то же время не менее 102 маральников (30%) при правильном управлении должны были

д. Коробиха. Крестьяне едут на пашню

приносить доход их владельцам. В числе этих 102 мараловодов не менее 30, скорее всего, были уже очень состоятельными хозяйствами (табл. 14).

Таблица 14

**Список мараловодов Алтая, имевших в 1917 году
в собственности более 100 маралов**

Поселение	Фамилия мараловода	Количество маралов
с. Берельское	Белоусов Родион Дмитриевич	160
с. Берельское	Белоусов Тимофей Дмитриевич	141
с. Берельское	Белоусов Давид Дмитриевич	160
с. Берельское	Белоусов Иван Степанович	254
с. Берельское	Медведев Лука Фёдорович	180
с. Берельское	Рахманов Константин Евсеевич	143
Заимка Болтовский	Болтовский Савин Иванович	140
с. Шебалино	Попов Алексей Степанович	200

Однако самым крупным мараловодом дореволюционного Алтая являлся, на мой взгляд, Попов Алексей Степанович, который уже в 1912 году имел почти 300 маралов и 65 голов передал брату Василию. Но главное – А.С. Попов был самым крупным мараловодом – продавцом пантов в Китае.

В целом же за 20 лет с 1897 года количество маральников удвоилось так же, как удвоилось и число прибыльных маральников. Из таблиц 13 и 14 видно, что в 1917 году размах мараловодства в Южном Алтае существенно превосходил развитие этой отрасли в Русском Алтае. Концентрация мараловодов в отдельных поселениях Южного Алтая была значительно выше, чем в Русском Алтае (табл. 15).

Таблица 15

Концентрация мараловодства в отдельных поселениях Алтая

Южный Алтай		Русский Алтай	
Поселение	Количество маральников	Поселение	Количество маральников
д. Белая	48	д. Верхний Уймон	15
с. Берельское	45	с. Шебалино	11
д. Язовая	31	д. Талица	8
д. Черновое	29	д. Нижний Уймон	6
с. Берёзовка	18	с. Каргон	6
д. Фыкалка	15	выс. Баштала	6
с. Медведовское	12	с. Улаган	5

Вместе с тем, мараловоды Алтая занимались не только разведением пантовых оленей, но также активно развивали растениеводство, животноводство, пчеловодство, охотничий промысел и торговлю. Более того, мараловоды черпали свои инвестиции в разведение оленей непосредственно из сельскохозяйственной деятельности, причём инвестировать приходилось из сельского хозяйства и других промыслов в среднем 8-10 лет и только потом разведение оленей выходило на самоокупаемость. Поэтому реальные производственные активы мараловодов состояли не только, а чаще и не столько из маральника.

Важнейшим активом мараловодческой семьи, конечно, были лошади, как тягловая сила, как транспортное средство. В условиях горной местности невозможно развиваться без достаточно большого количества рабочих лошадей. Исследователи даже иронизировали, что сибирские крестьяне заготавливают уйму сена, чтобы кормить большое количество лошадей, необходимых для вывоза этого сена. Проанализируем насколько были обеспечены лошадьми алтайские мараловоды (табл. 16).

Таблица 16

**Распределение мараловодческих хозяйств Алтая (%)
по количеству имевшихся у них лошадей**

Территория Количество лошадей	Южный Алтай	Русский Алтай	Алтай (всего)
1 – 5	7,4	4,0	6,4
5 – 10	21,7	15,3	19,8
11 – 20	43,6	25,5	38,3
21 – 30	16,5	23,5	18,5
31 – 40	8,2	13,3	9,7
41 – 50	1,3	3,1	1,8
Более 50	1,3	15,3	5,5

Я не включил в таблицу алтайца Кульджина Аргымая (урочище Теньга Бийского уезда) с его 650 лошадьми, так как в переписи у него нет маралов, хотя, по литературным источникам, они были.

Данные таблицы 16 демонстрируют в целом высокий уровень обеспечения мараловодческих хозяйств лошадьми: почти 75% мараловодов имели 11 и более лошадей на хозяйство.

Мараловоды Русского Алтая значительно превосходили своих коллег с Южного Алтая в процентном отношении по количеству лошадей: от 21 и более на одно хозяйство. На Русском Алтае только четыре мараловода (4%) имели менее 5 лошадей на хозяйство, в то время как на Южном Алтае таких мараловодов было 17 (7,4%). На Русском Алтае было 15 ма-

раловодов, имеющих в хозяйстве более 50 лошадей, что в 14 раз больше в процентном отношении, чем в Южном Алтае (3 человека). В списке 7 мараловодов Алтая, имеющих самое большое количество лошадей на хозяйство, с Южного Алтая – только один Шарыпов (*табл. 17*).

Таблица 17

**Список мараловодов Алтая, имевших в хозяйстве
более 80 лошадей**

Поселение	Мараловод	Количество лошадей
д. Фыкалка	Шарыпов Евтроний Афанасьевич	81
д. Верхний Уймон	Атаманов Филипп Осипович	89
д. Верхний Уймон	Чернов Федот Леонович	115
д. Нижний Уймон	Ошлыков Максим Пелеевич	90
д. Тюгюрюк	Кудрявцев Полиэкт Никонович	85
с. Улаган	Юлуков Николай Степанович	130
с. Улаган	Юлуков Семён Степанович	180

Если в Южном Алтае лошадей для продажи содержали 27,3% мараловодческих семей, то в Русском Алтае таких семей было в два раза больше (55,2%). Наряду с лошадьми, алтайские мараловоды охотно содержали крупно-рогатый скот как молочного, так и мясного направления. Если в России на 100 душ населения в это время было 14 дойных коров, в Томской губернии – уже 45, то у мараловодов эти цифры были иногда на порядок выше (*табл. 18*)

Таблица 18

**Анализ мараловодческих хозяйств Алтая (%)
по наличию крупно-рогатого скота**

Территория Количество КРС	Южный Алтай	Русский Алтай	Алтай (всего)
1–5	5,6	1,0	4,3
6–10	17,3	12,3	15,8
11–15	32,6	11,2	26,1
16–20	19,9	14,3	18,2
21–25	14,7	15,3	14,9
26–30	4,3	9,2	5,8
31–40	4,8	16,3	8,2
41–50	0,4	6,1	2,1
Более 50	0,4	14,3	4,6

Пасека Тимофея Архипова близ Катанды. 1895 г.

Если предположить, что даже для крупной семьи мараловода с целью самообеспечения молоком, сливками, маслом и мясом достаточно было 20 голов КРС, то почти 36% семей алтайских мараловодов держали скот для товарной реализации молока и мяса. Среди мараловодов Южного Алтая таких семей было около 25%, на Русском Алтае – более 61%.

У А.С. Попова из с. Шебалино на 16 членов семьи было 106 голов КРС, т.е. 6,6 головы на члена семьи. У Е.А. Шарыпова из д. Фыкалки на 12 членов семьи было 81 голова КРС – по 6,8 головы на человека и т.д.

Скотоводство, как и земледелие, велось экстенсивно. Содержание скота было примитивным, а культура животноводства низкой. Однако даже такое животноводство позволяло развиваться на Алтае маслоделению, которое в начале XX века получило мировую славу. Первые маслозаводы появились в Алтайском округе в конце XIX века, но к 1900 году их было уже 237, а к 1914 году – около 2000 заводов. И хотя в абсолютном большинстве они были кустарными с 2–3 работниками, но имели приемлемое качество и низкие цены. Дания, Германия, Англия и другие европейские страны охотно импортировали алтайское масло.

Мараловоды Алтая принимали активное участие в развитии маслоделия. Около 20% этих семей имели в собственности сепараторы, сбойки. Многие состояли членами артелей по производству молока и

масла, являлись членами молочных кооперативов и молочных потребительских обществ. В д. Фыкалке, например, из 17 мараловодческих хозяйств 9 имели свои сепараторы. В д. Чечулихе все 3 мараловода также имели сепараторы. Сепараторы и сбойки мараловоды предпочитали иметь в собственности семьи, но 41% семей состояли в разных формах кооперации по переработке и реализации продукции из молока. В д. Быково, например, все четыре мараловода с 1912 года состояли членами артели по производству масла. Единая вера и общинное согласие позволяли мараловодам-старообрядцам гораздо активнее основной массы крестьян Алтая развивать все формы кооперации на селе. В кредитных товариществах участвовали почти 30% мараловодческих хозяйств. В производственной кооперации участвовали более 40% мараловодов, часть из них находилась сразу в нескольких формах кооперации. Несколько слабее развивали мараловоды на Алтае в своих хозяйствах овец (табл. 19).

Таблица 19

**Анализ мараловодческих хозяйств Алтая (%)
по содержанию овец**

Количество овец в хозяйстве \ Территория	Южный Алтай	Русский Алтай	Алтай (всего)
1–5	26,0	8,9	20
6–10	24,0	12,7	20
11–15	17,8	12,7	16
16–20	8,9	11,4	9,8
21–30	10,3	11,4	10,7
31–40	2,7	11,4	5,8
41–50	2,7	8,9	4,9
51–70	4,1	7,6	5,3
71–100	2,1	7,6	4,0
Более 100	1,4	7,6	3,6

Более 55% семей мараловодов Южного Алтая и 20% семей Русского Алтая вообще не занимались разведением овец. Охотнее овцеводством занимались мараловоды Русского Алтая. Почти 55% их держало в своих хозяйствах более 20 овец, тогда как в Южном Алтае таких хозяйств было только 23%. Овец на Алтае мараловоды держали, как правило, для собственных нужд.

Также обстоит дело у мараловодов и с разведением прочих животных (свиньи, козы). Более 53% из них вообще не держали в хозяйствах этих животных, а в Южном Алтае таких было более 67%. (табл. 20).

**Анализ мараловодческих хозяйств Алтая (%)
по содержанию свиней и коз**

Территория / Количество животных	Южный Алтай	Русский Алтай	Алтай (всего)
1–5	68,2	45,8	61,3
6–10	23,4	29,2	25,2
11–15	6,6	10,4	7,7
16–20	0,9	4,2	1,9
Более 20	0,9	10,4	3,9

Из табл. 20 следует, что мараловоды Алтая содержали в своих хозяйствах свиней и коз только для собственных нужд (мясо, молоко, пух). В целом из табл. 16–20 очевидно, что животноводством (лошади, КРС, овцы, свиньи, козы) охотнее и успешнее занимались мараловоды Русского Алтая. Таким образом, в силу разных причин (одна из них – более позднее появление маральников на Русском Алтае) мараловодческие хозяйства Южного Алтая были в 1917 году более специализированы на разведение пантовых оленей, в то время как на Русском Алтае мараловоды успешнее развивали животноводство в целом.

Земледелие в горной местности, где в основном занимались разведением оленей, не было развито так, как животноводство, и по природно-климатическим условиям, и из-за отсутствия права собственности на наделенные земли. Реформа 1861 года не смогла добраться на Алтай, где продолжала господствовать монополярная собственность государства (Кабинета).

В целом же Алтай был центром мукомолья не только в Томской губернии, но и во всей Западной Сибири [23, стр. 226]. В Алтайском округе было сосредоточено к 1917 году 72% всех сенокосилок Сибири, 73% жаток, 45% молотилок.

Даже в горной местности 66 алтайских мараловодов (23%) являлись совладельцами мельниц. В основном они были в паевой собственности (от 1/2 до 1/6 на человека), но были и единоличные мельницы. Сельскохозяйственную технику, оборудование и инструмент ремонтировали, в том числе в своих кузницах – 4% мараловодов были владельцами и совладельцами кузниц. Мараловод Барсуков Н.Д. (42 марала) из д. Белая, например, имел пасеку, кузницу и владел 1/6 пая в мельнице [14]. Блинов А.Т., владелец 50 маралов из д. Согорной, имел пасеку, кузницу, мельницу, сепаратор и состоял в двух потребительских обществах [15].

Не все алтайские мараловоды имели свои наделы земли. В Южном Алтае таких было около 70%, а в Русском Алтае – около 45%, т.е. значительно меньше (табл. 21).

Таблица 21

**Анализ мараловодческих хозяйств Алтай (%)
по количеству душевых наделов земли**

Количество душевых наделов земли на хозяйство	Территория		
	Южный Алтай	Русский Алтай	Алтай (всего)
1 –	15,8	25,0	17,3
2 –	25,6	22,7	25,2
3 –	24,3	20,5	23,7
4 –	17,1	18,2	17,3
5 –	11,3	6,7	10,5
6 –	4,1	4,6	4,1
7 –	1,4	2,3	1,5
8 –	0,4	-	0,4
Более 8	-	-	-

Две трети всех мараловодов имели не более трёх наделов на семью. На Русском Алтае 25% мараловодов вообще имели только по одному земельному наделу на семью. Преимущество в паевом землевладении имели большие мараловодческие семьи, но их было немного (табл. 22).

Таблица 22

Список мараловодов Алтай, имеющих 6 и более наделов земли

№	Фамилия	Число земельных наделов	Количество членов семьи	Территория
1.	Шарыпов Евтроний Афанасьевич	8	12	Южный Алтай
2.	Лысов Терентий Трифионович	6	9	Южный Алтай
3.	Барсуков Филимон Дмитриевич	6	9	Южный Алтай
4.	Зырянов Нестор Емельянович	6	10	Южный Алтай
5.	Коробейников Венедикт Андронович	6	12	Южный Алтай
6.	Соловьёв Кондратий Евстигнеевич	7	9	Южный Алтай
7.	Красков Логин Дмитриевич	6	10	Южный Алтай
8.	Лаптев Макар Артемьевич	6	11	Южный Алтай
9.	Никифоров Моисей Иванович	5	12	Южный Алтай
10.	Коновалов Корней Матвеевич	7	10	Южный Алтай
11.	Блинов Ананий Тимофеевич	7	10	Южный Алтай
12.	Болтовский Сидор Самойлович	6	10	Южный Алтай
13.	Попов Алексей Степанович	6	12	Русский Алтай
14.	Головин Кирилл Дмитриевич	7	17	Русский Алтай

В то же время были среди алтайских мараловодов семьи-хозяйства, которые вообще не имели паевых наделов общинной земли (*табл. 23*). На Русском Алтае таких семей было значительно больше ещё и потому, что мараловодство здесь часто развивалось на выселках.

Таблица 23

**Список мараловодов Алтая, имеющих 9 и более членов семьи
и не имеющих душевых наделов земли**

№	Фамилия	Членов семьи	Количество маралов	Территория
1.	Казанцев Емельян Леонидович	9	15	Русский Алтай
2.	Казанцев Антропий Никифорович	11	64	Русский Алтай
3.	Болтовский Савин Иванович	9	140	Южный Алтай
4.	Кудрявцев Сидор Абакумович	11	14	Русский Алтай
5.	Кудрявцев Затей Иванович	11	55	Русский Алтай
6.	Кудрявцев Платон Иванович	9	20	Русский Алтай
7.	Кудрявцев Киприан Кириллович	9	45	Русский Алтай
8.	Черепанов Филимон Фёдорович	11	10	Русский Алтай
9.	Сургаев Иван Николаевич	9	5	Русский Алтай
10.	Кудрявцев Савелий Ануфриевич	9	25	Русский Алтай
11.	Кудрявцев Ивонтий Семёнович	12	20	Русский Алтай
12.	Кудрявцев Пахом Васильевич	14	8	Русский Алтай
13.	Кудрявцев Веналий Фёдорович	9	20	Русский Алтай

В хозяйственной деятельности мараловодов Алтая видное место занимало пчеловодство. Поселившись в 1765 году в прекрасных для разведения пчёл местах, на реке Бухтарма, Уба, Ульба, «поляки»-старообрядцы постарались и здесь заняться пчеловодством. Не сразу – после нескольких попыток, при активном участии командира полка Н.Н. Аршеневского (Усть-Каменогорская крепость), в самом конце XVIII века пчёлами стали заниматься жители «польских» сёл – Бобровки и Секисовки [5. Стр. 125].

К середине XIX века в Томской губернии, куда входил Алтай, было уже 400 тыс. пчелиных семей, а некоторые старообрядцы имели пасеки по одной и по две тысячи и даже более ульев; 200-300 колод на одной постанове, за которыми ухаживал обычно пожилой член семьи – было обычным делом. С одного улья получали, как правило, 4-6 кг мёда, но зато брали количеством ульев.

К 1917 году более выгодным стало мараловодство. С появлением большого количества переселенцев сократилась и территория, удобная для пчеловодства. Всё это повлекло пятикратное сокращение этого про-

мысла, но 21% мараловодов продолжали активно заниматься пчёлами. Есть данные краеведа-священника Б.Г. Герасимова за 1910 год по наличию пасек в отдельных поселениях Южного Алтая (табл. 24).

Таблица 24

**Анализ отдельных поселений Южного Алтая
по уровню пчеловодства**

Поселение	Число хозяйств	Число пасек	Хозяйств с пасеками, %	Среднее число ульев на пасеке
д. Фыкалка	42	12	29	41,4
д. Язовая	75	42	55	30
д. Белая	124	38	31	36,3
д. Коробиха	83	35	42	38,5

Соотнесём эти данные с переписными 1917 года в указанных поселениях (табл. 25).

Табл. 25

**Анализ отдельных поселений Южного Алтая по количеству
мараловодов, занимающихся пчеловодством**

Поселение	Число мараловодческих семей	Число мараловодов, занимающихся пчеловодством	%
д. Фыкалка	17	12	71
д. Язовая	32	-	-
д. Белая	49	11	23
д. Коробиха	2	-	-

Во всех указанных в табл. 25 поселениях старообрядцы продолжали активно заниматься пасеками, но многие мараловоды уже отказались от этого вида промысла.

Мараловоды Русского Алтая меньше занимались разведением пчёл, чем их собратья на Южном Алтае. В Нижнем Уймоне, например, из 6 мараловодов никто не занимался пчеловодством, в д. Терехте из 4 мараловодов – также никто и т. д. Кстати, судя по данным опросных листов переписи, мараловоды, по крайней мере, имели только единоличные пасеки.

Какими-либо другими промыслами алтайские мараловоды занимались гораздо меньше. Только мараловоды Соболевская П.А. из с. Берельского и Барсуков М.Ф. из д. Белая указали, что держат земские квартиры. Единственный мараловод Лысов А.Ф. из д. Белой занимался ямщиной, хотя другие, может быть, просто не указали этот вид деятельности.

К 1917 году у старообрядцев вообще и мараловодов в частности уже сложилось вполне терпимое отношение к торговле, которая сто пятьдесят лет назад начиналась как меновая, и развивалась все годы, как естественная часть хозяйственных отношений. Если, например, в 1890 году в Верх-Бухтарминской волости на 9 поселений вообще не было торговых лавок, то к 1917 году ситуация изменилась, в том числе у мараловодов (табл. 26).

Таблица 26

**Список алтайских мараловодов,
занимавшихся розничной торговлей**

Поселение	Фамилия мараловода	Вид розничной торговли
д. Быково	Макаров Ф.Ф.	Лавка торговая с 1912 года
	Снегирёв М.П.	Лавка торговая с 1912 года
с. Черновое	Ларионов М.Л.	Артельная лавка
	Коробейников К.Л.	Бакалейная лавка
д. Арчаты	Казанин Я.Г.	Потребительская лавка
д. Берёзовка	Белоусов Т.Е.	Мануфактурное товарищество с 1912 г.
	Бедарев Е.Я.	Мануфактурное товарищество с 1912 г.
с. Каргон	Три брата Шестаковы	Артельная лавка
д. Нижний Уймон	Три брата Ошлаковы	Артельная лавка с 1917 года

В с. Берельском 23 из 45 мараловодов состояли членами потребительского общества, в д. Белой 31 из 49 мараловодов были членами кредитного товарищества, в д. Язовой в кредитном товариществе состояли 11 из 32 мараловодов и т.д.

Мараловоды принимали участие в распространенных на Алтае в начале XX века ярмарках. В одном из центров мараловодства – с. Шебалино, например, такая ярмарка проводилась ежегодно с 15 по 22 декабря и называлась Рождественской. В то же время в таких центрах мараловодства как с. Верхний Уймон, с. Берельское и др. ярмарки не проводились вообще. Сложным, но выгодным делом была торговля пантами. В 1890 году в сборнике «Алтай» отмечалось следующее: «Бийские скупщики забирают эти рога по 5-7 и даже 9 рублей за фунт, смотря по величине рогов и числу ветвей на нём, сами же продают их в Китай по 25-35 рублей за фунт...» [1, стр. 85].

Умение торговать пантами было по силам далеко не всем. Мараловода Шарыпова в 1875 году, например, в Монголии, по дороге с пантами в г. Улясутай, ограбили. В литературных источниках достаточно и других примеров неудачной торговли маральими рогами. Тем не менее, А.А. Силантьев при изучении оленеводства на Алтае в 1897 году получал многочисленные жалобы от мараловодов о том, что скупщики пантов «стакну-

д. Печи. Усадьба мараловода И.К. Коновалова

лись» (объединились – Н.Ф.) с китайскими фирмами в сбивании цен на панты, и даже предлагал устранить посредников-скупщиков и отдать эту функцию государству. А.А. Силантьев писал, что это является вожделенным желанием большинства мараловодов как уймонского, так, в особенности и бухтарминского районов [44, стр. 34-35].

Так как вначале мараловодство появилось на Алтае в Бухтарминском районе, то и опыт международной меновой торговли пантами на китайских пикетах первыми приобрели мараловоды Южного Алтая, но литературные источники и архивные данные пока не раскрыли нам фамилий наиболее известных среди них. В конце XIX – начале XX веков торговле пантами на Алтае уже шла через Русский Алтай (Кош-Агач), но и здесь мы знаем только несколько фамилий мараловодов, которые успешно освоили международную торговлю пантами.

С 1869 года в Кош-Агаче активно торговали в том числе пантами братья Ошлаковы с Нижнего Уймона. В 1912 году в отчёте Монгольской торговой экспедиции как международные торговцы упоминаются мараловоды с. Шебалино А.С. Попов и Шадрин.

Алексей Степанович Попов был одним из самых выдающихся мараловодов-торговцев на всём Алтае. Начав заниматься разведением маралов только в 1877 году, он в 1902 году уже успешно конкурировал в торговле пантами с бийскими купцами, и, по крайней мере, с 1909 года был самым крупным продавцом пантов на Алтае [51, стр. 225]. В 1912 году в хозяйстве А.С. Попова было около 300 маралов, и целая сеть торговых точек в Монголии. (табл. 27).

**Перечень торговых точек мараловода А.С. Попова
в Монголии (1912 г.) [22]**

№	Территория Монголии	Количество торговых точек
1.	р. Бора-бура (Турун)	1
2.	между долинами Цзэрге и Цэнкыр	1
3.	в бассейне р. Улясутай	1
4.	долина р. Булугун (урочище Делюн)	2
5.	между озерами Дурга-мор и Хара-дед	4
	Всего 5 территорий Монголии	9 точек (палаток)

Упрощённый взгляд на торговлю, в том числе пантами, нередко встречался тогда у многих. Г.Е. Грум-Гржимайло справедливо писал: «Исследователи видели только 100% наценку и считали её доходом, а затрат по хранению, перемещению, реализации товара, процент кредита, риски не учитывались». Сам товарообмен был очень рискованным (падение цен на шкурки сурков, колебание цен на серебро, уровень спроса на панты и т.п.) [22].

6.

Попытаемся теперь обобщить весь материал, чтобы сделать некоторые выводы о тех социальных и экономических чертах и особенностях алтайских мараловодов, которые определяли их сущность в период до 1917 года:

1. Я сознательно несколько раз повторил в тексте, что сами старообрядцы никогда не причисляли марала к сельскохозяйственным животным, а называли его «зверем», а дикого – «польским зверем». Я долго думал, почему именно «польским зверем»? Может быть из-за того, что совпадали условия жизни дикого марала и первых «бегунов по вере» в условиях алтайской тайги? Но ведь и диких лошадей монгольской степи они называли «польскими конями». Скорее всего, в основе сравнения лежит отношение к воле, к свободе. В понятие «польский зверь» вкладывалось сравнение дикого марала и старообрядцев Алтая в стремлении жить на воле, не под чьим-либо экономическим и тем более религиозным гнѐтом, не по чьей-либо указке.

У старообрядцев в понятие «свобода» вкладывалась возможность созидательного труда, когда стыдно, если не болит всё тело после работы в световой день. Когда твой экономический результат доказывает тебе и окружающим, что твоя вера лучше и правильнее других. Когда ради свободы ты готов рисковать, терпеть неудачи, но всё время стремиться к лучшей жизни и надеяться, что это будет оценено достойно на суде божьем.

Именно у таких вольных людей звероловство из необходимости могло перерасти в потребность самовыражения на природе, в тайге, когда в этом уже и не было крайней экономической надобности.

В 1915 году, когда мараловодство состоялось не только на Алтае, но и в Сибири в целом, Д.К. Соловьёв писал: «Старообрядец, зайдя в Присаянский край, с самого начала явился умным и ловким звероловом, остался он таким и поныне. Тайга от него удалилась, но он от неё не хочет отстать: преодолевая большие пространства, старообрядец тянется к ней. Приобретя большой хозяйственный инвентарь, обзаведясь большим количеством скота и возделав много десятин земли под пашни, т.е. став крупным устойчивым сельским хозяином, старообрядец всё же не прерывает связь с тайгой, туда его манит и соболь, и белка, и марал; он остаётся в душе охотником» [46, стр. 35].

Итак, стремление свободно трудиться, надеясь только на себя и близких, без указаний со стороны, держаться подальше от власти, ограничивающей и часто подавляющей эту свободу выбора – это являлось важнейшей базовой социальной чертой мараловодов Алтая.

2. Насколько сильным и неугасающим было стремление старообрядцев к независимой жизни на новых землях, настолько сильным оставалось в них консервативное начало в отношении к религии, семье, общине.

Уважительное отношение к труду, как к смыслу праведной жизни, как к способу самовыражения перед Богом и обществом почиталось как высшая ценность жизни. Основой трудовой жизни являлась семья, где каждому находилось дело по его возможностям, где труд каждого был на виду, где трудолюбие не по принуждению, а по смыслу жизни оставалось первой оценкой достоинств человека. Такие семьи, да если они ещё были большими, да ещё с главой семьи, умеющим правильно «загадывать» дело наперёд – такие семьи жили в большом достатке и, что не менее важно, с большим достоинством среди других.

Итак, трудолюбие, трезвый образ жизни, согласие в быту и в работе, основанное на вере, – это также являлось выраженной чертой лучших представителей старообрядческого крестьянства Алтая, из которых и появились пионеры новой отрасли – разведения пантовых оленей. Такой образ жизни, кстати, селекционировал не только духовные начала, но и физические качества поколений – красоту, силу, выносливость тела, долгожительство. Н.М. Ядринцев назвал разведение маралов в неволе с целью получения и продажи пантов культурным изобретением алтайских крестьян. Именно изобретением! Исследователи тех лет считали, что додуматься до этого промысла в силу своих исключительных качеств могли только старообрядцы и никто другой.

П.Г. Михайлов в статье «Староверы как колонизаторы Уссурийского края» писал: «Консерваторы по своему отношению к православной церкви, староверы Уссурийского края не являются таковыми в хозяйственной жизни. Усовершенствованный плуг, новую сельскохозяйственную машину, рамочный улей, вы встретите скорее у Староверов, чем у малоросса.

Староверы – единственные из крестьян Уссурийского края занялись... оленеводством». П.Г. Михайлов считал староверов более развитыми и интеллигентными в своей массе. Он делал вывод: «Мысль старовера, привыкшая критически работать в области религиозных воззрений, как бы в силу привычки, критически относится и к окружающей старовера экономической действительности» [30, стр. 256-257]. В полной мере эти слова можно отнести и к алтайским старообрядцам, великолепное сочетание качеств культурного крестьянина и талантливого зверолова позволило им стать родоначальниками новой отрасли в нашей стране.

3. Н.М. Ядринцев в 1872 году назвал мараловодство «культурной ветвью скотоводства». С.П. Швецов в 1898 году выращивание рогов марала относил к «добывающей промышленности» [52, стр. 8]. П. Головачёв в 1905 году писал: «Мараловодство в Сибири представляет народный промысел, созданный и поддерживаемый самим народом» [17]. В этом же году управляющий Усть-Каменогорским имением Алтайского округа докладывал, что маральники не могут относиться к обычным земельным угодьям, а носят характер уже зверо-промышленных предприятий [8, л. 171-171 об.] Наконец, ещё раз повторим, что Министр торговли и промышленности В.И. Тимирязев в 1909 году называл разведение маралов «новой отраслью промышленности» [42].

Таким образом, мараловодство в начале XIX века относили к новым народным промыслам не сельскохозяйственного, а зверо-промышленного

Маральник в д. Берель. 1905 г.

или просто промышленного профиля. Это очень важно для окончательного определения социального статуса алтайских мараловодов.

Я ранее уже сделал предположение, что алтайские мараловоды относились к сельским предпринимателям, появившимся в процессе раскола крестьянства под воздействием формировавшихся активно в конце XIX – начале XX века капиталистических отношений на Алтае и в стране. Позволяет ли современная теория предпринимательства такое предположение считать вполне доказанным? Обратимся к работе А.В. Старцева «Социально-культурные основы предпринимательства», в которой феномен предпринимательства он характеризует не только как экономическую функцию или фактор (условие) производства, но и как тип мышления и поведения, как призвание и образ жизни, как систему нравственно-этических ценностей и инструмент социальных преобразований [47, стр. 11].

А.В. Старцев считает удачным определение предпринимательства, сделанное А.А. Галаганом, как экономически свободной новаторской деятельности, связанной с риском ответственности и конкурентной борьбой, имеющей целью достижение новых результатов, удовлетворение личных и общественных потребностей. По этим характеристикам алтайские мараловоды, безусловно, относились к категории сельских предпринимателей. В этом была суть их социально-культурного статуса на Алтае.

4. Экономическая суть портрета алтайских мараловодов-предпринимателей состояла в том, что все они стремились вести дело прибыльно, в создании маральников проявляли большое терпение и огромную настойчивость. В 1917 году уже 30% маральников на Алтае были доходными и перспективы развития отрасли были хорошими. Исследователи отмечали более высокий уровень зажиточности мараловодов даже в среде старообрядцев. Создание маральников было достаточно длительным процессом и финансировалось от земледелия, скотоводства, пчеловодства, охотничьего промысла, которыми успешно занимались старообрядцы-мараловоды.

Мараловоды Южного Алтая в целом к 1917 году добились больших успехов в разведении пантовых оленей, а мараловоды Русского Алтая активнее занимались скотоводством. Вместе они вполне успешно участвовали в развитии различных форм кооперации на селе. На всём протяжении развития с 1835 по 1917 год мараловодство оставалось монополией отдельных «семей» старообрядцев.

5. Развитие мараловодства в России было выгодным делом и для государственной власти. Так, например, если крестьяне первого мараловодческого поселения Алтая – д. Фыкалка в 1910 году на 48 платёжных душ внесли 818 рублей 95 копеек налогов, то в 1911 году – уже 1300 рублей. В 1897 году А.А. Силантьев писал: «Об руку с запрещением и

строгим преследованием охоты на марала должно идти представление всевозможных льгот населению, желающему заняться мараловодством, причем следует покровительствовать не столько отдельным предпринимателям, сколько целым крестьянским обществам» [45].

А.А. Силантьев считал, что содействие правительства в развитии новой отрасли должно было осуществляться через бесплатный отвод земли, бесплатный отпуск леса, отсутствие налогов на этот вид деятельности и т.д. В 1911 году директор Департамента земледелия Главного управления землеустройства и земледелия указывал Алтайскому лесничеству по поводу сдачи 12 маральников в аренду через торги следующее:

- 1) «Мараловодство – самобытная отрасль животноводства, ... требующая широкого поощрения»
- 2) «Всеми способами содействовать этой отрасли хозяйства... на возможно льготных условиях»
- 3) «Сдавать участки на продолжительный срок»
- 4) Существующие маральники на торги выставлять «совершенно недопустимо»

Созданные маральники не разрушать, а аренду брать по средней цене [42, л. 156-157].

Поддержка развития пантового оленеводства до 1917 года оказывалась в той или иной степени по всей Сибири и на Дальнем Востоке, однако революционные преобразования 1917 года в России перечеркнули эту работу и уже к 1930 году мараловоды-предприниматели в нашей стране перестали существовать.

Тернистый путь появления и развития пантового оленеводства в до-революционной России показан в специальном приложении к этой статье «Хронологический перечень событий в истории появления пантового оленеводства в России».

Список литературы

1. Алтай. Историко-статистический сборник.– Томск, 1890.
2. Андреев Ф.П. Мараловодство. Семипалатинский подотдел ЗСО ИРТО, Вып. X.
3. Антонова Е.К. Особенности проведения всероссийских переписей 1916 и 1917 годов в Томской губернии // Вестник ТГУ. – 2010 г. – № 4. – С. 120.
4. Анфилов В.К. Наше оленеводство // Санкт-Петербургские ведомости. – 1911. – 16 нояб.
5. Бломквист Е.Э. и Гринкова Н.П. Кто такие бухтарминские старообрядцы? Казахская экспедиция. – Каз.Ак.наук по инициативе С.И. Руденко, 1927.
6. Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. – Новосибирск, 1994.
7. Вишняков М. Ярмарка пантов. Лики Забайкалья. www.stihi.ru/2010/04/23/3971
8. ГААК.Ф.4.Оп.1.Д.2683.л.146а-147.
9. ГААК.Ф.4.Оп.1.Д.2749.л.116-117.
10. ГААК.Ф.4.Оп.1.Д.3152.л. 1-5.
11. ГААК.Ф.163.Оп.1.Д.99.л. 8.л.15-28.
12. ГААК.Ф.4.Оп.1.Д.2746.л. 1-4 об.
13. ГААК.Ф.4.Оп.1.Д.2614.л.4-5 об.
14. ГААК.Ф.233.Оп.16.Д.446.л.9.
15. ГААК.Ф.233.Оп.16.Д.615.л. 9.
16. ГАТО.Ф.239.Оп.13.Д.5.л.5.
17. Головачёв П. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. – Москва, 1905. – С. 201.
18. Гребенщиков Г.Д. Алтайская Русь // Собрание сочинений. – Т. 1. – Т. 5. – Барнаул, 2012.
19. Гребенщиков Г.Д. Алтайская Русь // Собрание сочинений. – Т. 1. – Т. 5. – Барнаул, 2012, – С. 529-530.
20. Гребенщиков Г.Д. Напутственное // Тобольск и вся Сибирь. – Кн. XIII. – Барнаул, 2010. – С. 10.
21. Гребенщиков Г.Д. Чураевы. Братья // Полное собрание соч. – Т.1. – Барнаул, 2013.
22. Грум-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. – Т. 3. – Вып. II. – Ленинград, 1930, – С. 654-655.
23. Ерёмин И.А., Кижяева Т.А. Алтай в годы Первой мировой войны (1914-1918) // История Алтайского края XVIII–XX вв. – Барнаул, 2005.
24. Залесский П.М. Мараловодство в Северо-Западном Алтае. – Новосибирск, 1930.
25. Из истории исследования и развития мараловодства на Алтае. XVIII – начало XX вв. – Барнаул, 2014.

26. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885-1886). – Т.1. – СПб, 1999. – С. 212.
27. Куприянова И.В. Старообрядцы Алтая в первой трети XX века. – Барнаул, 2009. – С. 103.
28. Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по алтайским горам и джунгарской киргизской степи. – Новосибирск, 1993. – С. 189-199.
29. Максимов С.В. Сибирь и каторга. – Ч.1. – СПб, 1871.
30. Михайлов П.Г. Староверы как колонизаторы Уссурийского края // Сибирские вопросы. – СПб, 1905. – № 1.
31. Минцлова К.Д. Далёкий край. Путешествие по Урянхайской земле. Приложение // Восток. Петроград. – 1915. – №3-4. – С. 70-72.
32. Мукаева Л.Г. Хозяева Уймонской долины и их вековые обычаи // Алтай сокровище культуры. – СПб, 2005. – С. 229.
33. Никольский А.М. Путешествие в Алтайские горы летом 1882 года // Труды СПб общества естествоиспытателей. – СПб., 1882. – Т. XIV.
34. Никольский Н.М. История русской церкви. 3-е изд. – М., 1985.
35. Организация Всероссийской переписи 1917 г. в Алтайско-Томской части Сибири. – Томск, 1920. – С. 12.
36. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. – СПб., 1786. – Т. 2. – С. 180.
37. Полное собрание Законов Российской империи: собр. 3-е., – СПб., 1908. – Т. XXV. – С. 237-238.
38. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб., 1881.
39. Приль Л.Н. Старообрядческие общины Прикетья и Причулышья в XIX – 80-х годах XX в.: Дис. канд. юрид. наук. – Томск, 2002. – С. 81-82.
40. Путешествие академика Ивана Лепёхина в 1772 году. – СПб, 1785.
41. Путешествие князя Сан-Донато (Демидова) – потомка знаменитого рода промышленников и благотворителей Демидовых – по Алтаю // Бийский вестник. – 2006. – №3-4.
42. РГИА Ф.398.Оп.63.Д.125л.140-140 об.
43. Сидонский А. Марал и мараловодство на Алтае // Природа и охота. – 1899. – №9.
44. Силантьев А.А. Исследование мараловодства на Алтае. – СПб, 1900.
45. Силантьев А.А. Марал и его будущая роль в хозяйстве сибирских крестьян // Сельское хозяйство и лесоводство, СПб. – 1897. – №3.
46. Соловьёв Д.К. Саянский промыслово-охотничий район и соболинный промысел в нём. Отчёт экспедиции (1914-1916). – М., 1920.
47. Старцев А.В. Социально-культурные основы предпринимательства. – Барнаул, 2014.
48. Традиции природопользования народов Горного Алтая. – Бийск, 2009. – С. 123-124.

49. Томская губерния. Список населённых мест по сведениям 1859 года. – СПб, 1868.
50. Трусов М. История развития мараловодства на Алтае // Природа и охота. – 1898. – №9.
51. Фролов Н.А. У истоков пантового оленеводства России. – Барнаул, 2014.
52. Швецов С.П. Кочевники Бийского уезда. Горный Алтай и его население. – Барнаул, 1900. – Т. 1. – Вып. 1.
53. Швецов С.П. Чуйский торговый путь в Монголию и его значение для Горного Алтая. – Барнаул, 1898.
54. Энгельгард А.Н. Из деревни. 12 писем 1872-1887 г. – СПб., 1999.
55. Ю.Г. Мараловодство в Горном Алтае // Сибирская жизнь. – 1902. – №204.
56. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – СПб., 1892. – С. 112.
57. Ядринцев Н.М. Раскольничьи общины на границе Китая // Сибирский сборник. – СПб, 1886. – Книга 1.
58. Ядринцев Н.М. Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ. 3-е отделение ИРГО. – Омск, 1880.– Книга 11.
59. Ядринцев Н.М. О мараловодстве на Алтае. Записка. 3-е отделение ИРГО. – Омск, 1879. – Книжка 1.
60. Яковлев. Мараловодство в Семипалатинской области. – Омск, 1911.

Хронологический перечень событий в истории появления пантового оленеводства в России

40 млн. лет назад	На Земле, отделившись от оленьков, появляются олени. Распространены в Европе, Азии, Америке.
10 млн. лет назад	Появляются настоящие олени с опадающими рогами, количество видов оленей растёт.
5 млн. лет назад	На Дальнем Востоке появляется предок современного пятнистого оленя.
3–4 млн. лет назад	Большой расцвет получает группа оленей крупного роста с огромными рогами. Рога гигантского (ирландского) оленя, например, достигали 4-х метрового размаха и веса 40 кг.
1 млн. лет назад	На просторах Сибири появляется современный пантовый олень-марал. Родина марала (изюбря) – Юго-Восточный Китай.
500 тыс. лет назад	В это время человек уже активно охотится на оленя.
430-150 тыс. лет назад	Основной способ охоты на оленя – загонный. Оленя добывают также из засады, на переправе, на льду и т.п.
150-35 тыс. лет назад	Человек изобретает копья с каменными и роговыми наконечниками. Эффективность охоты на оленя растёт.
40-30 тыс. лет назад	Человек изобретает лук. Применение лука резко повышает производительность охоты, в том числе на оленя. Как охотничье оружие лук сохраняется и в XXI веке.
15 тыс. лет назад	Человек изобретает лыжи. Сначала – снегоступы, затем – скользящие. В дальнейшем для лучшего скольжения они подбиваются шкурой оленя. Лыжи резко увеличили возможности охотников по добыче оленей в одиночку зимой.
30-15 тыс. лет назад	К этому времени относятся рисунки в пещере на юго-западе Франции «колдун с оленьими рогами и хвостом». Образ оленя начинает использоваться в культовых обрядах.
14 тыс. лет назад	У человека появляется собака. В период между 7 и 4 тыс. до н.э. домашние собаки распространились по всем земному шару и стали обычными помощниками человеку в охоте, охране жилища и даже ездовыми животными.
6–4 тыс. лет назад	Человек одомашнивает лошадь. На охоте и в бою человек и лошадь – это единый механизм. Охота на оленей с использованием лошади стала гораздо разнообразнее и эффективнее.

Последнее тысячелетие до н.э.	Роль оленя в пищевом наборе человека ещё сохраняется, но всё более олень становится ценным охотничьим трофеем и духовным символом для человека. У кельтов, скифов и других народов мира он является образом для поклонения, символом жизни, плодородия, долголетия и здоровья.
Последние 200 лет до н.э.	Опыт древних врачей Востока Азии по использованию частей и органов оленя для лечения человека появляется в китайских, индийских, тибетских письменных источниках.
1626 г.	При дворе китайского императора на службе состоят 30 профессиональных охотников, которые добывают в год 2700 оленей, в том числе пятнистого оленя, в основном на территории современной Маньчжурии, но заходят и в Приморье.
1654 г.	Возникают официальные торговые отношения России с Китаем. Нерчинским трактатом торговля была определена в двух центрах: Царах-Туре и Кяхте.
1698 г.	Пётр I охотится в Европе на оленей. Вместе с Фридрихом I они застрелили на одной из охот 70 оленей. Пётр I не является «заядлым» охотником, но при нём создаются охотничьи дворы и зверинцы: Петергоф, Гатчина, Царское село, Измайлово, Александровская слобода, Семёновский потешный двор.
1727 г.	Начата Кяхтинская торговля с китайцами. Россия активно продаёт пушнину и шкуры оленей.
1730 г.	Рядом с Кяхтой построена китайская пограничная торговая слобода Маймачен для расширения русско-китайской торговли.
1762 г.	П. Рычков пишет о марале, как о «звере степном», обитающем, в основном, на равнинах Азии. Екатерина II своим Указом разрешает свободную торговлю с Китаем всем частным предпринимателям.
1763 г.	В ведомости Кольвано-Воскресенской заводской конторы даётся описание марала: «Наподобие оленя, только более... Из них по употреблению в пищу мяса выходит пудов до десяти».
1764 г.	Выходит именной Указ, данный Сибирскому губернатору Чичерину, о позволении в Сибири во всякое время стрелять птиц и на заливных островах «бить зверя», в т.ч. оленя. Указ охраняет жизненные интересы коренных народов. В других территориях России охота на оленя уже ограничена.
1768-1770 гг.	Путешествие П.С. Палласа по Алтаю. «Медведей, лосей, маралов и диких коз водится по всем горам великое множество...» В его трудах есть сообщения о редких животных (снежный барс, каменная куница, тигр). Он описал шаманский костюм с применением оленьих рогов.

1773 г.	В Измайловском зверинце под Москвой содержится для царской охоты 320 оленей: 200 «немецких» и сибирских маралов и 120 «американских» оленей. Есть и изюбри.
1780 г.	В работе «Томская губерния. Список населённых мест по сведениям 1859 года» подробно описывается меновая торговля, в том числе «маральными рогами» на пограничном китайском пикете Суок в верховьях р. Чуя. Эта тайная меновая торговля между русскими и китайскими подданными началась примерно в 1780 году.
1797 г.	Исследователь Алтая П. Шангин отмечает обилие зверя, в т.ч. марала по р. Чарыш. Сенатом издано распоряжение «о сборе с ясачных народов подати лосинами и оленьими кожами, а не деньгами».
Конец XVIII века	В Сибири сформировалась в основном сообщество промысловых охотников на оленей: «инородцы» (коренные народы), казаки, крестьяне-переселенцы, мещане, государственные служащие и охотники-иностранцы. Неофициальная меновая торговля результатами охоты на оленя ведётся по всей линии границы России и Китая.
1824 г.	По Алтаю путешествует К.Ф. Ледебур, который впервые записывает, что уймонские крестьяне главный доход получают от охоты на маралов, «которая происходит ранней весной, пока рога у марала ещё одеты мочкой и имеют мягкие верхушки... охотники продают их китайцам... от 50 до 100 рублей за целые рога».
1826 г.	Путешествие по Алтаю совершил Бунге А.А.: «Охотничьи трофеи составляют шкуры убитых животных, но и мясо, редко употребляемое сразу, вялится в огромных количествах и сберегается на чёрный день. Особенно ревностно охотятся на оленей-самцов: их рога – вот что приносит главный доход. Когда рога ещё молодые и мягкие и покрыты пушком, их очень осторожно сушат, а затем продают поштучно монголам, которые платят за них крупные суммы и отправляют в Китай, где они очень высоко ценятся как лечебное средство».
1834 г.	В г. Старая Русса Новгородской губернии в семье горного инженера родился Александр Александрович Черкасов, будущий специалист горного дела, городской голова г. Барнаула и г. Екатеринбурга, а также автор всемирно известной книги «Записки охотника Восточной Сибири», в которой он в том числе, очень ярко описывает изюбря и элементы изюброведства.
1835-1840 гг.	По утверждению многих исследователей: А.А. Силантьева, Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, А.А. Черкасова и др. зародилось мараловодство на Алтае, на р. Бухтарме в дер. Фыкалка. Братья Шарыповы завели свой маральник и стали пополнять его новыми, добываемыми на воле зверями.
1842 г.	В Польше 24 сентября родился Михаил Иванович Янковский, будущий основатель самого крупного оленеводческого парка пятнистых оленей на Дальнем Востоке.

1842 г.	Путешествие по Алтаю совершил П. Чихачёв: «Олени, антилопы и медведи – главная цель преследования алтайцев. Охота в этих местах весьма выгодная. Она даёт возможность алтайцам не только уплатить налоги, но и позволяет получить значительную прибыль от продажи некоторых видов животных. Между прочим, очень ценны панты и мясо марала. Так, за пару пантов платят от 150 до 200 франков (1 р. – 10 фр.). Однако ценятся именно мягкие кровоточащие панты, а не остокостеневшие рога. Поэтому все усилия охотников направлены исключительно на добычу молодых маралов, которых они преследуют с необыкновенным ожесточением и терпением. Порой целое семейство исчезает на несколько месяцев, захватив с собой лишь немного чая и бараньего сала...»
1843 г.	В Забайкалье первым стал держать в неволе изюбрей Аким Андреевич Нескромный в д. Таньге на р. Ингоде, который устроил до 150 ям, при помощи которых поймал 23 оленя. И с тех пор разведение изюбрей всё более и более распространялось с верховьев реки Ингоды вниз по течению и привлекало внимание крестьян Забайкальской области.
1845 г.	В богатой купеческой семье г. Херсона, родился Алексей Кириллович Кузнецов, который в 1873 году был выслан в Сибирь, где проявил себя выдающимся исследователем-археологом и краеведом Забайкалья. В 1898 году он описал разведение изюбрей в Забайкалье.
1851 г.	С Китаем подписан Кульджинский договор (торговый трактат), которым устанавливалась меновая и беспощинная торговля русских с китайцами в Или (Кульдже) и Тарбагатае (Чугучаке).
1854 г.	Статский советник Ю. Гагейместер в «Статистическом обозрении Сибири» пишет об изюбре: «Зверь этот долго не имел значительной ценности в промысле, но лет тридцать назад (1824 г.) открылся сбыт его в Китай. Там рога эти употребляются как средство сильно укрепляющее и возвращающее силы даже старикам».
1856 г.	В «Вестнике естественных наук» № 16 выходит статья П.П. Корнилова «Олени Восточной Сибири», где отмечается, что уже в 1848 году забайкальские крестьяне держали домашних изюбрей; описываются цены на мясо, шкуры и панты изюбря, способы добычи этого зверя и т.п.
1858 г.	В Тяньцзине заключён трактат с Китаем, по которому распространяются на русских все торговые права европейцев.
1859 г.	В «Томских губернских ведомостях» № 5 выходит статья Н. Ананьина «О торговле маральими рогами, преимущественно отправляемыми в Китай», автор описывает цены на панты и их лечебные свойства.
1860 г.	Пекинский договор уточнил русско-китайскую границу и свободную беспощинную торговлю на всей границе.

1860 г.	Д.В. Мурзаев пишет, что идея разведения маралов домашним образом была занесена в Усинский пограничный округ Томской губернии в семидесятых годах... Первыми разведением маралов занялись крестьяне Горбунов в с. Усинском и Смолин в д. Н. Усинской.
1861 г.	В феврале в г. Урга (Монголия) было открыто первое российское консульство. Это способствовало развитию русской торговли в Монголии и Китае, в том числе пантами.
1861 г.	Открылась официальная русско-китайская торговля в том числе пантами сначала на Алтае в Кош-Агаче, а затем (1869 г.) и в Монголии.
1861 г.	По сведениям Р. Маака, за летние шкуры пятнистого оленя китайцы платят как за два хороших соболя.
1862 г.	В.В. Радлов в своих записках по итогам путешествия по Сибири пишет: «Пока двоеданцы считались китайскими подданными, их зайсаны, демичи и шуленги по отношению к русским были обязаны вносить калан (он состоял из 160 маралых или лосиных шкур стоимостью в 200 рублей и доставлялся в октябре в Бийск)».
1863 г.	А.Г. Принтц сделал сообщение в литературе, что видел домашних маралов в д. Белой и д. Верхненарымской.
1864 г.	Восстание дунган в Илийской области и прекращение западно-сибирской торговли в Кульдже и Чугучаке. Торговля пантами с Бухтармы переместилась на русский Алтай (Кош-Агач).
1865 г.	Основано село Шкотово на Дальнем Востоке. Переселенцы первой волны занятию земледелием предпочли добычу пантов. Раньше, когда тайга подходила к самому Шкотову, пантачей в нем водилось немало, и старожилы зарабатывали до 800 рублей на душу одной продажей пантов.
1867 г.	Издаётся книга Черкасова А.А. «Записки охотника Восточной Сибири», в которой он, помимо прочих зверей, подробно описывает пантовых оленей-изюбрей: образ жизни, способы охоты, в т.ч. ради пантов, разведение изюбрей в неволе, ценность пантов.
1867 г.	В Шкотовском районе строит свою заимку Семен Яковлевич Поносов, здесь он начал свое «оленоводческое дело». «Олени Поносова получили большую славу за свой рост и развитие, а панты этих оленей высоко ценились на рынке», – писал в 1976 году специалист пантового оленеводства Л.П. Рященко. В 1899 году у С.Я. Поносова было 30 оленей, в 1909 году – 200 домашних маралов, а в 1912 году – уже 500.
1868 г.	В Петербурге родился Анатолий Алексеевич Силантьев, один из основателей научного охотоведения в России, исследователь мараловодства на Алтае, автор выдающейся работы «Обзор промысловых охот в России» и нескольких серьезных публикаций о мараловодстве.

1869 г.	Новые правила о сухопутной торговле России с Китаем утверждены в Пекине.
1869 г.	Оборот Чуйской торговли на ярмарках в урочище Бураты (Чуйская степь) доходил до 300 тыс. рублей в год, при этом маральных рогов продавалось на 10 000 рублей.
1869 г.	В списке лиц торгового сословия, выезжающих на ярмарки в Кош-Агач (Алтай), значатся бийские крестьяне Иван и Борис Ошлаковы. Скорее всего, они относятся к крупным мараловодам-торговцам из Нижнего Уймаона Катандинской волости Бийского уезда.
1870 г.	Дунгане (китайцы-мусульмане) взяли Улустай. Торговля пантами остановилась и переместилась в г. Кобдо.
1870-е г.	Начало несанкционированного проникновения китайцев на территорию Приморья и Приамурья. Основной китайский способ добычи оленей – ловля их «слудевыми», т.е. ямами.
1872 г.	Город Кобдо был разорён дунганями, китайские купцы исчезли из города и цена на панты резко упала.
1872 г.	В Киеве в семье юриста родился будущий известный охотник-натуралист и писатель Николай Аполлонович Байков, автор книги «В горах и лесах Маньчжурии» (1914), рассказывающий в том числе об охоте на изюбря ради пантов, автор книги «Изюбрь и изюбреводство» (1925 г.)
1872 г.	На р. Чарыше близ д. Талица братья Фомины организовали маральник. Это были самые солидные и дельные мараловоды Северо-западного района на Алтае.
1873 г.	Исследователь Тянь-Шаня Н. Северцев отмечает, что после бунта дунганей (дунган) и разорения ими пограничных китайцев «всякой торговли Семиречья с Внутренним Китаем, шедшей через Кульджу и Урумчи, на маральи панты уже нет покупателей».
1874 г.	На Дальний Восток, на о. Аскольд прибыл Михаил Иванович Янковский, который подписал контракт с Владивостокским купцом Кустером и стал управляющим золотым прииском. Здесь на острове он изучал и охранял пятнистых оленей (помимо других дел) и начал разводить их сначала здесь, а затем на полуострове Сидемы.
1876 г.	Путешественник Н.М. Пржевальский в своей книге «Путешествия к Лобнору и на Тибет», отмечает огромный спрос на панты в Китае, называет их цену и описывает способ консервации пантов.
1877 г.	Начало разведения маралов в д. Шебалино. Крестьянин А.С. Попов завёл первых маралов. В 1882 году у него было 30 маралов, в 1912 году уже 300.
1878 г.	Н.М. Ядринцев собирает сведения о мараловодстве в ходе поездки по Алтаю и публикует в 1879 году в записках ИРГО статью «Сведения о мараловодстве в Алтае».

1878 г.	Заканчивает своё очередное путешествие по Алтаю и Северо-Западной Монголии Г.Н. Потанин и подробно описывает мараловодство на Алтае в книге «Очерки Северо-Западной Монголии» (1881 г.)
1878 г.	Началось путешествие М.В. Певцова с Алтая через Монголию во Внутренний Китай. От г. Кобдо он двигался вместе с караваном купцов из г. Бийска, которые отправили панты для продажи в г. Гуй-Хуа-чен. Панты были выгодно проданы. Руководителем каравана с пантами был бийчанин Антропов.
1878 г.	Купцы из г. Бийска при продаже пантов в г. Гуй-Хуа-чене отказались «накрыть стол» для своих китайских покупателей и в дальнейшем продешевили свои панты более чем на 1000 лан серебра.
1879 г.	Бийские купцы снарядили второй караван с пантами в г. Гуй-Хуа-чен. Китайский начальник запретил монголам вести груз. Отправка всё-таки состоялась, но купцы понесли убытки.
1880 г.	Маральники появляются на Алтае, в окрестностях Улалы, Тайной, Абакково.
1880 г.	В журнале «Природа и охота» выходит статья В. Плотникова «Марал и мараловодство в Южном Алтае» о разведении маралов и охоте на них. (Южным Алтаем назывался современный казахский Алтай – Н.Ф.)
1881 г.	Договор России с Китаем, восстанавливающий торговлю после восстаний во внутреннем Китае.
1882 г.	У Егора Васильевича Лубягина, который был родоначальником мараловодства в д. Язовой (Алтай), было уже около 100 маралов.
1883 г.	А.М. Никольский публикует работу «Путешествие в Алтайские горы летом 1882 года», где описывает свои наблюдения и услышанную информацию о мараловодстве.
1883 г.	На Дальнем Востоке А.Д. Старцев купил у казны остров Путятин, где водились дикие олени, и начал заниматься разведением оленей. Уже в 1915 году здесь насчитывалось 1500 оленей, но в 1918-1922 г. все они были уничтожены браконьерами.
1884 г.	Г.Н. Потанин пишет статью «Алтай» в сборнике «Живописная Россия», в которой дает характеристику появившемуся мараловодству, рассказывает об уймонском мараловоде Родионе Чернове, описывает торговлю пантами.
1884 г.	Выходит второе издание книги А.А. Черкасова «Записки охотника Восточной Сибири» (2 тыс. экз.) с подробным описанием изюбря.
1885 г.	Представитель торгового дома «Коковин и Басов» И. Волосатов пишет подробную статью «О торговле изюбровыми рогами» об особенностях продажи пантов на ежегодной ярмарке в г. Гуй-Хуа-чен. Работа опубликована в 1890 г. в записках ИРГО (г. Иркутск).

1885-1886 гг.	Путешествие по Алтаю Дж. Кеннана, который в книге «Сибирь и ссылка. Путевые заметки» описывает успехи крестьянина Белоусова в д. Берель по разведению маралов, ради снятия пантов, с последующей их продажей в Китай.
1886 г.	В Горном Алтае организовали свои маральники коренные жители – алтайцы Манжины и Сапоговы, причем Манжины всех маралов отловили в тайге своими силами. Нигде больше в России коренные жители разведением пантовых оленей не занимались!
1886 г.	Мараловод из Нижнего Уймона Нестер Иванович Ошлыков скупил только в Верхне-Бухтарминской и Нарымской волостях «более семисот пар рогов..., главная масса рогов перешла в его руки». (А. Сидонский).
1886 г.	Бийский торговец Алексей Данилович Васенов возглавил караван с товарами московского купечества в Западный Китай с целью изучения рынка Внутреннего Китая. А.Д. Васенов уехал с женой, товаром на 42 тыс. рублей серебром. Экспедиция «разместилась» на 150 верблюдах и 20 лошадях.
1887 г.	В г. Владивостоке создано общество любителей охоты. Общество вело активную борьбу с браконьерами и распространяло свою деятельность на острова Русский, Попова, Рикорда, Римского-Корсакова. Общество активно занималось содержанием пятнистых оленей ради пантов.
1887 г.	Самое большое количество рогов (пантов – Н.Ф.) около 600-700 пар привез в г. Гуй-Хуа-чен торговый дом Басова и продал их на 19 тыс. лан серебра. В этом же году из г. Кобдо в г. Гуй-Хуа-чен китайская компания Да-шин-ку привезла 280 пар рогов и продала их на 10 тыс. лан серебра.
1888 г.	Ю.М. Янковский сообщает, что на полуострове Сидеми в Южно-Уссурийском крае оленей начали охранять с 1888 года и к 1908 году их количество на полуострове достигло 700 голов. Приручать оленей они начали с 1897 года.
1889 г.	Врач Н.В. Кириллов публикует статью «Полуодомашненные изюбри в Верхнеудинском округе», в которой описывает способы ловли изюбрей, элементы их содержания в неволе, статистику наличия оленей по деревням Забайкалья.
1890 г.	Информацию о мараловодстве на Алтае в очерке «На Алтае» публикует в журнале «Природа и охота» А.А. Черкасов, бывший городской голова г. Барнаула и автор книги «Записки охотника Восточной Сибири».
1890 г.	В историко-статистическом сборнике «Алтай» (1890), П.А. Голубев даёт краткую характеристику нарождающейся отрасли мараловодства на Алтае, но примерно, на 30 лет ошибается во времени появления мараловодства.

1890 г.	А.П. Чехов в своих путевых заметках «Остров Сахалин» отмечает, что г. Николаевск на р. Амур «ведёт сонную жизнь», а жители занимаются, в том числе, «продажей пантов, т.е. оленьих рогов, из которых китайцы готовят возбуждающие пилюли».
1890 г.	А.М. Африканов отмечает в работе «Русская торговля в Урянхайской земле» (1890 г.), что маральи рога здесь «составляют самую выгодную торговлю» и пара рогов (пантов – Н.Ф.) «ценится от 3 до 5 головных быков или от 54 до 90 овец, смотря по весу их и количеству отростков».
1890 г.	Крестьяне Усинского пограничного округа Сорапунов и Фунтиков отправились лично в г. Улясутай и продали 23 фунта сухих рогов марала за «небывалую цену» по 24 чая за фунт. (Крестьянин Фунтиков – первый мараловод Тувы – Н.Ф.) Каждый кирпич чая обошёлся им в с. Усинском по 47 копеек, а продали по 1 руб. 20 коп. «Енисейская губерния», Д.В. Мурзаев, 1899 г.
1890-е годы	Начало проникновения корейцев на территорию южной части Приморья. Корейцы принесли способ ловли оленей «башмаком».
1891 г.	В журнале «Русский охотник» выходит заметка «Мараловодство» о первых мараловодах «Шараповых» и с другой информацией по нарождающейся отрасли (правильно Шарыповы – Н.Ф.)
1892 г.	Неизвестный священник, миссионер Алтайской миссии сообщает, что марала на Алтае скоро совсем истребят, «а теперь уже за ним ездят вёрст 100 и более в самые неприступные трущобы».
1893 г.	Алтайский миссионер, протоирей В.И. Вербицкий печатает сборник этнографических статей «Алтайские инородцы», где, в том числе, описывает охоту алтайцев на марала с помощью городьбы и луков, описывает панты марала и цены на них на р. Чуе.
1893 г.	Исследователь А. Позднеев заканчивает путешествие в Монголию и отмечает, что главный рынок продажи пантов в г. Гуй-Хуа-чене начинает сокращаться и перемещаться в г. Калган.
1893 г.	Начало разведения маралов в Семипалатинской области. По сведению ветеринарного врача Яковлева: «Первыми занялись этим крестьяне Кабинского района, села Бобровского – Иван Петрович Шарыпов и села Орловского – Тит Александрович Рогожников, поймавшие этих животных в китайских пределах по горам Южного Алтая в урочище Теректы и Ак-Коба».
1893 г.	В Забайкалье запрещено ловить изюбрей ямами, а это был единственный способ пополнения этих полудомашних зверей. В результате в Забайкалье просматривалось существенное сворачивание изюбеводства.

1894 г.	Маральник в с. Абай организовал Поносов, купив в с. Катанда «3-х маралов за 100 рублей каждого и матку в Верх-Уймоне за 50 рублей».
1894 г.	По сведениям ветеринарного врача Яковлева: в с. Владимирское (Алтай) на этот год было 151 марал на 10 маральников.
1895 г.	В.В. Сапожников во время путешествия в с. Катанда делает записи о мараловодстве
1895 г.	Русские переселенцы в Туве в районе Турана и Уюка «имели в своих стадах 24 марала, наравне с другими домашними животными».
1895-1899 гг.	По данным Арсеньева из Уссурийского края вывозились за границу 500 пудов сухих пантов рогов: 1 фунт сухих рогов пятнистого оленя стоил 3-4 рубля, а изюбря 60-70 копеек.
1896 г.	Бийский исправник Головачев пишет рапорт Томскому губернатору, что даже коренные народы Алтая ходатайствуют об ограничении охоты на марала и просит установить «правила охоты на маралов в местах по Алтаю вверенного мне округа».
1896 г.	На общем съезде семи алтайских дючин вынесен приговор, по которому охотиться на маралов-самцов можно было только весной, когда созревали панты, а на самок – в конце лета, когда уже крепкими становились маральята. За убийство в другое время виновный платил штраф от 40 до 60 рублей.
1897 г.	Экспедицию на Алтай для изучения состояния мараловодства на месте совершает А.А. Силантьев и подробно обследует 201 маральник.
1897 г.	По договоренности с А.А. Силантьевым, начальник Алтайского горного округа Болдырев просит Кабинет его Императорского величества запретить на Алтае охоту на марала, оставив только ловлю оленей для развития мараловодства.
1897 г.	Бийск становится центром продажи пантов на Алтае. Во второй половине XIX века сюда «стекались» панты с Бухтармы, Русского Алтая и даже Урянхая и Усинского края. Купив панты по 6-10 рублей за фунт, китайцам их можно было продать за 15-20 рублей.
1897 г.	В маральниках отдельных хозяйств в Урянхайском крае содержалось до 500 оленей. Первым мараловодом в Туве считается русский переселенец крестьянин Григорий Фунтиков.
1897 г.	На Алтае в Кош-Агаче действует таможня. Бийский купец Копылов «ведёт торговлю специально маральими рогами. В 1897 году он скупил их до 80 пудов, приблизительно на 22 400 рублей по ценам на Алтае» (т.е. по закупочным ценам – Н.Ф.)
1897 г.	В журнале «Сельское хозяйство и лесоводство» №3 печатается статья А.А. Силантьева «Марал и его будущая роль в хозяйстве сибирских крестьян», в которой анализируется появление молодой отрасли и обозначаются её перспективы.

1898 г.	А. Кузнецов в записках ИРГО публикует подробную статью «Изюбриный промысел и разведение изюбрей в Забайкальской области», в которой детально описывает способы охоты на изюбря и формирование изюбредовства с 1843 года.
1898 г.	В журнале «Природа и охота» № 9, А. Сидонский печатает статью «Марал и мараловодство на Алтае», в которой описывает жизнь дикого марала, способы его добычи, разведение этих оленей, статистику мараловодства на Алтае, способы срезки пантов, цены на этот товар и т.п. А. Сидонский отмечает, что около Онгудая есть маральник, в котором 57 оленей: 20 самцов – «быков» и 37 самок. (Макаров и Варвинский – известные предприниматели из г. Бийска – Н.Ф.)
1898 г.	Император Николай II, 16 апреля своим Указом запретил всякую охоту на марала в пределах Алтайского округа, кроме ловли молодых маралят для мараловодства.
1898 г.	Выходит книга А.А. Силантьева «Обзор промысловых охот в России», где он дает характеристику нарождающемуся мараловодству, но неправильно называет братьев Черновых с Верх-Уймона первыми мараловодами России.
1898 г.	Исследователь Алтая П. Голышев, описывая дорогу от г. Бийска до урочища Кош-Агач, отмечает, что «деревня Шебалина славится громадными маральниками».
1899-1910 гг.	В Уссурийском крае численность китайских охотников достигала 50 тыс. человек. Количество пятнистых оленей в дикой природе резко сократилось.
Начало XX в.	Неограниченный и нерегулируемый промысел благородного оленя привёл к почти полному истреблению вида в Европейской части России, на Урале и на большей части Западной Сибири.
В начале XX в.	В Канско-Нижнеудинском, Минусинском и Усино-Урянхайском районах ежегодно добывалось соответственно 172, 440, 370 голов убитыми и живыми маралов.
1900 г.	На Украине в г. Немирове родился Феодосий Григорьевич Добржанский, энтомолог, генетик, зоолог. После экспедиции 1926-1927 годов в Казахстан написал очень глубокую публикацию (1928 г.) о развитии мараловодства в Южном Алтае (Бухтарма).
1900 г.	Одобрены правила добычи диких маралов и содержание их в маральниках Алтайского округа.
1900 г.	В журнале «Сельское хозяйство и лесоводство» № 4, печатается подробная работа А.А. Силантьева «Исследование мараловодства на Алтае», в которой автор делает выводы о состоянии отрасли и целесообразности её развития.
1901 г.	Бийский купец Котельников в Онгуде «воспитывает 35 маралов».

1902 г.	Выходит книга Н.В. Туркина и К.А. Сатунина «Звери России», в которой большая глава посвящена распространению, образу жизни, охоте и разведению маралов и изюбрей. Книга иллюстрирована фотографиями.
1902 г.	В газете «Сибирская жизнь» (№204) вышла статья «Мараловодство в Горном Алтае», в которой сообщается, что мараловоды Попов (Шебалино), Варвинский (Онгудай), Шадрин (Маюта) «составили себе от маральников приличное состояние. Попов и Варвинский являются также и главными скупщиками пантов». В статье отражены особенности существующей торговли пантами.
1902 г.	Конфликт по уплате налогов между 25 мараловодами д. Берель в лице Осинина и Управляющим Усть-Каменогорским имением разбирают Томский губернатор и начальник Алтайского округа. Дело доходит до Кабинета его Императорского величества.
1902 г.	На заимке у крестьянина Шипицина из с. Сарасы есть маральник (современный Алтайский район в Алтайском крае – Н.Ф.)
1903 г.	Крестьянин Томской губернии, Бийского уезда, Башчелакской волости, деревни Большой Башчелак Семен Осипович Быков просит Российского императора Николая II отвести ему землю и лесные материалы на льготных условиях для развития маральника. Получает отказ до окончания землеустроительных работ в Бийском уезде.
1905 г.	Священник Б. Герасимов в поездке из Семипалатинска на Рахмановские Ключи составил списки мараловодов села Берели (30 человек), деревни Березовка (19 человек), села Черновского (64 человека). Священник села Берели, например, занимался мараловодством как «главным источником существования».
1905 г.	П. Головачёв в работе «Сибирь: Природа. Люди. Жизнь» (издание – II), даёт характеристику пантовому оленеводству России: указывает особенности разведения, приводит цены на панты, способы добычи оленей и т.д.
1905 г.	Управляющий Усть-Каменогорским имением (Южный Алтай) анализирует состояние мараловодства в д. Березовка, с. Берель, д. Арчаты Черновицкой волости и предлагает не облагать маральники арендной платой. Принято решение, в первые 10 лет аренду не брать...
1905 г.	Томский профессор В.В. Сапожников сообщает, что «в Монголии не устраивают «садов» для приручения марала и молодых пойманных животных транспортируют в русский Алтай».
1907 г.	Составлен список лиц, самовольно занявших государственную землю около с. Берель под мараловодство: 18 мараловодов заняли 19 участков на 648 десятинах земли. Антип Белоусов незаконно занимает 43 десятины земли 38 лет, Тимофей Белоусов – 157 десятин в течение 36 лет, Родион Белоусов – 101 десятина в течение 20 лет и т.д. (Район Бухтармы, Южный Алтай – Н.Ф.)

1908 г.	В один только Гонконг поступило из разных мест 6 тыс. пар пантов.
1908 г.	В пользу мараловода И.Н. Болтовского из д. Берёзовки закончилась тяжба с Алтайским округом о взыскании налога на землю под маральником, которую мараловод вёл с 1901 года!
1909 г.	На Дальнем Востоке начали заниматься оленеводством швейцарцы Симон и Карл Конрады, которые у Янковского купили 60 олений-сосунков. Уже в 1912 году у них было 90 оленей, а в 1920 году – 378 оленей.
1909 г.	Мараловод – торговец А.С. Попов из с. Шебалино просит Министерство торговли и промышленности содействовать снижению налога на мараловодство со стороны «сельского общества д. Шебалиной...»
1910 г.	О развитии мараловодства на Алтае отмечает в своей работе «Бийский уезд Томской губернии» бийский исправник В.П. Штейнфельд.
1910 г.	В «Памятной книжке Томской губернии на 1910 г.» публикуется таблица вывоза товаров в Монголию с 1892 по 1907 г., в которой указываются объёмы экспорта пантов.
1911 г.	В Омске выходит работа ветеринарного врача Яковлева «Мараловодство в Семипалатинской области», в которой помимо прочего даются сведения о количестве маральников и маралов в 9 поселениях казахского Алтая и указанием года их появления.
1911 г.	Правилами охоты в лесах Алтайского округа всякая охота на марала наказывается штрафом в 100 рублей за убитого марала и 25 рублей за убитую маралуху.
1911 г.	Постановлением Иркутского губернатора запрещена весенняя охота по насту коз, сохатых и изюбрей.
1911 г.	Департамент земледелия из Управления земледелия и имуществ запрашивает Министерство иностранных дел о содействии в получении информации о рынке пантов в Китае, о литературе по свойствам пантов на китайском языке, о видах пантовой продукции и перспективах ее употребления.
1911 г.	Департамент земледелия из Управления земледелия и Госимуществ России запрашивает территории о современном положении мараловодства и изюбредводства через лесных ревизоров и лесничих.
1911 г.	Крупные крестьяне-мараловоды Ошлыковы, Быковы, Фоминых, Шадрин и другие, активно просят о дополнительных землях под маральники.
1911 г.	Принято решение земли под маральники новые сдавать в Алтайском лесничестве с торгов, а «старые участки» сдавать (продлевать аренду) по средней цене.

1911 г.	В новой редакции Закона об охоте готовятся строгие ограничения в охоте на маралов, изюбрей и пятнистых оленей на всей территории России.
1911 г.	Монголия объявила о независимости от Китая, выгнала китайских купцов со своей территории и рынок пантовой продукции резко упал. Мараловоды стали выстраивать торговые пути продажи пантов на Дальнем Востоке.
1912 г.	Газета «Минусинский край» (1914, № 55) сообщает, что после изгнания китайских купцов из Урянхая, «цена на рога марала с 18 рублей упала до 2 руб. 50 коп. Мараловодство замерло». Это относится к 1912 году.
1912 г.	К. Тропицын отмечает, что в 1912 году «революционные переживания Китая снизили спрос на панты, цена упала до «10-12 рублей за фунт» и некоторые мараловоды в зиму 1912 года «приступили к частичной ликвидации маралов, продавая последних на мясо за бесценок по 30-40 рублей». (Н.Ф. – цена опускалась до 5 рублей за фунт панта).
1912 г.	Выходит книга В.В. Сапожникова «По русскому Алтаю», в которой он, помимо прочего, кратко описывает наличие маральников в с. Шебалино, Уймон, Катанда, Берельское, заимка К.П. Кузьмина (Тюнгур), д. Топольной, маральника Шестаковой (Тюндрала), маральника Власова (Власьево), маральников Ошлыковых (Мульта). Около д. Берельской Сапожников насчитывает 28 маральных «садов».
1912 г.	У обрусевшего француза Августа Менрада на острове Попова (Приморье) было 120 оленей. Его сын – Г.А. Менрад написал книгу «Пантовое оленеводство».
1912 г.	На Дальнем Востоке, на берегу бухты Суходол оленеводством занимались: М.Г. Шевелев, у которого было 200 пятнистых оленей, Дмитриенко – имел 90 оленей, Пауэрс – 40 оленей.
1912 г.	Оленеводческое хозяйство Ю.М. Янковского в Приморье достигло 1100 голов. За голову одного ручного оленя Ю.М. Янковскому китайцы настойчиво предлагали 1100 рублей. Староверы продали в этом году одну пару пантов за 1200 руб., и ещё одну – за 1050 рублей. Мясо оленя стоило 6-7 рублей за пуд и охотно покупалось ресторанами.
1912 г.	В. Родевич в своей работе «Урянхайский край и его обитатели» (1912 г.) сообщает, что марал переходит в крае в разряд домашних животных и содержится во многих хозяйствах в плену всего до 1000 голов... Он отмечает также: «Китайцы искусно стали командовать русской торговлей в крае: они забрали в свои руки вывоз из Урянхая и из Усинского края рогов марала около 1200 пудов в год; статья эта по цене 14-18 руб. фунт, или 600-700 руб. пуд, очень значительна, на сумму 700-800 тысяч...»

1912 г.	В Москве издаётся книга «Московская торговая экспедиция в Монголию», в которой, в том числе, отмечается торговый интерес Китая к русским пантам, способы срезки пантов, значение и цены на этот товар. Отмечается, что в Монголии с Алтая торгуют пантами в основном Асанов, Кузнецов, Копылов и Попов. Печатается список русских, торгующих в С.З. Монголии из 63 человек.
1913 г.	В заметке «Маральи рога» (Зыряновский рудник Усть-Каменогорского уезда) сообщается, что мараловоды с. Бухтармы везут теперь панты во Владивосток и Кяхту, так как торговля рогами в Монголии остановилась из-за отсутствия китайских купцов-покупателей. Купец Лузин в 1912 году увез во Владивосток 120 пудов пантов. В 1913 году 70 пудов пантов повёз туда же крестьянин Сорокин.
1913 г.	«Сибирский торгово-промышленный ежегодник» в этом году, давая характеристику г. Улясутаю, отметил, что в Монголии успешно торгует А.С. Попов – мараловод из с. Шебалино (Горный Алтай), «скупающий шерсти до 10 000 пудов, около 10 000 штук сурка, до 500 быков и 2 000 баранов; имеет собственные маральники, которые доставляют ему ежегодно до 60 пар рогов».
1913 г.	В Забайкалье оставалось только 23 домашних изюбрей. Это говорит о полном упадке изюбреводства в этом регионе.
1914 г.	Цены на панты в Урянхае восстановились до 10-12 руб. за фунт и продолжали расти в следующем году.
1914 г.	В изданной книге «Азиатская Россия», т. 2, печатается большая статья А.А. Силантьева об охоте, где он описывает как охоту на пантовых оленей, так и разведение пантовых оленей в Сибири.
1914 г.	В «Вестнике животноводства» № 11, К. Тропицын печатает статью «Марал и мараловодство в Сибири», где описывает жизнь марала, ценность пантов, подчёркивается необходимость развития отрасли и «выяснение целебных свойств пантов».
1914 г.	Г.Е. Грум-Гржимайло в своем описании Урянхайского края замечает: «В последнее время у русских переселенцев в Засаянском крае стало развиваться мараловодство – отрасль животноводства, имеющая почти 70-летнюю давность и заслуживающая самого серьёзного исследования как с естественно-исторической, так и сельскохозяйственной точки зрения... Маральники заведены при селениях Уюк, Туран, Себи и в них содержится около двухсот изюбрей».
1914 г.	Начало работы Саянской экспедиции (1914-1916) под руководством Д.К. Соловьева. Экспедиция подробно изучила Саянский промыслово-охотничий район, соболиный промысел, а также охоту на изюбря (марала) и разведение маралов в Саянском крае в 1914-1916 годах.

1915 г.	В Тоджинском районе во всех крестьянских дворах содержалось 877 маралов. В Турано-Уюкском районе – 744 марала, фамилии крупных мараловодов: Осипов, Дерягин, Михайлов, Медведев, Вавилин, Известьев, Ведерников, Панфилов, Иванов. В Уюк-Хемском районе – 35 маралов. В Малоенисейском районе – 139 маралов. В Элегейском районе – 12 маралов. В Кемчинском районе – 2 марала.
1915 г.	Начальник Алтайского округа просит Лесной департамент содействовать запрещению охоты на маралов на территории соседней Енисейской губернии (на границе с округом).
1915 г.	В Саянском крае насчитывалось 1400 домашних маралов.
1915 г.	«Сибирский торгово-промышленный ежегодник» (1914-1915 гг.) сообщает, что в Усинском пограничном округе Енисейской губернии выращено маралых рогов на сумму 11 908 рублей. В Никольско-Уссурийском уезде Приморской области население имеет в домашнем хозяйстве 707 пятнистых оленей. Ценность их пантов доходит до 800 рублей за пару.
1917 г.	Очевидным центром мараловодства в Южном Алтае стало село Берельское, в собственности берельцев находилось почти 30% домашних оленей Южного Алтая. Основными мараловодами в Южном Алтае были крестьяне-староверы, которые стояли у истоков этой новой отрасли.
1917 г.	В д. Шебалино (Горный Алтай) было одиннадцать мараловодческих хозяйств с 417 оленями. В 13 поселениях Южного Алтая насчитывалось 222 мараловода, имевших 5246 маралов. В 27 поселениях Северного (Русского) Алтая 98 мараловодов имели 2126 голов оленей.
1917 г.	Всего в дореволюционном Алтае (казахском и русском) было 500 мараловодов, которые вместе содержали более 11 тыс. маралов. В это время пантовое оленеводство успешно развивалось на всей территории Южной Сибири и Дальнем Востоке России, но зародилось оно на Алтае.
1917 г.	В период расцвета оленеводческой отрасли в Приморье насчитывалось 8000 оленей в неволе. Большая часть оленей была в собственности крупных предпринимателей, но и крестьяне в совокупности владели примерно 2000 оленями.
1917 г.	Хозяйство Ю.М. Янковского достигло наивысшего расцвета, стадо оленей насчитывало 2000 голов. В 1922 году Янковские эмигрировали в Корею.

1917 г.	На полуострове Гамова была создана первая в России оленеводческая артель «Сосновые скалы». Пайщиками её были Ян Михайлович Янковский, Григорий Августович Менард, Владимир Михайлович Шевелев, Карл Фёдорович Филиппек, С.И. Конрад. В 1922 году артель насчитывала 580 оленей, затем её активность постепенно стала снижаться, и в 1929 году артель «Сосновые скалы» была национализована и передана в ведение Госторга.
1917 г.	В поселениях Южного Алтая насчитывалось 350 мараловодов, имевших до 8000 маралов. В поселениях Русского Алтая 150 мараловодов имели около 3000 голов оленей.
1918 г.	На о. Аскольд «Общество любителей охоты» имело под охраной 2500 оленей. В годы становления Советской власти почти все олени были уничтожены браконьерами.
1919 г.	В Петрограде опубликована книга С.Т. Нейштубе «Мараловодство, охота и разведение особого вида оленей-маралов».

СИЛАНТЪЕВ
Анатолий Алексеевич
(1868-1918)

Выдающийся деятель отечественной науки Анатолий Алексеевич Силантьев за 30 лет исследовательской работы опубликовал 77 печатных трудов, в том числе 15 работ по вопросам охотничьего дела и пантового оленеводства и 21 труд по биологии и экологии птиц и зверей.

Внук Новгородского крепостного крестьянина и сын портного, он остался сиротой, когда ему не было ещё двух лет. Вырос в семье тётки при хорошем отношении приемного отца. В 1877 году Анатолия Силантьева определили в Петербургское коммерческое училище. После 8-летней успешной учёбы в училище он в 1886 году поступил в Лесной институт, где приступил к основному делу своей жизни – изучению зоологии.

В 1893 году А.А. Силантьев начал работать в Лесном департаменте Министерства земледелия, а затем ещё и на кафедре зоологии Лесного института. В 1892 году молодого Силантьева привлекли к работе комиссии по совершенствованию охотничьего законодательства, а уже весной 1896 года Департамент земледелия поручил ему за год сделать краткий обзор промысловых охот в России, для составления которого Анатолий Алексеевич использовал помимо ответов из губерний ещё около 1,5 тысячи отдельных изданий, статей, заметок, отчётов и архивных материалов. В декабре 1897 года он успешно выполнил это сложнейшее поручение. В ходе этой колоссальной работы, он выделил очень интересную тему – разведение пантовых оленей в Сибири. Летом 1897 года добился командировки на Алтай и на месте изучил состояние и перспективы алтайского мараловодства. В 1897 году была напечатана его статья в журнале «Сельское хозяйство и лесоводство»: «Марал и его будущая роль в хозяйстве сибирских крестьян» (№3). В 1900 году появилась ещё одна статья о мараловодстве «Исследование мараловодства на Алтае» (№4, 131 страница). В 1898 году была опубликована уникальная работа Анатолия Алексеевича «Обзор промысловых охот в России» (619 страниц). Важнейшим достижением А.А. Силантьева в 1898 году стал Указ Николая II о запрете охоты на маралов в Алтайском округе.

Он очень хотел по итогам работы на Алтае опубликовать отдельную книгу о перспективах мараловодства, но до 1914 года этого не позволили сделать бюрократические проволочки. В 1914 году Анатолий Алексеевич готовился основательно обновить данные о пантовом оленеводстве в Сибири, но начавшаяся Первая мировая война сорвала эти планы.

О жизни этого учёного О.А. Егоровым в 1990 году издана книга «Анатолий Алексеевич Силантьев», в 2011 году я написал книгу о его командировке на Алтай «Дело А.А. Силантьева. Экономическое расследование развития мараловодства на Алтае в конце XIX века», где высказался о необходимости издания статьи А.А. Силантьева по Алтаю. В 2018 году на Алтае пройдёт VII Всемирный конгресс пантового оленеводства. В этом же году Анатолию Алексеевичу исполнится 150 лет со дня рождения. И конгресс и эта публикация будут знаком уважения его светлой памяти.

ИССЛЕДОВАНИЕ МАРАЛОВОДСТВА НА АЛТАЕ (предварительное сообщение)

I.

Цель поездки. Маршрут. Обстоятельства путешествия. План производства исследований. Добытые результаты.

Прежде чем приступить к изложению впечатлений во время поездки на Алтай и результатов произведённых там исследований, необходимо сказать, что такое представляет из себя мараловодство. Мараловодством называется содержание маралов или западно-сибирских оленей (*Cervus Canadensis asiaticus* Severtz.) и изюбров, или восточно-сибирских оленей (*Cervus canadensis luhdorfi* Bolan) живыми, в полуприручённом состоянии, обыкновенно в особых, огороженных высокою изгородью пространствах – маральниках (изредка на дворе), с целью ежегодного отпиливания в первой половине лета молодых, не окостеневших ещё рогов, так называемых пантов, за выгодную цену сбываемых в Китай, где эти панты идут на приготовление целебных средств.

Летом 1897 года мне и было поручено Министерством Земледелия произвести всестороннее исследование этой новой и ценной отрасли животноводства на Алтае. Зоологический музей Императорской академии наук, желая воспользоваться моей поездкой для собирания фаунистического материала, дал мне субсидию в 300 рублей и снабдил необходимыми для коллектирования животных приспособлениями, с тем, чтобы весь материал был мною представлен в академический музей. Сбором животных, как это было уже выяснено на предварительном соглашении до поездки, я мог заниматься, конечно, только попутно, в свободное от изучения мараловодства время. Для большей продуктивности работы я пригласил себе в помощь, в качестве препаратора, студента Лесного института Алексея Васильевича Серебряникова, совместно с которым мы и проехали большую часть пути по Алтаю.

Выехав из Петербурга 28 мая, я вернулся обратно 1-го октября, пробив в дороге более 4-х месяцев, из коих местными исследованиями на заданную тему мне пришлось заниматься только три, а именно, с 13-го июня по 10 сентября, считая исходной точкой город Барнаул. В Барнауле я встретил самый радушный приём и всевозможное содействие со стороны начальника алтайского округа Кабинета Его Величества, генерал-майора Василия Ксенофоновича Болдырева, за что и считаю приятной для себя обязанностью высказать этому всеми уважаемому деятелю и симпатичнейшему человеку мою глубочайшую признательность. Получив из бийского полицейского управления необходимые сведения о существующих на Алтае маральниках, сопоставив их с ранее собранными

Главное Управление Землеустройства и Земледѣлія.

ДЕПАРТАМЕНТЪ ЗЕМЛЕДѢЛІЯ.

По IV Отдѣленію

По 3 Столу

По Архиву

№ 28.

Разрѣз.

№ 125

Д Ъ Л О

1806 года.

О командированіи г. Силантѣва
въ южную Сибирь для изслѣ-
дованія мѣстныхъ марало-
водства

Началось ..... 19 года

Кончилось ..... 19 года

На ..... листахъ.

ЦГИА СССР
Фонд 398, кн. 63, л. 17
125

по этому вопросу литературными данными (см. мою статью, писанную ещё до поездки на Алтай «Марал и его будущая роль в хозяйстве сибирских крестьян» С.Х. и Лесов. 1896.), я наметил себе маршрут, задавшись целью посетить все главнейшие центры мараловодства, повидать возможно большее число и наиболее интересных маральников, пренебрегая единичными, расположенными в стороне. Предвидя невозможность посещения всех алтайских маральников без исключения и желая проконтролировать собираемые мною во время поездки статистические данные касательно мараловодства, я ещё до выезда из Барнаула на место исследования, составил программу вопросов по интересующему меня предмету, отпечатанную и разосланную при любезном содействии генерал-майора Болдырева по Алтаю, для собирания сведений общеполцейским порядком. Таким образом создавалась система двойного контроля, причём мараловодам приходилось давать сведения дважды, в разные сроки, зачастую довольно друг от друга отдалённые, и в первый раз не ведая, что придётся сообщать их ещё в другой. В общем, как это мы увидим ниже, данные получились почти тождественные, и я не могу пожаловаться, вопреки существующим в литературе указаниям, чтобы мараловоды жались и скрывали бы от нас своих животных или свои знания; наоборот, в большинстве случаев они весьма охотно делились с нами своими сведениями, не скрывая даже собственных ошибок. Принимали же нас всюду крайне радушно.

В Бийске, благодаря любезности исправника г. Головачевского, ко мне был прикомандирован на всё время поездки по Алтаю стражник Коновалов, сопровождавший нас во всех наших трехмесячных странствованиях.

Маршрут, согласно принятому плану поездки, заключался в следующем: из Бийска путь мой лежал на юг до Онгудая, для того, чтобы ознакомиться с находящимися по колесному тракту и наиболее известными и в литературе, и по рассказам местных обывателей маральниками Шадрина в Мыюте, Попова в Шебалиной, калмыка зайсана (родового старшины) Манджи Кульджина близ Теньгинской почтовой станции и Котельникова – в Онгудае.

На этом пути должен был меня догнать оставшийся в Петербурге на практических занятиях А.В. Серебряников. Затем из Онгудая предполагалось на вьючных лошадях перебраться на р. Катунь, осмотреть детально этот центр мараловодства, оттуда заехать на р. Чарыш, потом перевалить через горы на р. Бухтарму, в самый богатый маральниками южный район; оттуда, уже чисто ради интереса, захватить побольше юго-восточного Алтая, пробраться на Кош-Агач, на Башкаус, Чулышман, Телецкое озеро, ради добычи знаменитой телецкой селёдки, прекрасно известной западно-сибирским гастрономам, но доходившей до зоологов, в силу нежности своего мяса, только в виде полуразложившейся массы. Приобрести эти сельди было, поэтому, для меня как бы обязательной за-

дачей. За Телецким же озером оставалось лишь осмотреть маральники в Улале и окрестном районе и вернуться в Бийск и в Барнаул. Крайним сроком возвращения в Барнаул было 10-е сентября.

Но, одно дело – набросать схематический план поездки, глядя на карту, а другое – выполнить намеченный маршрут в натуре, когда на каждом шагу являются совершенно непредвиденные препятствия. В общем, как это можно видеть на карте, где линией показан наш действительный маршрут, мы выполнили его, но в деталях, конечно, неоднократно приходилось отступать от заранее намеченного плана. Так, например, по недостатку времени, пришлось отложить поездку на Кош-Агач, за отсутствием в той стороне маральников. Главным нашим стремлением было пробраться из южного бухтарминского района в северо-восточный, улалинский, не по избитому почтовому тракту через Онгудай, что было бы, конечно, значительно удобнее и скорее, а тем более не по той же дороге, как приехали туда, а по наиболее интересной и дикой части Алтая – через Рахмановские ключи, пересекая рр. Аргут, Чую, Башкаус, и вдоль по Чулышману и Телецкому озеру до Кебезени, после чего мы снова вступили бы в более населённую область. Надо однако признаться, что выполнение предначертанного маршрута далось нам не без некоторых усилий; неоднократно, под влиянием разных неблагоприятно складывавшихся обстоятельств, случалось, что мы с моим спутником отчаивались совершить задуманное и чуть было не решали, махнув рукою на обозрение чудных картин природы, избрать более торный путь. Конечно, не трудности пути по безлюдной местности и некоторые связанные с этим лишения нас устрашали – так как мы, наоборот, жаждали попасть в самые дикие места с целью испытать свою пригодность для более серьёзных путешествий – но источником нашего временного упадка духа было нечто другое. Действительно, два грозных призрака тяготели над нами во все время пути и отравляли все удовольствие, это – срочность поездки и скудность имевшихся в нашем распоряжении средств; к этому надо прибавить ещё отсутствие подробной карты (В нашем распоряжении были только стовёрстная и сорокавёрстная карты, годные лишь для самой общей ориентировки, но не для руководства ими в пути; выписанную же более подробную карту омского военно-топографического Отдела я получил только по возвращению из поездки) и знающего местность проводника.

При таких условиях было довольно рискованно пускаться в необитаемые почти местности, и невольно, как больной зуб, ныла одна и та же дума – ехать или нет, проедем ли, хватит ли денег, достанем ли кого-нибудь, кто нам укажет дорогу, найдём ли лошадей, а главное, поспеем ли вернуться вовремя? А что как заберёмся в глушь, да и застрянем там так, что вперёд не проберёмся, а назад ехать будет далеко? Как сейчас представляю себе одну из таких минут наиболее угнетённого состоя-

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА
"
ЗЕМЛЕДѢЛІЯ.

ДЕПАРТАМЕНТЪ ЗЕМЛЕДѢЛІЯ
От. 17. — Ст. 3.

Отщук
Управленію Земледѣлія и
Государственныхъ Имуществъ.

159

" 20" іюня 1911 годъ.

на оборотѣ № 1014
Синьт.

Департаментъ Земледѣлія, озабочиваясь правильной постановкой полезныхъ для сельскаго населенія малонаселенныхъ областей Сибири ~~подсобныхъ~~ подсобныхъ промысловъ и намѣреваясь, въ ближайшемъ будущемъ, принять мѣры къ возможному развитію весьма выгодной отрасли животноводства — мараловодства и изюбеводства, встрѣчаетъ надобность въ статистическихъ матеріалахъ касательно современнаго распространенія маральниковъ и количества содержащихся въ нихъ животныхъ. Въ виду означеннаго Департаментъ Земледѣлія имѣетъ честь покорнѣйше просить собрать черезъ посредство лѣсныхъ ревизоровъ и лѣсничихъ матеріалъ по прилагаемой программѣ, а также сообщить ему всѣ ихъ, и само-го Управленія соображенія по вопросу о современномъ положеніи мараловодства въ краѣ, равно какъ и о необходимыхъ по ихъ мнѣнію мѣрахъ наилучшаго содѣйствія возможно быстрому развитію этой отрасли животноводства въ данномъ районѣ.

28/9/11

За Директора

Д. Шубинина

Завѣдующій Дѣлопроизводствомъ

В. Симаитова

на оборотѣ

ния духа, когда приходилось решать вопрос – что же дальше делать. Мы только что расположились на обеденный отдых при впадении какой-то речки, впоследствии оказавшейся р. Тополевкой, впадающей в р. Аргут, после многодневного безостановочного пути от Рахмановских ключей. С утра шёл дождь; все промокло, раскисло; палатки текут, ветер пронизывает и не даёт зажечь костра из мокрых щепок; проводник, взятый из Берели, вторые сутки уже едет по незнакомой местности и дальше дороги не знает. Хозяева лошадей, нанятых в Нижнем Уймоне на все лето, до конца вьючного пути, конечно, давным-давно уже выехали за пределы посещённой ими когда-либо области; они только слышали, что существует река Аргут, на которую мы выехали, и что с нее есть где-то тропа на Нижний Уймон, но сами они по ней не проезжали. Кроме того, стало ясно, что если бы даже они и знали дальнейший прямой путь на р. Чую, то лошади всего срока не выдержали бы, так как большая часть их побила себе ноги и хромала, и пускаться на них в глубь неизвестных никому из нас мест было бы безумием. Калмыки (вернее теленгеты), обитатели нескольких юрт, расположенных вблизи нашей стоянки, сперва, по прибытии нашем, пришли к нам с обычными приветствиями, но потом почему-то все разъехались и разбежались; одним словом, и небо, и люди, и все обстоятельства были против нас. Минута была решительная. Оставалось, по-видимому, одно – махнуть рукой на остальную часть предполагаемого маршрута и, следуя гласу благоразумия, поехать по намеченному на сорокаверстной карте пути вдоль р. Аргута на р. Катунь; взять у заведомо живущих там калмыков лошадей и ехать на Онгудай, а Улалу с окрестностями посетить из Бийска или же из какого-нибудь другого пункта, вообще добравшись уже до севера Алтая; тогда прощай и лучшие места, и Телецкое озеро, и все, что мы так мечтали повидать. Было уже почти решено так и поступить, но спасла телецкая селёдка, более всего мне было обидно вернуться без нее. Мне казалось невозможным, чтобы с такого важного пункта, как р. Аргут, не было прямой тропы к Телецкому озеру, хотя на нашей жалкой карте таковой и не было показано; на ней был изображен лишь путь от р. Аргута по р. Тополевка на Чуйский тракт; затем, судя по карте, между этим последним и р. Башкаусом никакого сообщения не полагалось, а затем от р. Башкауса на р. Чулышман и вдоль последнего, до Телецкого озера, дорога тоже была показана. Оставался, следовательно, небольшой пробел между Чуей и Башкаусом, в существование которого я не верил, и решил испытать последнее средство – созвать совет из калмыков. Тотчас наши проводники были посланы на поиски, и через несколько времени изловили сперва одного, а потом и другого калмыка, которым мы велели раздобыть себе бошко (нечто вроде сотско-го); за ним куда-то поехали и только через несколько часов привезли его навеселе; оказалось, что он, бедняга, загулял уже третьи сутки, и его пришлось увести прямо с пира, это обстоятельство и послужило собственно

ЗАВЕДУЮЩІЙ
ЗЕМЕЛЬНО-ЗАВОДСКИМЪ ОТДѢЛОМЪ
КАБИНЕТА
ЕГО
ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА.

22 февраля 1901 г.

№ 2132

Вн. Милостивый

Его Прев-ству

Н.А.

Х О М Я К О В У.

3174
25 155
IV
3

26 февраля 1901.

25. ФЕВР. 1901

118

Милостивый Государь

Николай Алексѣевичъ.

Вслѣдствіе письма отъ 27 минушаго Января за № 3370, имѣю честь увѣдомить Ваше Превосходительство, что, по существующимъ въ Кабинетѣ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА правиламъ, принятая Кабинетомъ половина расходовъ, /до 1.500 руб./ на изданіе труда г.Симантьева "Исслѣдованіе Мараловодства на Алтаѣ" можетъ быть переведена въ депозиты Департамента Земледѣлія лишь по изданіи упомянутаго труда и по сообщеніи Департаментомъ общей суммы произведенныхъ на изданіе расходовъ. Въ крайнемъ случаѣ, если бы Департаменту Земледѣлія встрѣтилась неотложная надобность въ переводѣ Кабинетомъ части денегъ на изданіе, впрядь до его выпуска, то таковой переводъ могъ бы быть сдѣланъ въ половинѣ произведенныхъ Департаментомъ расходовъ.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности

В. Сидоревъ

98
96.

причиной бегства от нас жителей местных юрт. Следом за бошко явились и прочие обитатели юрт. По приходу калмыков составилась у нас совет, довольно-таки, правда, своеобразный, так как с их стороны лишь бошко знал только несколько слов по-русски, а мы все вместе знали десятка два слов по калмыцки; остальное восполнялось жестами. Начать пришлось с выяснения более точного положения нашей стоянки на Аргуте; оказалось, что река, в устье которой мы расположились, зовётся Карыгем, на карте же я нашёл название Кара-кем, или Тополевка. Значит, мы как раз находимся у исходной точки прямого пути, идущего с р. Аргут на р. Чуя. Гораздо большего труда стоило добиться, у какого же пункта на р. Чуя выходит эта тропа, оказалось, что она выходит на р. Курай. Услышав это название, наш Коновалов сразу оживился, вспомнив, что ему приходилось там бывать, проезжая по Чуйскому тракту, что там есть посёлок или вернее ряд юрт, и даже стоит волостное правление, в котором служит знакомый ему писарь; мало того, ему наверно известно, что с Курая ездят на Башкауз к зайсану этой волости. Раз это так, то возможность пробраться напрямик к Телецкому озеру не подвергалась более сомнению, явились снова решимость и энергия; прежний план ехать на Онгудай был немедленно оставлен и сменен новым – лошадей наших и людей из Уймона рассчитать, и ехать на переменных калмыцких лошадях до Телецкого озера. Тотчас же были сделаны соответственные распоряжения бошко, который отрядил нам пять калмыков, из коих некоторые ездили на Курай, послал за лошадьми в горы, и на следующий день, часа в четыре, мы могли уже тронуться на свежих лошадях в неведомый, но заманчивый путь. Правда, мы ехали пять суток с проводниками, ни слова не говорившими и не понимавшими по-русски, что имеет тоже своего рода удовольствие; весь путь до Телецкого озера гнали во всю, ехав, что называется с часами в руках, но зато мы выполнили намеченный нами маршрут целиком, видели наилучшую часть Алтая и вернулись в Барнаул всего только на сутки позже положенного срока, вместо 10-го, 11-го сентября. Поддайся мы минутному настроению – все было бы не то, не было бы того чувства удовлетворённости, с которым мы вернулись из поездки.

Но мы отвлеклись в сторону, а потому вернёмся снова к началу нашей поездки. В виду новизны дела, на ознакомление с первыми маральниками в Мыюте, Шебалиной и Онгудае ушло порядочно времени; кроме того, в виду неизбежности обождать А.В. Серебряникова ещё на тракту, я и не особенно торопился. Спутник мой нагнал меня в Онгудае 1-го июля. С этого момента мы могли уже, оставив повозки, навьючить весь свой багаж на лошадей и пуститься в горы. Первою задачей было перевалить через Теректайский хребет, разделяющий долину р. Урусула от той части р. Катуня, где расположены селения Верхний и Нижний Уймоны. Хотя и существует тропа прямо с Онгудая на Котонду, но нам не советовали по ней ехать, в виду высокой воды в горных речках, рекомендовав вернуться

на Усть-Теньгу, а оттуда на р. Кыэрлык, приток р. Урусула, место жительства известного зайсана Манджи Кульджина, владельца большого, там же расположенного маральника. Мы так и сделали. Прибыв к Манджи Кульджину 4-го июля вечером, утром следующего дня мы занимались съёмкой рог и фотографированием в маральнике, во второй половине дня приняли участие в устроенной по случаю нашего прибытия охоте на диких коз, 6-го же числа, с утра, стали распределять весь свой багаж по вьючным сумам, вьючить лошадей и, распростившись с колёсным трактом и гостеприимными калмыками, в 5-м часу вечера тронулись в путь верхом на Верхний Уймон, имея в составе экспедиции восемь верховых лошадей, под нами тремя и пятью сопровождавшими нас калмыками, и 7 вьючных лошадей; «заводных», т.е. идущих без багажа, запасных лошадей, в виду краткости пути, у нас не было.

Нам надлежало перевалить через Теректайский хребет, причём путь наш шел через перевал Курегеш, где мы у границы снегов и древесной растительности провели ночь с 7-го на 8-е июля, затем через Тастахтинские белки мы перевалили в долину реки Тастахты, вдоль которой и ехали почти до самой р. Катунь, куда мы прибыли 9-го числа вечером, и заночевали на левом берегу реки против самого Верхнего Уймона – окончательной точкой нашего переезда. Все эти дни шел почти непрерывный дождь, сменявшийся на белках снегом и крупую, при холодном пронзительном ветре, так что еле можно было выбрать моменты для фотографирования, и много роскошнейших видов осталось не снятыми. На реке Тастахте, верстах в 12 от ее устья, в посёлочке того же имени, была временная остановка для осмотра маральников. С 10-го по 20-е июля главной нашей квартирой был Верхний Уймон, где мы с А.В. и Коноваловым упаковывали собранные в пути и во время пребывания в Уймоне рога, шкурки и прочие зоологические материалы. Я же, осмотрев большую часть местных маральников, съездил за это время с той же целью вниз по р. Катунь в Нижний Уймон, Котонду и ее окрестности. Здесь же мы выработали план дальнейшей поездки и наняли за 170 рублей, двух крестьян из Нижнего Уймона с 14 лошадьми на 2½ месяца. Желая, по возможности, убить двух зайцев разом, т.е. повидать побольше маральников и посбирать животных горной фауны, мы решили поступить таким образом, что А.В. Серебряников с Коноваловым, и всем нашим багажом, перевалят через Катунские белки в долину р. Бухтармы, держа путь через Тальменьё озеро, двигаясь медленно, и уделяя возможно больше времени сбору зоологического материала, с таким расчётом, чтобы недели через 2 прибыть в станицу Алтайскую (Котон-Карагай), где мы должны были встретиться; я же, пользуясь колесным путем из Уймона на р. Чарыш, должен был выехать один и налегке с небольшим запасом багажа, провизией и фотографическим аппаратом, разложенными в 4 вьючные сумы, т.е. приспособленными к колёсному и вьючному пути; осмотреть

все встречающиеся по пути маральники северо-западного района, перевалить верхом, где окажется возможным, через горы в долину Бухтармы, ниже всех маральников, и, поднявшись вверх по ней, осмотреть главнейшие мараловодные центры, как-то деревни Белую, Фыкалку и прочие, и приехать в ту же станицу Алтайскую, где мы и должны были съехаться. Этот план нам удалось выполнить как бы по нотам – 4 августа утром приехала вся наша экспедиция с Серебряниковым во главе, и расположилась станом около Котон-Карагая, днем же прибыл и я верхом с двумя проводниками и 2 вьючными лошадьми из деревни Фыкалки, выполнив все намеченное и перевалив через хребет Холзун из селения Абайского на реке Абай (приток р. Кок-су, впадающей в р. Катунь) на деревню Пихтовку на р. Бухтарме. На этот раз судьба нам благоприятствовала; погода установилась прекрасная, и все шло, как по писаному, если не считать происшедшего со мною случая, когда я, уехав вперед, сбился с дороги и разъехался со своими проводниками, проплутав целый день по безлюдной местности, пока к вечеру не набрёл в вершине речки Шехалахи на старика пасечника, приютившего меня на ночь и проводившего на утро в деревню Пихтовку, причём, на полпути туда мы застали на одной заимке растерявшихся от страха за мою судьбу проводников. Вся же прочая экспедиция запоздала немного против назначенного в силу того, что главный объект – на добычу которого я просил А.В. обратить всё внимание – алтайский сурок, как всегда это случается, ни за что не давался в руки. Только с большими усилиями, в течение нескольких дней, пролежав у нор с тремя ружьями, удалось им не только убить, но и достать застреленных двух больших и одного маленького сурка – большинство же раненых и убитых непроизводительно пропадали, провалились в норы под камни, откуда их не было физической возможности достать. Добыть алтайских сурков было необходимо, так как до тех пор они не были ещё описаны, хотя и названы О. Брандтом *Arctomys baibacina*. В позднейшей же литературе они указаны были (у Радде и Никольского) под заведомо неверным названием *Arctomys bobac Schreb.*, так как этот вид – обыкновенный сурок есть равнинная, степная, а не горная форма (В настоящее время алтайский сурок описан под названием *Arctomys baibacina Brandt* профессором томского университета Н.О. Кащенко, ездившим на Алтае в 1898 году со специальной зоологической целью – «Результаты алтайской зоологической экспедиции 1898 года. Позвоночные. Томск. 1899. Известия Томского университета»).

Благополучно окончив эту часть задачи и съехавшись в станице Алтайской, мы на следующее же утро выехали вверх по р. Бухтарме до деревни Черновой, где на несколько дней сделали привал близ речки Черновой в пустой заимочке, любезно предоставленной в наше распоряжение крестьянином Михаилом Ивановичем Ошлыковым, так как необходимо было упаковать и отослать наши двухнедельные сборы да, кстати, в особенности мне, и отдохнуть.

Маралы. Фотографический снимок на Алтае

То, приводя в порядок наши дневники и укладывая животных, то между делом экскурсируя, незаметно прожили мы 4 ½ суток и 10-го августа, в половине дня тронулись в дальнейший путь на д. Берёзовку, а оттуда на д. Берель – самый последний мараловодный пункт в бассейне р. Бухтармы, который мы намеревались посетить. С осмотром березовских и берельских маральников мы покончили без особых приключений 15 августа, а затем – девять десятых всей, довольно утомительной работы по изучению мараловодства на Алтае было кончено, оставалось только пробраться тем или иным путём в Улалу и её окрестности, где маралов сравнительно мало, т.е. другими словами, впереди была самая интересная, праздничная, так сказать, часть поездки.

Но вместе с тем с особенной силой стали возникать сомнения, ехать ли так, как нам хотелось или нет, но, как уже известно из вышеизложенного, нам удалось выполнить наш план до конца. Путь наш шел из Берели, на Рахмановские ключи по рр. Коксе, Аргуту, Тополевке на р. Чую; от последней по р. Кураю к р. Башкаусу на р. Чулышман и по нему до Телецкого озера, и вдоль последнего на лодке до северного берега. Две недели, с 15-го августа по 1-е сентября, мы, не отвлекаемые никакими обязанностями, вполне предавались созерцанию очаровательнейших, грандиозных картин горной природы, сохранившейся в девственной чистоте, и отмахали за это время более трети всего нашего пути по Алтаю, высадившись рано утром 1-го сентября на северном берегу Телецкого озера, в рыбацком местечке Артыбаш. В 17

дней, из коих пять суток ушло на остановки на Рахмановских ключах, при устье р. Тополевка, на Курае и на реке Башкаус у зайсана Семёна Саала, мы проехали почти 500 верст верхом по горным тропам и вёрст 75 на лодке по Телецкому озеру. Гонка была бешеная; в особенности во вторую неделю, когда путь стал известен, и оказалось возможным часто менять лошадей, мы делали регулярно ежедневно в среднем вёрст по 40 в день, а 30 августа догнали почти до 60, что для вьючного пути более чем достаточно.

Добравшись до Артыбаша, сборного пункта рыбацких артелей, приезжающих на Телецкое озеро промыслять сельдку и другую рыбу, мы расположились под навесом бывшего когда-то здесь рыбного завода инженера Абрамова и принялись за розыски столь желанной сельди. Признаться, мы чуть её не прозевали! Приезжай мы неделей позже, и нам пришлось бы ехать с пустыми руками, так как только одна артель рыбаков всего и осталась на лицо, да и та работала последние дни; без большого же невода, с нашим привезённым из Петербурга пигмеем, мы бы ничего не поделали. Но, все хорошо, что хорошо кончается, и мы, в конце концов, отправили в Академию Наук и в спирте, и в формалине несколько десятков только что изловленных и тут же на берегу немедленно консервированных селёдок – *Coregenus Smitti Warpac.*, оказавшихся, по заключению известного ихтиолога Смита, как и следовало ожидать, новым видом, описываемым в настоящее время Н.А. Варпаховским. Покончив с селёдкой, нам оставалось заключить нашу поездку посещением наименее интересных местностей, по сравнению с пройденной частью пути. Действительно, верховой путь от Артыбаша до Кебезени был положительно невозможен, так как лошади чуть не поминутно вязли по брюхо в грязи; во все лето не было такой адской дороги, как на протяжении этих 19 вёрст, до последней возможности разбивших и измучивших нас, достаточно уже закалённых предыдущими поездками. Остановившись в Кебезени на сутки для укладки и отправки всех сборов за последние дни недели, и приятно скоротав вечер у весьма симпатичного и интеллигентного миссионера отца Макария, мы отправились 6 сентября на Верхнепьянково, а оттуда на Нижнепьянково, куда прибыли только в ночь на 7-е. С Нижнепьянкова, окончательно распростившись с верховыми лошадьми, мы пересели в повозки и направились через Абабково, Сазоново и Тайную на Улалу, осматривая по пути близ расположенные маральники. Из Тайной, послав Коновалова с лишними вещами прямо на Бийск, мы с Серебряниковым отправились налегке на Улалу, откуда я поехал осматривать Улалинские маральники, а А.В. направился в с. Алтайское забрать пришедшую за наше отсутствие почту. В Бийск мы съехались 9-го сентября, а в Барнаул прибыли 11-го, чем и завершили наши странствования по Алтаю.

Каковы же результаты нашей поездки?

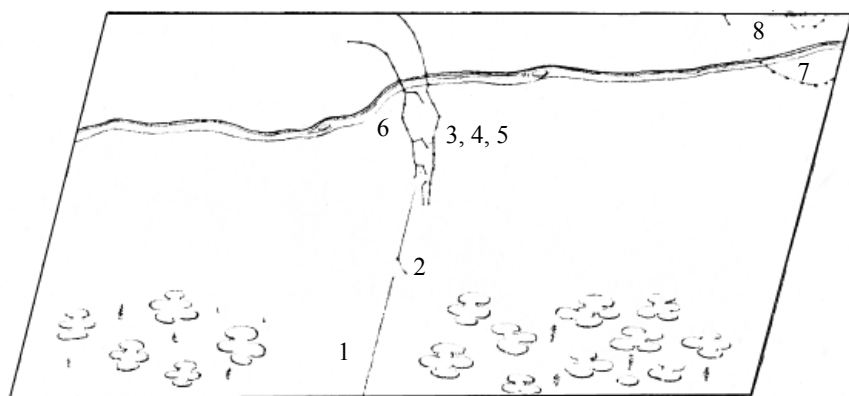
Прежде нежели их перечислять, я изложу самый порядок, которого мы придерживались при собирании необходимого для нас материала. Будучи знаком с литературою мараловодства ещё до поездки на Алтай, я мог, конечно, заранее наметить ряд вопросов, на которые следовало обратить внимание и составить программу исследования. Осмотр первых встретившихся на пути маральников ввёл меня ещё больше в курс дела и помог выработать наиболее практичный метод производства исследований. Прежде всего, надо заметить, что в интересах зоологических сборов мы никогда почти не останавливались в самих посёлках, а разбивали свои палатки неподалеку от них. В то время как я один, или вместе с А.В. занимался расспросами, собиранием сведений о маралах и осмотром маральников, остальные члены нашей экспедиции ловили разных животных или стреляли птиц, что было, конечно, удобнее делать за чертой поселка. Приехав в какую-нибудь деревню, я немедленно же отправлялся на земскую квартиру, посылал за местной властью и приглашал мараловодов к себе на беседу. У первого, кто приходил, я собирал сведения о числе маральников, расстоянии их от данного пункта и фамилии владельцев; тут же одновременно составлялся план поездки по маральникам с таким расчётом, чтобы при наименьшем проезде захватить если не все маральники, то, по возможности, большее число их, и условливались, когда выедем на осмотр к живущим на отдельных заимках мараловодам, посылались тотчас же гонцы с извещением о сроке нашего приезда в маральник и с просьбой быть тогда дома. Той порой публика постепенно собиралась, поспевал обед или ужин, и беседа наша становилась все более и более оживленною. Комната земской квартиры битком набивалась не только приглашёнными, но и просто любопытными. Собирание сведений начиналось с того, что я опрашивал сперва каждого мараловода по очереди обо всём, касавшемся его собственного маральника, затем, покончив с этим, начинал вести беседу о мараловодстве вообще, его нуждах, о торговле пантами, о болезнях маралов, о том, у кого что есть на лицо в данный момент из предметов, касающихся как этого промысла, так и охоты и т.п. Мало по малу, убедившись, что приехало не грозное начальство обычного типа, а люди, интересующиеся близким их сердцу делом, гости наши все более и более оживлялись и беседа становилась совершенно непринуждённою. Всякий тащил все, что имел по интересующей нас отрасли, другие же приглашали нас к себе, если объекты были слишком громоздки; бесценные, по местным условиям вещи, нам дарились, как, например, сброшенные пеньки рог, спицы годовалого марала, маленькие козлиные рожки и т.п.; другое нами покупалось, что было нам не по карману или не подлежало продаже – немедленно же промерялось и фотографировалось.

Пока один из нас, обыкновенно, я делал опрос, другой осматривал и промерял рога, шкуры, целых животных. Работа кипела, и ни минуты

не тратилось непроизводительно. Если мы приезжали в обед, т.е. в полдень, то, по возможности, немедленно же, закусив наскоро и узнав о расположении маральников, пускались в путь на местных лошадях, собрание же публики на беседу откладывалось до после возвращения, на вечер; тогда разговоры затягивались нередко до полночи и дольше. А.В., судя по обстоятельствам, или оставался дома для препаровки собранного материала, или же, если маральников было очень много, и они не очень удобно были расположены, брал на себя часть объезда. Объезд совершался всегда в сопровождении всех бывших на лицо хозяев; лишь крайне редко, по какой-нибудь неотложной причине, владелец маральника отказывался следовать в общей компании, послав за себя лицо, могущее на месте сообщить все необходимые сведения.

Опрос со статистическими целями касался следующих пунктов: чей маральник, в скольких верстах расположен, сколько маралов всего, отдельно быков и маток, если помнят то по возрасту, если нет, то сколько взрослых, годовиков и приплода 1897 года? Когда заведен маральник; где, когда и сколько зверей поймано; где, когда, сколько и почему зверей куплено; сколько из них издохло, народилось, сколько на лицо осталось? Сколько пар рог сняли нынче, сколько ещё ходит с рогами; когда пилили первые рога, большинство и последние. Весь рог, кому и почему продали? Сколько маралы съедают сена, овса и проч.? Как видно из этого перечня, вопросы располагались так, что одни ответы должны были контролировать другие, причём разные хозяева, друг друга нередко поправляли, если те забывали что-нибудь или сбивались в счёте, так что умышленного искажения числа животных вряд ли было много, тем более, что я предупреждал о том, что буду все маральники осматривать в натуре, и что иссле-

Частновладельческий маральник.

1. Площадь выпаса, разделенная на две части изгородью параллельно меньшей стороне маральника.
2. Станок.
- 3, 4, 5. Станковые пригоны.
6. Открылок.
7. Зимнее убежище.
8. Пригон для свалки сена.

дование наше имеет целью выяснить нужды мараловодства, а отнюдь не обложить маралов каким-нибудь сбором.

Осмотр в натуре имел целью ознакомиться с положением маральников, их размерами, способом водоснабжения, устройством изгороди, станков для спиливания рог, зимних помещений и т.п.; частью же имелось в виду проконтролировать показания хозяев о числе животных. Для определения площади маральника не оставалось ничего больше, как нарисовав от руки приблизительное очертание его, сосчитать число отдельных «звеньев», «прясел» или «колен» изгороди, имеющих в каждой местности более или менее определённые средние размеры; затем оставалось наложить стороны по масштабу с приблизительным соблюдением углов и вычислить площадь; способ, конечно, не точный, но единственно возможный при наших условиях, определить среднюю площадь, приходящуюся на одного марала. Надо, однако, сознаться, что этот перечёт звеньев вместе с бесчисленными промерами пант, было одним из занятий, доводивших подчас до иступления; но, как без того, так и без другого обойтись было нельзя. Если оказывалось, что у части маралов рога ещё не сняты, то мы просили при нас это сделать. Таким образом, удалось мне не только неоднократно присутствовать при этой операции, совершавшейся по разным способам – без станков и в станках, но и самому пилить рога для приобретения личного опыта и испытания степени пригодности разных типов пил для этой цели.

Таким образом, в конце концов, из 201 маральника, существовавших в 1897 году на Алтае и в смежных с ним частях Усть-Каменогорского уезда, Семипалатинской области, осмотрено нами 116, и опрошены хозяева 174 маральников, о прочих же 27 маральниках, имеющиеся у нас сведения доставлены только полицией и лесничим казённого Алтайского лесничества, Семипалатинской области. Детально промерено 97 пар маральных пант; сфотографировано и промерено 4 пары окостеневших маральных рог; добыто и привезено с собою 17 непарных и 9 пар парных маральных рог разных возрастов; 1 пара небольших пант, часть коих консервирована была на месте для изучения анатомического строения молодого рога; 14 сброшенных окостеневших пеньков и 4 образца пеньков с появившимися на них после спилки вторичными отростками; 11 маральных черепов разного пола и возраста; 5 маральных шкур, из коих 3 маралят; полный скелет старой маралухи; испражнения маралов, образцы повреждений ими деревьев и кустарников и небольшой гербарий избегаемых и любимых маралами растений. Кроме того, мне удалось произвести полные или частичные промеры восьми маралов, из коих четверых я мерил живыми, а троих – только что убитыми; эти же последние были мною вскрыты для изучения паразитов, при чем найдены весьма распространённые на Алтае глисты *Filaria cereina* Duj, по

местному – волос, в брюшной полости, между кишками, и *Strongylus hypostomus* Dies., – в слепой кишке (определение этих и других алтайских глист любезно принял на себя проф. Н.А. Холодковский, за что я считаю своим долгом выразить ему свою признательность). Кроме того, с маралов добыты не определённые ещё клещи.

Затем, касательно мараловодства, сделано около 100 фотографических снимков пант, сухих рог, отдельных животных и стад их, маральников, маральных станков и всей процедуры спиливания рог разными способами, заваривания и сушки их. Кроме этого, сфотографировано около 200 алтайских видов и сцен из нашей скитальческой жизни.

Кроме маралов, привезены 2 шкуры, 3 черепа, 28 пар рог с лобной костью и 6 одиночных рог сибирской косули – *Capreolus rufargus* Pall, рога тэка, или горного сибирского козла *Capra sibirica* Meyer и один маленький рог лося. Среди козлиных рог две пары (убитых близ Шебалиной) попались очень интересные, об 11 и 12 концах. Вскрывая годовалого дикого козла (*C. rufargus*), убитого близ д. Топучей (следующая станция к югу за Шебалиной по Онгудайскому тракту), я нашёл в кишках, во многих экземплярах, ленточную глисту, которая, по всей вероятности, по мнению Н.А. Холодковского, окажется новым видом (и будет тогда названа им *Taenia rufargi* g. sp.)

По отделу промысловой охоты привезены 18 шкурок мелких зверьков, 10 шкур сурочьих, 3 барсучьи, 3 кабаржиные и 6 козьих, выделанных и невыделанных в разное времени года, 2 ружья – кремниевое и фитильное, черкан и 2 маральных трубы для охоты на рёв.

Большая часть перечисленных предметов передана мною (купленные на казённый счет – с разрешения министерства) в охотничий кабинет Лесного Института. Кроме того, проф. Холодковскому передана для обработки небольшая коллекция глист, собранных с препарируемых млекопитающих и птиц, в количестве около двух десятков сборов.

В зоологический музей Императорской Академии Наук представлено мною: млекопитающих 10 шкурок, 5 черепов и 46 консервированных в формалине и спирту, в числе коих было 2 крота, 8 летучих мышей, 3 сурка, 1 объединённый наполовину цокор, 10 сеноставок (*Lagomys alpinus* Pall), обыкновенных и черных, 1 летяга, 1 горноста́й, 1 хорёк, а остальные грызуны бурундуки, белки, из них 2 чёрные, полёвки (*Microtus*) и емуранки, или эверсманновы суслики (*Spermophilus Eversmanni* Brandt). На емуранках мне удалось сделать интереснейшую находку – констатировать у них присутствие подкожных личинок оводов. Приехав в Шебалино, и отрядив мальчишек на ловлю емуранок, я получил на второй день целую партию их десятка в полтора штук. Осматривая их после умерщвления, к великому своему удивлению я прощупал на нескольких перекатывавшихся подкожные желваки, настолько выпуклые, что их можно было заметить глазом при наружном осмотре. На одном

из трёх экземпляров насчитывалось (больше всего на спине, но были и на боках, на шее и на ногах) целых 13 желваков! Взрезав один из них, я вынул оттуда крупную, белую личинку овода. Не имея возможности заняться исследованием этого интересного вопроса тотчас же, я передал Коновалову для сдирки шкурки и для сажания в формалин всех прочих емуранок, отложив в сторону имевших под кожей личинок. Но, от избытка усердия, он ободрал и тех. Прихожу и застаю его за последней штукой. А где же черви из под кожи? Да я их побросал! Куда побросал? Да под стол. У стола же, так как дело происходило на дворе под навесом, ходили куры и поклевывали всех личинок оводов. Тотчас же ловцы были отряжены снова, но ни на одном из вновь пойманных зверьков не было личинок. Оказалось, что я застал самый конец личинковой стадии оводов, так как все содранные шкурки были свищеваты, т.е. прободены покинувшими своих хозяев личинками. На основании приведённого факта, можно заключить, что явление это весьма обыкновенное в той местности. Утратив, в силу случайности, такой интересный объект, я мог надеяться только на одно – что Коновалов законсервировал случайно как раз емуранку с личинками, в чем можно было убедиться только в Петербурге, так как жестянки были уже запаяны. Но, как всегда в таких случаях бывает, личинок в них не оказалось.

Птиц в виде шкурки – 111 штук.

Земноводных и пресмыкающихся – десятка два экземпляров, в том числе несколько штук обыкновенной ящерицы – *Lacerta cisiraga*, не включенной в последний список алтайских животных А.М. Никольского.

Рыб – штук с полсотни из рр. Урсула, Катуня, Чуи и из Телецкого озера, из коих самой интересной является, конечно, телецкая сельдь – *Coregonus Smitti Warpach*.

Насекомых на вате – более 5000 штук.

Из прочих беспозвоночных – немного червей, моллюски, и несколько специальных сборов из алтайских озер, Рахмановского озера и из Рахмановских теплых ключей (мелкие *Dytiscidae*, кусающие принимавших ванну и потому называемые «блохами», улитки, личинки насекомых и т.п.).

Таковы добытые нами результаты. Конечно, при иных условиях не будь такой спешки и другого основного, подлежащего разрешению вопроса, как мараловодство, в такой чудной местности можно было бы собрать несравненно большее количества материалов, но мы сделали всё, что могли в нашем положении.

Перечислив все, что нами сделано, уместно будет помянуть добрым словом моего неутомимого помощника А.В. Серебряникова и выразить ему признательность за понесённые им труды в этой поездке. Без него я не только не успел бы отпрепарировать и законсервировать всего добытого зоологического материала, но вряд ли мог бы даже выполнить в полной мере и возложенное на меня поручение по исследованию мара-

ловодства, так как присутствие А.В. давало мне возможность всецело от-
даться этому вопросу, причём зачастую он помогал мне при производстве
промеров и осмотре маральников. Но если мы с А.В. работали с охотой,
интересуясь самим делом, то тем большее спасибо надо сказать неволь-
ному спутнику наших скитаний, в силу служебного долга мыкавшемуся
с нами по Алтаю, бийскому стражнику Коновалову, бывшему у нас и по-
варом, и ревностным хранителем всего нашего добра. Сдав весь караван
Коновалову, мы могли совершенно спокойно ехать на осмотр маральни-
ков или на экскурсию, зачастую по другой дороге, зная, что всё будет
цело.

II.

Мараловодство на Алтае

Что касается самой цели моей поездки, мараловодства, то, не вдаваясь
в неуместные здесь детали, я сообщу лишь следующие краткие выводы
из всего, что мне удалось видеть и узнать.

Мараловодство на Алтае зародилось на р. Бухтарме в дер. Фыкалке
в начале тридцатых годов. Дело началось с того, что некто Савелий Иг-
натъевич Ушаков, поймав живого марала бычка, держал его у себя в са-
дочке, т.е. в маральнике (на Бухтарме маральники именуются садами).
Бычка этого купил у Ушакова отец живущих и по сию пору в Фыкалке
мараловодов: Романа, Сидора и Афанасия Шарыповых – Авдей Парфё-

Спиливание рогов «валом»

нович Шарыпов, завёл свой маральник и стал пополнять его новыми, добываемыми на воле зверями. Взяв себе в жёны дочь Егора Васильевича Лубягина из д. Язевой, Шарыпов познакомил своего тестя с новым способом эксплуатации маралов, продал ему несколько зверей и положил, таким образом, начало мараловодству в д. Язевой. Такова заслуживающая наибольшего доверия версия о начале мараловодства на Алтае, переданная мне старичками Шарыповыми, согласующаяся с тем, что мне приходилось слышать и в д. Белой. Но право приоритета оспаривается в настоящее время у Шарыповых, Степаном Семёновичем Лубягиным, в пользу своего деда, упомянутого уже Егора Васильевича. По его словам, дед завёл маральник прежде всех, в 1835 году, в д. Язевой и, выдав дочь свою за Авдея Шарыпова, дал в приданое несколько зверей. Но первая версия мне кажется правдоподобнее в силу того, что в противном случае выпадает вполне определённая личность Ушакова; да к тому же личности старичков Шарыповых, мало заинтересованных в разыскании права приоритета на мараловодство и прямо признающих его за другим лицом, внушают значительно больше доверия, нежели развязный до нахальства и односторонне затронутый культурой молодой Лубягин, усвоивший себе витиевато-семинарскую речь и мнящий себя потомком первого мараловода. Конечно, я могу и ошибаться, но, во всяком случае, Шарыповы и Лубягины, по отзыву всех бухтарминцев, – самые старые фирмы мараловодов на Алтае, а не Черновы в Верхнем Уймоне, чего те и не отрицают. *(Что мараловодство зародилось в Фыкалке у Шарыповых, сообщал, не касаясь деталей вопроса, А.М. Никольский в 1882 году в работе «Путешествие в Алтайские горы»).*

Весь русский Алтай, с точки зрения мараловодства, можно разбить на следующие четыре района:

I. Южный или Бухтарминский – самый старый и обильный маральниками, обнимающий собою бассейн р. Бухтармы.

II. Центральный или Уймонский – второй по давности заведения маралов, обнимающий р. Коксу и часть р. Катуня в ее течении с запада на восток, до устья р. Аргута.

III. Северо-западный – занимающий систему рр. Чарыша, Ануя и левых притоков Катуня в ее течении на NNW, причем с. Онгудай, отделяемое от Уймона хребтами, пришлось отнести к этому району, а не к центральному.

IV. Северо-восточный или Улалинский, к которому отнесены все маральники, расположенные к востоку от рр. Катуня и Оби.

Данные о числе маральников, мараловодов и маралов по переписи 1897 года, равно как и о начале занятия мараловодством по десятилетиям, сведены в прилагаемой таблице по каждому району особо.

Районы	Годы начала мараловодства	Сколько открыто маральников за десятилетие						Сколько было в районах в 1897 году		
		1830-1839	1850-1859	1860-1869	1870-1879	1880-1889	1890-1897	Маральников	Мараловодов	Маралов
Южный	1835	1	1	4	6	53	43	115	163	<u>1854</u> 787
Центральный	1857	-	1	3	3	20	19	46	65	<u>741</u> 734
Северо-западный	1872	-	-	-	5	7	12	25	27	<u>417</u> 417
Северо-восточный	1880	-	-	-	-	9	5	15	17+4	<u>168</u> 163
	-	1	2	7	14	89	79	201	276	<u>3180</u> 3101

К этой таблице необходимы следующие пояснения: число маральников на Алтае в 1897 году, равное 201, превышает сумму маральников, возникавших по десятилетиям потому, что относительно 9 маральников неизвестно года их устройства. Число мараловодов превышает число маральников, потому что многие маральники имеют по несколько владельцев, и некоторые мараловоды держат зверей в чужих маральниках, не имея собственных. В графе о числе маралов приведены по две цифры в виде дроби, причем в числителе показано число маралов по собранным мною данным, а в знаменателе – по сообщённым полицией. Данные эти, во всяком случае, надо считать преуменьшенными, так как, кроме всего прочего, в них заведомо не вошли маралы бийского купца В.Г. Бодунова. *(При осмотре мною маральника В.Г. Бодунова, я никого там не застал, полицией же, по какой-то случайности, об этом единственном из всех алтайских маральников, сведений за 1897 год не было доставлено. По прежним же, бывшим в бийском полицейском управлении данным, у В.Г. Бодунова числилось в 1891 году 20 голов маралов).* Кроме того, ко времени опросов, не все маралухи ещё были отелившись.

Приведённая таблица лучше всякого описания рисует нам историю развития мараловодства на Алтае; зародившись в 30-х годах, оно развивалось довольно медленно до 80-х годов, когда, во второй половине десятилетия, бухтарминцы и уймонцы принялись деятельно хватать, т.е. ловить маралов и заводить новые маральники; с тех пор и до настоящего времени число маральников растёт и растёт, и, судя по настроению населения, эта отрасль хозяйства имеет все данные для прогрессивного развития в будущем, при условии, конечно, более рациональной постановки всего дела. Действительно, с одной стороны, мы видим, что 80-е годы ознаменовавшиеся энергичным ростом числа маральников, повели в то же время к полному почти ис-

чезновению диких маралов во многих районах Алтая, с другой же, собранные нами данные свидетельствуют о признаках вырождения, наступающего в случаях получения приплода в маральнике в нескольких поколениях от небольшого числа первоначально заведенных диких маралов. Прилив свежей крови поэтому необходим, в силу чего необходимо также и оградить источник получения таковой, т. е. диких маралов, от окончательного истребления. Из двух главных способов добычи маралов живыми – загонивание взрослых зимой по снегу, и добычи маралов в первые дни их жизни, несравненно губительнее оказывается первый, дающий огромный % убыли добытых животных, что и заставило меня рекомендовать, помимо воспреещения всякой охоты на маралов на Алтае, также и запрет ловли живыми взрослых маралов, допустив только разыскивание маралов в первые дни беспомощного их состояния после появления на свет. Такие маральята, при мало-мальски сносном уходе, вскармливаемые в первое время молоком, выживают отлично. При невозможности подбавлять в маральники вновь пойманных диких животных, следует, по временам, мараловедам разных районов, обмениваться своими маралами во избежание кровосмешения и т.п., вообще обратить большее внимание на правильную постановку получения приплода, о чем подробнее будет сказано в полном отчёте.

Второй по старшинству район мараловодства будет Центральный или Уймонский, причем наиболее известными мараловедами этого района являются двоюродные братья: Леон Родионович и Иван Афанасьевич Черновы, отцы которых завели маральник в Верхнем Уймоне в конце 50-х годов и деятельно пропагандировали эту отрасль животноводства (Право приоритета для Центрального района оспаривается у Черновых, однако, богатым мараловодом и торговцем Андреем Трифионовичем Ошлыковым, живущем в Нижнем Уймоне). Черновым обязаны своим происхождением большинство маральников центрального и даже северо-западного районов, так как их маральники играют роль как бы «торговых питомников», где большинство начинающих заниматься мараловодством приобретают бычков или маток за деньги или, что нередко бывает, в приданое за одной из многих родственниц Черновых. Последнее настолько вошло в обычай, что в 1897 году один из уймонцев сначала загородил себе маральник, а потом уже только начал свататься к Черновым.

Пионерами Северо-западного района в области мараловодства были три брата: Лазарь, Никифор и Ларион Фёдоровичи Фоминых, заведшие в 1872 году на р. Чарыш, близ деревни Талица, общий маральник. В настоящее время они в разделе, у каждого имеется свой собственный маральник, а у Лазаря Фоминых даже два; и они, не считая Попова в Шибалиной и Макарьева в Онгудае (т.к. маральники их лежат в стороне, на востоке района), являются самыми солидными и дельными мараловедами Северо-западного района.

Позже всего появились маральники на северо-востоке, всего лишь в 1880 году, (если только В. Бодунов, относительно которого у меня нет

никаких данных, не завел маральника раньше), причем большая часть их концентрируется уже в хорошо населённой местности, к северо-западу от Телецкого озера, в окрестностях Улалы, Тайной, Абабкова и проч. Наконец, в 1894 году, крестьянин С.Ф. Лапин завел маральник в селе Среднекрасиловском, Чумышской волости, Барнаульского округа, верст почти около 300 в стороне от всех прочих алтайских маральников. В Северо-восточном районе даже выработался особый тип посредников, закупающих маралов у инородцев, кочующих в черни на запад от Телецкого озера и продающих мараловодам Улалинского района, причём у некоторых из них имеются даже маральники для временного помещения в них перепродаваемых животных.

Маральники устраиваются или непосредственно вблизи поселка, окружая иногда последний как бы целым кольцом, в случае если их много, или же на некотором расстоянии от деревни, на каком-нибудь ручейке или речонке, т.е. в более удобном и спокойном для маралов месте. Если маральник недалеко от поселка, то большею частью довольствуются содержанием при нем сторожа или даже обходятся и без него; при более значительном расстоянии, доходящем иногда верст до 20 и даже более, устраивают при маральнике заимку, хотя владелец его может и не жить в ней. Чаще же маральники устраиваются при заимках, владельцы которых живут там особняком, не имея дома в деревне или селе.

Не перечисляя всех алтайских маральников, мы познакомимся здесь лишь с некоторыми данными о размерах их, о количестве маралов у одного лица и т.д.

Прежде всего остановимся на рассмотрении прилагаемой таблицы, в которой сведены данные о количестве маралов у одного владельца.

Число мараловодов, имеющих маралов

(В эту таблицу не вошли, по разным причинам, данные о числе маралов у 25 мараловодов)

Районы	1-9 голов	10-19 голов	20-29 голов	30-39 голов	40-49 голов	50-59 голов	60-69 голов	70-79 голов	80-89 голов	80-100 голов
Южный	105	21	14	4	5	3	-	-	1	1
Центральный	32	11	4	2	4	-	1	1	-	-
Северо-западный	12	9	1	2	1	1	1	-	-	-
Северо-восточный	7	4	2	1	-	-	-	-	-	-
	157	45	21	9	10	4	2	1	1	1

Оказывается, что преобладает мелкий промысел, так как из 251 владельца:

Менее 10 маралов имеется	у 157 лиц	или 62,5%
От 10 до 29 маралов имеется	у 66 лиц	или 26,3%
От 30 до 49 маралов имеется	у 19 лиц	или 7,6%
От 50 и выше маралов имеется	у 9 лиц	или 3,6%
	251	100

По площади преобладают также мелкие маральники, что видно из следующей таблицы, в которую вошли данные о 111 маральниках, площади которых возможно было определить (*Надо заметить, что огромное большинство крупных маральников вошло в эту ведомость, так что, если бы нам были известны площади всех алтайских маральников, то получилась бы ещё более благоприятное отношение в пользу преобладания маральников малых размеров*).

Площадь	Число маральников	%
Менее 5 десятин занимают	45	41,0
От 5 – 10 десятин занимают	27	24,1
От 10- 20 десятин занимают	24	21,4
От 20- 30 десятин занимают	7	6,3
От 30- 40 десятин занимают	3	2,7
От 40- 50 десятин занимают	3	2,7
Свыше 50 десятин занимают	2	1,8
	111	100

Кроме размеров самих маральников, важно также знать, какая площадь нужна по местным условиям для прокормления одного марала. Эти сведения можно получить в следующей табличке, составленной на основании данных о тех же 111 маральниках.

Менее 0,25 десятин на 1 голову марала приходится в 10 маральниках.
0,25–0,49 десятин на 1 голову марала приходится в 37 маральниках
0,5–0,74 десятин на 1 голову марала приходится в 25 маральниках.
0,75–0,99 десятин на 1 голову марала приходится в 15 маральниках.
1–1,49 десятин на 1 голову марала приходится в 15 маральниках.
1,5–1,99 десятин на 1 голову марала приходится в 6 маральниках
2–2,49 десятин на 1 голову марала приходится в 2 маральниках
Свыше 5 десятин на 1 голову марала приходится в 1 маральнике.

Принимая во внимание и расчёт разного рода соображения, которых мы здесь касаться не будем, можно принять, что на 1 марала в среднем потребно около $\frac{1}{2}$ десятины для прокормления его на подножном корму

Спиливание пантов с марала в станке

с ранней весны до Покрова (1 октября), когда большинство мараловодов начинают регулярно кормить своих животных запасённым на зиму сеном. Количество потребного для этого сена, овса, хлеба и соли, равно как и вообще все данные о стоимости содержания маралов и обзаведения маральником столь разнообразны и подчас неопределённые, что изложить их в сжатом виде, не входя в рассмотрение деталей, положительно немислимо, в силу чего мы этого вопроса в кратком отчёте касаться не будем.

Бесспорным является только тот факт, что промысел этот весьма выгоден, и что многие семьи, раздобыв когда-то каким-нибудь способом маралёночка или бычка, благодаря получавшейся ежегодно с его головы жатве, стали на ноги, не говоря уже про тех, кому удалось, не ограничившись одним маралом, завести их несколько. Случается, что один удачный бык даёт за всю свою жизнь своим хозяевам до 1000 и даже более рублей.

По собранным мною сведениям, маралы доживают в неволе до 18-20 лет и даже более, до 24 лет. Это самый старший возраст, о котором мне известно со слов самих мараловодов. Общей нормы вывести нельзя относительно возраста, с которого рога начинают идти на убыль – у одних быков они становятся хуже с 12-ти лет, у других с 15-ти или ещё этого старше; у некоторых убыль в рост и вес рог происходит по мере наступления старости постепенно, у других же почти сразу. У старого марала 23-х лет, зарезанного при мне и вскрытого мною, в 1896 году рога хотя и были уже плохи, без отростков, но все-таки весили сырые 14 фунтов; в следующем же году рога едва только тронулись в рост и вскоре же засохли, так что в августе на месте пеньков видны были только едва

заметные конусовидные возвышения. На успешность роста рог имеет непосредственное влияние количество и достоинство корма в зимнее и весеннее время.

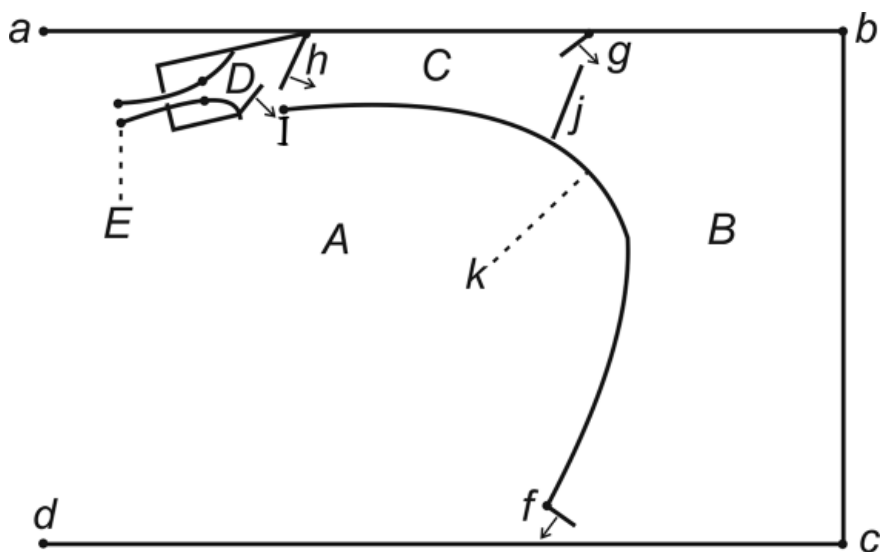
Маральники огораживаются изгородями различного типа, чаще же всего около 4–4½ аршина вышины и состоящими из 10 (9–12) горизонтальных жердей, 9-ти аршинной длины, скрепляемых в местах схождения концов жердей двух смежных звеньев двумя вертикальными кольями или пластинами. В Бухтарминском районе эти две вертикальные стойки заменяются толстым бревном или пластиной с дырками для концов горизонтальных жердей (экономия в толщине последних). Впрочем, в устройстве изгородей, т.е. высоте их, длине звеньев, укладке и т.п. наблюдается такое разнообразие, что мы вынуждены здесь ограничиться только что сказанным, дабы не войти в излишние подробности.

Внутри маральника, по возможности, входят единичные деревья, группы их, целые рощицы, или же даже большая часть маральника представляет из себя лесное насаждение. Наиболее безлесными являются маральники Бухтарминского района, расположенные на голых травянистых холмах долины р. Бухтармы и втекающих в нее речек.

В маральник обыкновенно включают часть ручейка или речки, а где это неудобно, проводят воду посредством канавок или арыков. В очень редких случаях, при содержании маралов на дворе при доме, им носят воду ведрами.

Затем, неизбежной принадлежностью маральника является приспособление для спилки рог, которое может быть двоякого рода, или в форме станка, или же в виде крытого или светлого дворика или пригончика, где рога снимаются без станка, валом, т.е. предварительно повалив животное на землю. В том и другом случае необходимо такое расположение изгородей внутри маральника, чтобы зверя можно было загнать в станок или дворик, причём надо заметить, что в этом отношении открывается широкий простор для изобретательности мараловода и приспособления к условиям каждого маральника. Это самая существенная часть маральника, от рационального устройства которой зависит целость животных. Действительно, маралы перед спилкой рог, предчувствуя беду, страшно беспокоятся и становятся подозрительными, при появлении людей стремглав несутся куда ни попало, почему, при неумелом гоне или неудачном расположении изгородей, звери часто калечатся, пробуя перескочить через внутренние загородки, и даже убиваются до смерти. Важно пригонные изгороди располагать так, чтобы животные легко входили внутрь ограды сами да притом шагом, а не бегом, для чего соответствующее огороженное пространство должно быть для них доступно круглый год, чтобы они к нему привыкли.

Для пояснения приведу схематический чертёж расположения станка для спилки рог довольно удачного типа.

Как видно из чертежа, в одном из концов маральника А, окруженного изгородью а b с d, отгорожена площадь В внутренним крылом изгороди k. Внутри В звери могут входить из А через дверцу f, открывающуюся в сторону В и в обыкновенное время совершенно открытую; противоположный конец крыла k, упирающийся в станок Е, постепенно приближается к изгороди а b настолько, что в конце концов, между последней и этим крылом остаётся узкий проход С и D.

Перед съёмкой рог маралов сперва заставляют войти в отделение В, что они делают весьма охотно, т.к. привыкли туда ходить по своей воле; затем загонщики идут следом за ними и запирают дверцы f, после чего, медленно подвигаясь, будто по какому-то постороннему делу, люди идут по отделению В, заставляя тем самым маралов подвигаться к С и заходить внутрь его через дверцу q; отделения С с задней перегородкой j и дверцей зачастую отсутствуют, и тогда звери прямо должны заходить в D, запираемое дверцей h. Но перегородка j с дверцей q весьма полезны потому, что если, подойдя к самому узкому пригончику D, один из зверей почему-либо испугается или не захочет войти и метнётся назад – всё стадо разом шархнет за ним, и тогда начнётся беспорядочная беготня и гонка по отделению В. Если же группа маралов вошла в С, можно их там запереть, не пуская даже других, дать им успокоиться, и понемногу по возможности даже по одному, впускать в отделение D, а затем и в станок. Тут важно, именно, разбить стадо на мелкие партии. Из D в большинстве маральников идёт только один выход – через станок Е (станок Е, отделение D, и часть крыла k, ограничивающего отделение С, видны хорошо на рисунке), почему в таких случаях, если в стаде загнаны в пригончик D

не одни рогатые самцы, а также маралушки или такие бычки, у которых рога уже сняты или не подлежат съёмке, этих животных приходится совершенно напрасно прогонять сквозь станок Е для того, чтобы выпустить на волю в маральник А, что всегда сопряжено с некоторым, а в данном случае и совершенно непроизводительным риском. Во избежание этого, в некоторых маральниках сбоку пригончика D, есть дверца i, через которую выпускаются ошибочно загнанные животные. Ещё лучше делают, конечно, те, у кого в пору съёмки рог маралушки ходят с прошлогодним приплодом в особых отделениях, а быки, над которыми операция съёмки рог уже произведена, не пускаются к прочим быкам, а присоединяются или к стаду маток, или же направляются тоже в особые отделения. Это собственно самое идеальное устройство маральника.

Сам станок для съёмки рог (чертеж в тексте – Е) состоит из четырёх толстых, плотно врытых в землю вертикальных столбов, из коих два входят внутрь отделения D, в то время как другие два вместе имеют с большей частью всего станка располагаются в отделении А свободно, вне пригончика D, как это видно на чертеже в тексте.

Между каждыми двумя столбами устраиваются из горизонтально располагаемых пластин или полустёсаных брёвен две вертикальные стенки, так что образуется нечто вроде узкого коридора, являющегося единственным выходом из отделения D. Дном или полом этого коридора служит земля, несколько углублённая по сравнению с общим уровнем той площади, на которой устроен станок, а сами горизонтальные бревна располагаются на таком расстоянии друг от друга, чтобы между самыми верхними из них могла пройти только шея марала, а между всеми прочими, туловище его. Не видя иного выхода, как только через станок, марал входит в него, причём поневоле ему приходится бежать, так что голова его будет находиться над станком. Как только марал добежит до половины станка, он наткнется на поперечные перекладины или спицы, из коих одна находится наверху и приходится зверю под горлом, а другая пониже, на высоте груди. Для того, чтобы животное не разбилось об эти перекладины, на них кладётся кошма; кроме того, и люди стараются в этот момент схватить марала за рога и за голову, после чего закладывают ещё несколько поперечных спиц, (одну сзади животного, а две или три под брюхом), проходящих через обе стенки станка и препятствующих животному сильно биться в нем. Во время спиливания рог, марала либо держат за голову, либо же привязывают для большей устойчивости ремнями к станку, обхватывая ими пеньки рог под розеткой. Пилят рога простой ножовкой или столярной пилой в рамке, причём устройство пилы имеет несомненное влияние на степень испытываемых животным страданий, и вопрос о системе пил, употребляемых для срезки, должен быть урегулирован. Места среза рог затираются на остающихся на голове пеньках влажной землёй для остановки кровотечения, с каковой целью

употребляется, кроме этого, ещё целый ряд других средств. Количество вытекающей на срезе крови, при одинаковом возрасте рога, всецело зависит от правильности расположения крыльев загона и ведения самого заганивания животных; мне самому приходилось видеть, как на срезах рога у правильно загнанных животных кровь едва-едва только показывалась, в то время как у сильно разгорячённых она была из крупных сосудов целыми фонтанчиками.

Если снимают рога без станка, то, загнав марала в особый пригончик, который бывает или открытым сверху, или же с потолком из жердей, чтобы животные меньше бились в темноте, ему захлестывают петли из длинных волосяных верёвок на все четыре ноги, затем тащат верёвки от передних ног назад, а от задних вперёд, отчего зверь сперва падает на колени, а потом и на бок. Как только удалось повалить марала, так тотчас же его растягивают на земле, вытянув передние ноги вперёд, а задние назад; на шею кладется доска с подложенной под неё кошмой, двое придерживают эту доску, третий держит зверя за голову, а четвертый пилит рога. Процедура спиливания рога по этому способу несравненно продолжительнее, нежели в станке; животные разгорячаются и теряют массу крови, которая бьёт в три ручья, в силу чего необходимо, по моему мнению, завести станки во всех маральниках. К сожалению, весь южный, самый главный район мараловодства обходится без станков. Некоторые мараловоды боятся в станках покалечить зверей, но это совершенно неосновательно; необходимо только устроить их правильно, с соблюдением надлежащих пропорций в разных частях и, кроме того, рациональнее располагать крылья загона. Иногда загон до того упрощают, что ограничиваются лишь частью крыла К (см. чертёж), которое свободно оканчивается внутри маральника, в то время как в узком конце воронки устраивается пригончик D.

Спиленные рога вешаются за отростки концами вниз, а срезами вверх и потом завариваются в кипящей соленой воде, к которой часто прибавляют вяжущих сухих листьев алтайского растения бадана (*Saxifraga crassifolia*), или же даже кирпичного чаю. Заваренные рога сушатся на вольном воздухе, в тени, под навесом, а в случае долгого ненастья – в истопленной бане. Подробностей о заварке и сушке рога мы здесь касаться не будем, скажем же только, что после сушки рога теряют около $1/2 - 2/3$ своего веса.

Спилка рога в 1897 году происходила с первых чисел июня (самая ранняя 31 мая) по конец июля (25 июля в одном маральнике ещё не были срезаны рога), причем можно принять, что главная масса рога была снята во второй половине июня; в первой половине этого месяца операции подвергались лишь более старые быки, у которых рога спадают и развиваются раньше, чем у молодых, на июль же оставались с рогами в большинстве случаев только 2-х летки, у которых рога снимаются всего в первый раз, и самое большее, что 3-х летки. В общем, в Бухтарминском районе рога снимаются несколько позже, чем в Центральном; быть может этим

и объясняется, почему в 1897 году почти по всему южному району панты были проданы по 6 р. 25 коп. – 6 р. 50 коп. за фунт, в то время как в центральном районе ранее снятые и потому лучшего сорта – по 7 рублей.

В 1897 году, по данным таможенного ведомства, с Алтая вывезено в Китай 180 пудов сухого рога на сумму около 50 000 рублей, считая в среднем почти по 7 р. за фунт по бывшим в тот год ценам. Цены, доходившие в конце 80-х годов до 10-12 рублей за фунт, в 1889 году равнялись 8 рублям, а в 1890 упали даже до 5 рублей, на каковой высоте держались до 1894 года. Затем цена стала с каждым годом постепенно повышаться, и в 1897 году в среднем около 7 рублей за фунт сухого рога.

Что касается стоимости живых маралов, то, по собранным мною сведениям, цена на них сильно варьирует в зависимости от разных условий, как-то: пола и возраста животных, от того покупается ли дикое, пойманное на воле животное или из маральника, а также приобретаются ли маралы из первых рук от калмыков, перекупщиков или от ближних родственников. Не вдаваясь в подробности этого вопроса, а тем более, в какие бы то ни было обобщения, приведу лишь те цены, по которым состоялись некоторые, известные мне покупки домашних, родившихся в неволе маралов за последние три (1895-97 г.) года.

Пол	Возраст	Цена в рублях	У кого куплены
Самец	5-10 лет	130	У Матвеева в Котонде
Самец	2 года	100	У Нагибина в Терехте
Самец	1 год	50	У Коновалова в Язевой
Самка	Взрослая	100	У Чернова Леона в Верх. Уймоне
Самка	Взрослая	75	У Нагибина в Терехте.
Самка	2 года	57	У Зайцева в Белой
Самка	2 года	40	У Зайцева в Белой
Самка	1 год	50	У Чернова Леона в Верхн. Уймоне
Самка	1 год	30	У Зырянова в Белой
Самка	9 месяцев	45	У Чернова Ивана в Верхн. Уймоне
Самка	2 месяца	26	У Никулина Фомы в Язевой

Посетив в Улале старого мараловода Михаила Матвеевича Бодунова, решившего, по случаю болезни, прекратить занятие мараловодством, я узнал, что он крайней ценой считает гуртом быков по 100 рублей, маток по 50, и телят приплода 1897 года по 20 рублей за голову.

Для успешного процветания и развития этой ценной отрасли животноводства на Алтае и для того, чтобы население могло полнее воспользоваться плодами своих трудов, необходима наличность следующих трёх условий:

с. Катанда 1987 г. В 1917 г. здесь три мараловода: С.С. Болтовский (6 сыновей), К.Г. Буньков (5 сыновей), Ф.Н. Никитин (3 сына)

1. Сохранении на Алтае маралов в диком состоянии, как источника для прилива свежей крови к содержимым в маральниках животным.

2. Организации постоянных наблюдений и опытов в области техники мараловодства достаточно подготовленными для того лицами, на обязанности которых должно лежать ознакомление мараловодов с более рациональными приёмами, подача технических советов, равно как и ограждение их интересов.

3. Урегулирования торговли пантами.

Что касается первого из этих основных требований, т.е. необходимости сохранить на Алтае маралов в диком состоянии, то оно настолько, мне кажется, очевидно, что всякие доказательства в пользу его излишни. Мало того, необходимость оградить марала от окончательного истребления настолько сознается самим населением, как русским, так и инородческим, что им самим делались даже попытки к урегулированию охоты за этим животным. Во время многочисленных разговоров на эту тему, я вынес убеждение, что русское население Горного Алтая вполне признает целесообразность запрета всякой охоты за маралами ради пант. Алтайцы, живущие в западной части Алтая, прежде, когда маралов было много, давали русским двухрублёвые билеты на право охоты за ними на их землях, но теперь таких билетов больше не выдают. Но самым интересным фактом является, без сомнения, следующую

щий. Большая часть местных инородцев (кроме 1-й алтайской дючины и четырёх черневых волостей) согласились и составили такого рода приговор (в 1893 или 1894 году), чтобы маралух совсем не бить, а за маралами охотиться только во время пантовки, т.е. в первой половине лета, в рёв же и маралов тоже не трогать.

Почва, таким образом, была вполне подготовлена для того, чтобы урегулировать вопрос об охоте на маралов административною властью. Осенью же 1897 года, на основании произведённых мною летних исследований, выяснивших истинное положение вопроса о возможности окончательного исчезновения маралов на Алтае в весьма недалёком будущем, если только охота на них не будет воспрещена, начальником алтайского округа, генерал-майором Болдыревым, было сделано представление в Кабинет Его Величества о разрешении воспретить всякую охоту на взрослых маралов в пределах округа, предоставив населению ловлю молодых в определяемые главным управлением округа сроки. Представление это удостоилось, по всеподданнейшему докладу министра Императорского Двора, 16 апреля 1898 года Высочайшего Соизволения, так что первое из основных условий для дальнейшего развития мараловодства на Алтае имеется налицо.

Второе условие – необходимость производства постоянных наблюдений и опытов в области техники мараловодства, тоже вряд ли требует особенных доказательств: действительно, в деле содержания маралов в неволе имеется столько ещё невыясненного в области кормления их, подбора производителей и содержания стада в рёв, ограждения от разных болезней, наилучшего способа съёмки рог и заживления среза и т.п., что без помощи интеллигентных сил самих мараловодов, конечно, никогда не разобраться в целом ряде непонятных для них явлений.

Многое мне рассказывали мараловоды о разных болезнях, которым подвергаются маралы в неволе, но что это за болезни, конечно, не видя, сказать трудно. Эмпирически дознано, что при лучшей зимней пище рога вырастают крупнее, но выработать норму наивыгоднейшего кормления, без специальных систематических опытов, конечно, невозможно. Даже в такой, наиболее самим мараловодам доступной области, как устройство правильных загонов и удобных станков, и то они ощущают потребность в указаниях лиц, знакомых со всеми известными на Алтае типами и приёмами, так как в одном месте одно делается хорошо, в другом – другое; самим же мараловодам не везде доводится бывать и лично видеть более совершенные типы и приёмы. Осуществить подобного рода исследования и работы легче всего путём заведения Кабинетом Его Величества собственного опытного маральника, содержание которого будет в значительной мере окупаться выручкой за панты. Лица, кои будут вести проектируемые исследования, должны будут исполнять также роль инструкторов в области мараловодства и, кроме того, на них же должна

лежать обязанность надзора за исполнением мараловодами правил, которые необходимо выработать для ограждения маралов при съёмке рог от излишних мучений.

Третья же мера, которую необходимо предпринять в интересах всех, а в особенности беднейших мараловодов, это урегулирование сбыта пант в Китай без посредства скупщиков-монополистов, наживающих большие суммы за этого рода товар, но спускающих цены на Алтае до минимума. Эти торговцы-монополисты держат всю торговлю на Алтае в своих руках при помощи целой армии агентов-скупщиков различных степеней, так что бороться с этим злом довольно трудно. Этот порядок пустил на Алтае такие глубокие корни и возведен в такую стройную систему, доведённую до стачки с китайскими торговыми фирмами в городе Кобдо включительно, что отдельные попытки некоторых мараловодов завести непосредственные сношения с китайцами в г. Кобдо для сбыта пант, кончались неудачей; китайские фирмы, столкнувшиеся с русскими крупными торговцами, от посторонних пант не брали.

Конечно, организация сбыта пант из первых рук китайцами помимо скупщиков – дело довольно трудное, но надо надеяться, что Кабинет Его Величества, столь чутко отзывающийся на нужды местного населения, и в этом вопросе примет инициативу на себя. Оказать помощь мелким мараловодам, бессильным в борьбе со скупщиками-капиталистами, лучше всего в форме организации приемки пант Кабинетом от желающих участвовать в предприятии и отправки их в сопровождении доверенного лица и нескольких человек, избранных из среды самих мараловодов в город Кобдо; но затем вся выручка может быть развёрстана пропорционально размерам участия каждого мараловода, с отчислением, если нужно, известного % в пользу Кабинета на административные расходы. Для начала, в первые год или два, придётся только, в виду неизбежности стачки между прежними русскими скупщиками и китайскими фирмами в Кобдо, затратить некоторую сумму на расчет за рога с мараловодами наличными, потому что, по всей вероятности, первая партия останется не сбытою, а выжидать денег целый год небогатым мараловодам невозможно. Если же сразу поставить дело на широкую ногу, объявить заблаговременно, что в нынешнем году Кабинет будет скупать рога в таких-то местах и по такой-то цене, подробно объяснив мотивы и организацию будущего предприятия, то весьма возможно, что и в первый же год большая часть рог попадёт в руки Кабинета, и стачка может не удалась, так как панты китайцам всё-таки необходимы. Принятие Кабинетом участия в скупке и отправке пант в Кобдо или хотя бы только принятие всего этого дела под свое покровительство является вожделенным желанием большинства мараловодов как уймонского, так в особенности бухтарминского районов.

Затем имеется ещё целый ряд нужд, носящих, однако, более местный по отношению ко всему Алтаю характер, в силу чего в этом кратком отчёте мы их касаться не будем.

От редактора

Данная статья А.А. Силантьева перепечатана нами с оригинала, изданного в Санкт-Петербурге типографией Сибирского градоначальства в 1900 году. Текст статьи не отличается от вышедшей под этим же названием публикации в журнале «Сельское хозяйство и лесоводство», № 4 за 1900 г., который печатался в этой же типографии. Мы опустили имеющиеся в оригинале рисунки и фотографии из-за их низкого качества. Это не особенно помешает общему восприятию материала. Мы также отказались и от полного копирования старой орфографии текста, так как это практически не сказалось на содержании материала.

КУЗНЕЦОВ
Алексей Кириллович
(1845-1928 гг.)

Алексей Кириллович Кузнецов родился 13 февраля 1845 года в богатой купеческой семье г. Херсона. Учился очень успешно в уездном училище, затем Московском коммерческом училище. В 1865 году он поступил в Московскую сельскохозяйственную и лесную академию. В декабре 1869 года Алексей Кириллович работал над диссертацией, но попал под влияние революционера-анархиста С.Г. Нечаева. Уже в январе 1870 года А.К. Кузнецов был арестован, и в июле 1871 года сослан на 10 лет каторжных работ и вечное поселение в Сибирь. В 1873 году он был определён на поселение в Кару, где пробыл шесть лет, проявив себя как талантливый организатор, агроном и педагог.

Получив разрешение поселиться в г. Нерченске, он помог создать золотопромышленнику М.Д. Бутину образцовую сельскохозяйственную ферму, а затем создал свою частную фотоаудиографию и в рамках краеведческой деятельности выпустил 11 фотоальбомов по Забайкалью.

В 1886 году Алексей Кириллович основал Нерченский музей. В 1889 году А.К. Кузнецов был восстановлен в правах и получил разрешение переехать в Читу, где в 1894 году вместе с врачом Н.В. Кирилловым основал Приамурское отделение ИРГО, а в 1895 году открыл музей и стал его директором.

В 1899 году он опубликовал работы «Изюбриный промысел и разведение изюбрей в Забайкальской области» и «Исторический очерк пчеловодства в связи с судьбой его в Сибири и Забайкалье». За участие в революционном движении 1905 года был в феврале 1906 года арестован и приговорён военным судом к смертной казни через повешение, но по ходатайству Академии наук и Географического общества казнь заменили на 10-летнюю каторгу в Якутии. Там он создал школу для детей, устроил музей и библиотеку.

В 1913 году вернулся в Читу и вновь возглавил музей, который в 1921 году при его жизни получил имя А.К. Кузнецова. Был на хорошем счету как талантливый краевед и организатор в правительстве ДВР. Умер в Москве 12 ноября 1928 года и похоронен на Новодевичьем кладбище.

Изюбредство в Забайкалье было начато старообрядцами в 1843 году, несколько позже, чем на Алтае, имело свою специфику развития и исчезло в начале XX века по стечению обстоятельств, но не по объективным причинам.

Статья А.К. Кузнецова является фактически единственной основательной работой по изюбредству и очень хорошо дополняет общую историю появления пантового оленеводства в России.

В 2015 году А.К. Кузнецову исполнилось 170 лет со дня рождения.

ИЗЮБРИНЫЙ ПРОМЫСЕЛ И РАЗВЕДЕНИЕ ИЗЮБРЕЙ В ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

I.

Изюбрь

В Забайкалье и в большей части восточной Сибири водится олень, близкий к благородному (*Cervus Elaphus L.*), который называется здесь изюбрем. Почти одинаковый с ним олень в западной Сибири носит название «марал» (*Cervus elaphus maral Ogilby*), а в Минусинском округе – «сын». По-монгольски изюбрь-самец называется «буго», матка – «торок», у тунгусов на Амуре – «кумака».

Изюбрь принадлежит к животным копытным (*Ungulata*), к отряду жвачных (*Ruminantia*), к семейству оленей (*Cervidae*).

Составляет ли изюбрь Забайкалья вместе с маралом западной Сибири особый вид оленя, или это только разновидность благородного оленя, – остаётся вопросом, который предстоит разрешить на основании более точных исследований.

Пока можно только сказать, что изюбрь отличается от благородного оленя большим ростом и большими рогами, более коротким хвостом, более темной окраской шерсти летом и более светлой зимою. В Забайкалье охотники и изюбредоводы различают две разновидности: одни изюбри с более светлой шерстью, тоньше, выше на ногах, другие – более тёмные, плотнее и ниже на 9-13 см.; последние имеют большую цену, так как панты их достигают наибольшего веса. Разницу рогов двух разновидностей можно, по всей вероятности, объяснить наблюдениями Радде (*Gustav von Radde, Reisen im Süden von Ost-Sibirien in den Jahren 1855-1859. Сиб. 1862-1863 т. 1*), сделанными в Восточных Саянах: «Относительно рогов можно считать за правило, и довольно верное, что изюбри высоких гор носят рога короткие, приниженные, но зато более сильные, чем у изюбрей равнинных».

Мне не удалось измерить живого изюбря, и я ограничился лишь измерением 25 сухих бычьих шкур и 18 шкур маток, давшим следующие средние сведения: шкура быка имеет до плеча 166 см, с шеей 187 см; наибольшая до плеча 183 см, с шеей 214 см; наименьшая до плеча 134 см, с шеей 169 см; шкура матки до плеча 120 см, с шеей 151 см, наибольшая до плеча 134 см, с шеей 156 см, наименьшая до плеча 111 см, с шеей 142 см. Из семи измерений сухих рогов изюбря о 5 и 6 концах, в среднем, длина по сгибу оказалась равной 96 см; наибольшее, из измеренных рогов длиною 112 см, наименьшие 80 см, Размеры эти несколько больше, чем у благородного оленя, но меньше, нежели у марала.

Изюбрь водится по всему Забайкалью в лесистых хребтах, в особенности в верхнем течении Ингоды, Хилка и Чикоя, в Алэнгуйском хребте, по Шилке, Онону, в Баргузинской тайге, и горах Прибайкалья. В безлесных горах, как например, в Адук-Челоне, он не встречается, а в обширные степные пространства спускается лишь в исключительных случаях.

По показаниям зверопромышленников, говорит Маак (Р. Маак. Путешествие на Амур в 1855 г., «Обзор животных» стр. 111, СПб. 1859 г.) настоящий олень нередко попадает около Байкала, особенно на юго-западном берегу. По мере приближения к северу число этих зверей заметно уменьшается, хотя они, впрочем, ещё встречаются около истоков Лены; но на верхнем её течении попадают уже весьма редко.

На Шилке и на верхнем Амуре настоящий олень попадает нередко, и местные казаки и тунгусы добывают его на многочисленных в тех местах солончаках. Это одна из самых трудных, но зато и выгодных охот, потому что за рога, снятые с зверей, убитых весною, когда они ещё мягки и богаты кровеносными сосудами, китайцы платят от 100 до 200 рублей ассигнациями за пару.

Чем далее вниз по Амuru, в особенности же на пространстве от Хинганского хребта до устья р. Усури и верст на 200 ниже его, тем чаще попадаются следы этих животных, водящихся большими стадами в горах и преимущественно около находящихся по обоим сторонам Амuru озер и заливов. Тысячи следов покрывали здесь глинистые, поросшие низкой травой берега, и во время течи в продолжение всей ночи и утром нам слышались вызывающие на бой крики самцов. Число оленей быстро уменьшается по мере приближения к устью реки Гирина, и окрестности этого устья можно считать восточной границей их распространения».

На Сахалине, фауна которого вообще бедна сравнительно с соседним материком, нет ни одного из тех видов оленя, кроме северного, которые свойственны материковому берегу в тех же широтах. (Никольский А. Природа острова Сахалина. Труды общества Естествоиспытателей, т. XX, вып. 5, стр. 8-22, СПб. 1889 г.)

Кроме указанных мест, изюбрь-марал водится на Алтае, в верховьях Енисея до Красноярска, по лесистым предгорьям Саянских гор, на Тянь-Шане, на Семиреченском и Занлийском Алатау, в горах вокруг Иссык-Куля и на Нарыне; на запад изредка доходит до водораздела между бассейном Тобола и р.р. Тургея и Сарысу. По указаниям Г. Раддо, изюбри поднимаются до высших пределов лесного пояса и даже иногда заходят до глетчеров Мунко-Сардыка.

Изюбрь или «зверь», как его называют иногда местные жители, одно из красивейших животных здешнего края; фигура и поступь вполне заслуживают названия «благородный». Не только зоологи и охотники восторгаются красотой этого животного, но и простой зверовщик рассказы-

вает о нем легенды; буряты и монголы создают игры и сказки («Богу-Надон», «Облавы на изюбрей». Записки Читинского отделения В. П. стр. 49.), связанные с его именем, а шаман вводит изображение изюбря в число принадлежностей своего культа. Вот, например, одна из легенд зверовщиков долины р. Ингоды. При сотворении мира изюбрю дано было четыре глаза. Зрение, благодаря этому, у него было чрезвычайно острое и ничто не ускользало от него. Изюбрь возгордился и начинал хвастать, что ни один зверовщик его не достигнет (не «скрадёт»); в наказание за похвальбу, Бог отнял у него пару глаз, следы от которых остались в виде чёрных пятен под глазами. Эта легенда заимствована от инородцев, и есть вариант легенды, сообщённой Черкасовым в его «Записках охотника восточной Сибири». Приведём ещё рассказываемое бурятами предание, что при сотворении мира изюбрю было дано Богом 1000 лет жизни, но затем, когда всё на земле измельчало и испортилось, продолжительность жизни его, равно как и других животных, сильно сократилась.

Известный охотник Забайкалья, покойный Черкасов, так описывает это чудное животное. «При первом же взгляде на изюбря является чрезвычайно приятное впечатление, которое, конечно, глубоко врежется в памяти страстного охотника и не расстается с ним до конца жизни. Его величавый, стройный, тонкий стан, его гибкие, мускулистые члены, красивенькая головка с живыми, блестящими чёрными глазами, опущёнными длинными, такого же цвета, ресницами, и увенчанная ветвистыми рогами, его быстрый, пронизательный, гордый взгляд, наконец, его свободные, лёгкие движения поневоле заставят обратить на него внимание самого холодного человека и увлечься красотой этого зверя. Изюбрица далеко не представляет того эффекта, как самец; у неё не достаёт к чудной картине красивых, ветвистых рогов и как-то нет той бодрости и энергии, которые так резко бросаются в глаза при взгляде на самца. Изюбрь строен, статен, высок ростом, имеет пропорциональную величине своей шею и маленькую красивую головку, напоминающую голову кровной арабской лошади. Конец морды у изюбря бывает всегда чёрный с длинными же усами. Ноги его тонки, длинны, красивы и крепки. Бока изюбря как-то вздуты, или, как говорят, у него ребра бочковаты, а по выражению сибиряков «зверь вздушистый». Уши изюбря довольно большие, острые, похожие на конские. Хвоста у него нет, а назад, как у дикой козы, свешивается только кисть волос со спины и прикрывает задний проход. Точно такая же кисть закрывает у самки детородный её член петлю».

Зимой изюбрь имеет довольно длинную жёсткую шерсть серовато-бурого цвета, как у дикой козули, а зад (зеркало) совершенно белый, как снег. Летом же изюбрь носит менее длинную лоснящуюся шерсть серовато-красноватого цвета, а зеркало красноватое; по выражению здешних промышленников, бывает калюной масти, как калюный конь.

Об образе жизни изюбря на воле в этой главе мы говорить не будем; интересные нас факты из этой жизни изложены в двух следующих главах.

II.

Охота на изюбрей

Изюбрь очень осторожен, обладает чрезвычайно чутким ухом и острым зрением, а потому охота на него довольно затруднительная и сложная. По Ингоде, Чикюю и Аленгую существуют следующие способы охоты: на солонцах, охота с трубой и охота с собакой. Кроме того, особенно в прежнее время, изюбрей добывали с помощью настораживания ружей или луков и ловили в ямы.

Солонцы устраиваются следующим образом. На каком-нибудь излюбленном изюбрыми месте, на протяжении 1 арш. в длину и $\frac{1}{2}$ арш. в ширину, снимается дерн, и заострённой палкой делаются в земле ямки вершка на 2 одна от другой в 3 ряда, $\frac{1}{4}$ арш. глубиной. В ямки наливают крепкий горячий соляной раствор или раствор гуджира, заравнивают их и сверху присыпают землю солью или гуджиром. Солонец делается поперёк тропы, по которой в данном месте проходят обыкновенно изюбри. Саженьях в восьми устраивается «сидьба», т.е. вырывается яма; дно делается с уступом, чтобы было удобнее сидеть. Перед ямой, по направлению к солонцу, ставят козелки, на которые кладут слегги. Далее впереди ставят такие же козелки, тоже со слеггой.

В слеге на ближайших к яме козелках делается выемка для ружья, которое кладётся в неё близ замка. На передней слеге тоже выемка, более широкая, чтобы можно было несколько поворачивать ружье в стороны. Ружье нацеливается на верхушку тонкого прутика, в который воткнут цветок; прутик втыкается в землю около самого солонца так, чтобы цель как раз соответствовала ребрам изюбря, нагнувшегося полакомиться соленой землёй. Иногда за солонцом втыкают белую березу, а конец ружья обвязывают белой тряпкой. На солонец изюбри ходят преимущественно в очень тёмные ночи; поэтому охотник может разобрать перед собой только тёмную массу его туши и слышать чавкание. На сидьбе все так устроено, что даже в совершенно тёмную ночь охотнику стоит, заметив изюбря на солонце, только спустить курок, чтобы убить зверя. Осторожность изюбря проявляется и здесь; охотники говорят, что если прутик, служащий для прицела, недостаточно тонок, изюбрь заметит его и не подойдёт к солонцу.

Малейший шорох, произведённый охотником, пугает зверя. Говорят, что на солонцах кладут иногда для изюбрей отраву, но многие отрицают это.

Сидьба, требующая присутствия зверовщика, заменяется настораживанием ружья или лука. Иногда зверовщики, чтобы самим не бодрство-

вать на солонцах, настораживают ружье и, отойдя недалеко, спят себе спокойно, пока не разбудит их выстрел. В последнее время настораживание ружей и луков запрещено лесными правилами, изданными в 1893 году для Приамурского края, но и раньше оно уже начало выходить из употребления, между прочим, потому, что часто вместо дикого зверя под выстрел попадало домашнее животное, а иногда даже и люди.

Ружья настораживают на солонцах и на тропах, ведущих к ним, или вообще к часто посещаемым излюбляемым местам. На солонцах, в расстоянии 3–5 саженой, а на тропах саженой в 12 в сторону, в землю вбивается два кола, расщепленные сверху. В расщепках укрепляется ружье, направленное поперёк тропы, по которой зверь может подойти к солонцу. Спуск ружья туго притягивается назад бечёвкой и взведённый курок сам собою падает.

Ниже и немного позади курка с правой стороны вбивается гвоздик, служащий точкой опоры для рычага (брыкала), упирающегося в гвоздь снизу плечиком; отдельная петля надевается на зарубку брыкала и на конец курка; другой, передний конец брыкала, притягивается вверх к стволу и придерживается волосяным хомутиком, т.е. связанною концами волосяной бечёвкой, надетой на ствол. Длина брыкала, хомутика и петли соразмеряется так, чтобы, когда конец брыкала положен в хомутик, курок удерживался в взведённом положении. К хомутику привязывается «симка» (нитка из чёрного волоса), другой конец которой прикреплен к колу, вбитому на противоположной стороне солонца или тропы. Ружье нацеливается на прутик, втыкаемый на солонце, для зверя на высоту последнего ребра человека, следовательно, и колья для ружья вбиваются соответственной высоты. Симка не натягивается туго, а оставляется для изюбря «напуск» в 8–10 вершков, в видах того, чтобы зверь успел пройти за линию полета пули прежде, чем симка сдернет хомутик и произойдёт выстрел; тогда пуля попадёт изюбрю позади плеча. Симка должна висеть на половине расстояния между полётом пули и землёй. Колья вбиваются на таком расстоянии друг от друга, чтобы один приходился немного впереди переднего конца брыкала, другой вершках в двух от конца дула. Симка протягивается под дулом ружья в расщепы кольев, и чтобы она не зажималась в них, под неё кладут распорки.

При настораживании употребляются следующие предосторожности: симка натирается лиственничной хвоей, богородской травой или полынью, чтобы не пахло человеком; когда настораживается кремневое ружье, то над курком и полкой укрепляется «защита», т.е. кусок бересты, для предохранения от росы и дождя.

Луки настораживают в таких же местах, как и ружья. Иногда ставится несколько луков, в промежутках устраивается городьба. Нацеливается лук также, как ружье, причем принимаются те же меры предосторожности; симка же протягивается на меньшее расстояние в виду меньшей

силы лука. Ложе, на которое кладётся стрела, укрепляется в расщеп одного или двух колец.

Нужно заметить, что при настораживании ружей так же, как и при охоте с сидьбой, пользуются не только искусственно приготовленными солонцами, но и естественными, то есть солончаковыми, гуджирными местами, которые охотно посещаются изюбрями.

Охота с трубой. В сентябре месяце, во время гоньбы, изюбря подманивают на трубу. Трубы употребляют двоякого рода. Одна, длиною в 1 аршин, имеет форму сигар, делается из сосны и составляется из двух продольных половинок, которые склеиваются и иногда обматываются берестой. На более узком конце трубы укрепляется роговой мундштук, в который и кричат, втягивая воздух в себя. Другая труба, в $\frac{3}{4}$ арш. длины и более широкая, без мундштука, делается также из самой звонкой сосны и, как первая, обматывается берестой. В эту трубу просто кричат, подражая своим криком реву изюбря и только усиливая звук с помощью трубы. Изредка делают трубы и из одной бересты, но они издадут плохие глухие звуки.

Охотник с трубой обыкновенно взбирается на высокий гребень или бугор, кричит несколько раз с промежутками около $\frac{1}{2}$ часа и каждый раз прислушивается: рёв этот слышен почти до 5 вёрст. Самец изюбря, услышав такой рёв, откликается и идёт на него, и иногда в сильном возбуждении набегаёт на охотника. Случается, что бык приводит с собой одну или несколько маток. Иной раз происходят и такие случаи: зверовщик, слышав рёв изюбря, идёт на него и вместо зверя находит другого охотника с трубой.

При такой охоте с трубой иногда берут с собой и собаку, которая гонит подманенного, но не подошедшего почему-либо близко к охотнику зверя.

Охота с собакой требует от зверовщика много ловкости и энергии в преследовании добычи, сильно завлекает его, а потому и представляет более интереса, чем вышеописанные способы охоты.

Собаки для этой охоты выбираются из крупных монгольских, мелких Забайкальских и средних – помеси двух названных пород, а иногда из помесей с пуделями. При выборе собаки, по-моему, имеет значение не порода, а индивидуальные особенности данной особи. При этом заметим, что породы «лаек», насколько мы знаем, в Забайкалье нет, да и само название местным зверовщикам не известно.

При поездке на охоту собак известным образом подготавливают, подвергают их особой тренировке, в течение нескольких дней «выдерживают» по местному. Некоторые при этом, найдя уже след зверя, прежде чем спустить собаку, кормят ее. На охоту с собакой всегда выезжают верхами.

Промышленник едет по лесу и держит собаку на привязи до тех пор, пока не найдет свежего следа изюбря и тогда спускает собаку, которая идет по следу. Отыскав зверя, собака гонит его не торопясь, изюбрь, ухо-

дя от преследования, забирается на неприступные места, на так называемые, «отстой». Отстой – это утёсы, выступающие на хребтах, круто обрывающиеся и вообще имеющие свободный, более или менее узкий, доступ только с одной стороны.

В жаркие дни на такие высокие утёсистые места, где всегда почти веет прохладный ветерок, изюбрь идет спасаться от «гнуса» (комаров и оводов), сюда же невольно бежит в минуту опасности, преследуемый собакой или волком. Но и отстой не спасают его. Настигнутый волком изюбрь нередко бросается с утёса вниз и разбивается о камни. То же самое случается и при настойчивом преследовании собакой или внезапном появлении охотника. Собака, загнавши изюбря на отстой, не лает как обыкновенно, а изредка тявкает и таким образом держит зверя на месте и иногда по несколько дней. Зверовщик, следуя за собаками, заезжает на возвышенные места, прислушивается и когда услышит протяжное тявканье, осторожно подкрадывается к зверю и убивает его. Успех такой охоты главный образом зависит от собаки. Поэтому понятно, что хорошая выносливая собака, не теряющая следа, хорошо караулящая зверя на отстой, дорого ценится зверовщиками. Так, например, у Нарымских крестьян, братьев С-ых, есть замечательная собака из простых дворовых цепняков монгольской породы, известная всем зверовщикам, которая каждую весну добывает своим хозяевам по 3-4, а иногда и 5 пантачей. Рассказывают, что она загоняет изюбрей не только на утёсы, но и в воду. Зная места, где скалы противоположного берега реки круто обрываются в воду, собака подгоняет изюбря к реке; превосходный пловец смело переплывает речку, но, не имея возможности взобраться на скалы, измученный возвращается назад. Собака держит зверя в воде, пока не придёт хозяин. Иногда она пропадает в лесу по неделе и еле живая возвращается на заимку хозяев, где её в таких случаях всегда отхаживают и увозят домой в телеге. Эта собака приносит хозяевам ежегодно от 300 до 500 рублей дохода, и понятно, почему промышленники не хотели продать её, хотя им предлагали 4 пары лучших быков.

Рассмотрим теперь последний, более других интересующий нас способ – ловлю изюбрей при помощи ям (в 1893 г. лесными правилами Приамурского края ямы для ловли изюбрей и коз запрещены, и последующее описание относится ко времени до издания этих правил). Это единственное средство добыть живого зверя, так как в районе Ингоды, Чикоя и Алэнгуя не бывает больших снегов и потому вовсе не практикуется охота по насту с собаками, описание которой даёт А. Черкасов для самой восточной части Забайкалья (Черкасов А. «Записки охотника Восточной Сибири» 1856-1863, стр. 454).

Ямы для изюбрей устраиваются большей частью около бывших солонцов и притом в более глухих отдалённых местах, нежели для ловли коз, в 18-20 верстах, а иногда и за 100 вёрст от деревни. Вдоль падушки,

на одном из склонов, ставится обыкновенная городьба на протяжении 2-8 и более вёрст, прерываемая через каждые 25-30, иногда 60 сажен, ямами, причём ямы стараются рыть так, чтобы тропки, пересекающие падь и ведущие от одной чащи к другой, выходили как раз к ним. Городьба для изюбрей делается в 4-5 жердей, а ямы глубиной в 1 сажень. А при каменистом грунте до 10 четвертей; ширина от 1 до 1 ½ арш. и длина от 12 до 14 четвертей. В яме делается сруб из стоймя поставленных досок, драниц или слег; сверху поперёк кладётся две тонких перекладинки, на них вдоль хворост, ветки и все это засыпается сухим листом, хвоей – «шонуром», так, чтобы ямы не было заметно.

Нужно сказать, что для ловли коз городьба устраивается ниже, а ямы несколько меньших размеров, и притом на опушках леса, не в столь глухих местах.

Если ямы делаются наёмным трудом, то каждая обходится по 1 руб., а с городьбой от 3 до 8 рублей. Ямы часто бывают «вместные», т.е. принадлежат двум и более хозяевам; вообще можно сказать, что почти все домохозяева деревень Ингоды имеют большую или меньшую долю участия в ямах. По статистическим сведениям, собранным Забайкальским Отделом Охоты, всего в Забайкалье 20 тыс. ям с длиною городьбы около 2 тыс. вёрст, стоимостью в 50 тыс. руб. На каждую сотню ям в верховьях р. Ингоды, в местах, не тронутых пожарами, ловят по приблизительному расчёту до 5 изюбрей в год. Некоторые хозяева держат для присмотра за ямами отдельных работников, которые живут в лесу или на заимке; те же хозяева, ямы которых расположены сравнительно близко от деревни, осматривают их время от времени сами. Попавших в ямы изюбрей вынимают несколькими способами. Если есть на лицо много народу и зверя можно увести домой, то над ямой ставят козлы в сажень вышиной, завязывают изюбрю глаза, пропускают под брюхо верёвки с потниками и вытаскивают зверя воротом. Когда он будет уже наверху, связывают ноги накрест (иногда обматывают их потниками) мягкой ременной верёвкой, затем ещё раз кушаками выше колен и кладут его на дровни или телегу, подослав сена или травы. Если изюбрь стоял в яме несколько дней, то перед тем, как вынимать, дают ему воды с солью, сена или травы.

В таких случаях, когда дорога для вывозки зверя неудобна, или мало народу, устраивают около самой ямы высокую городьбу, а с той стороны, куда зверь стоит головой, подкапывают землю, вынимают крепь, и зверь выходит во двор, где его кормят, пока соберутся отвести домой.

Иногда изюбрь, попавши в яму и зацепившись одной или двумя ногами за сруб, выскакивает.

Случаи повреждения при падении в яму крайне редки. Для перевозки изюбрей на заимку или в деревню, в изюбрятник, зимой устраивают широкие сани, на которых делают соответствующей величины клетку и перевозят изюбрю стоя. Если же места для вывозки зверя не удобны,

нет возможности проехать ни на колёсах, ни в санях, то его связанного вывозят на волокуше. Когда дорога в деревню плоха, и недалеко от ямы находится заимка, как это нередко бывает, то изюбря вывозят туда, помещают его в высокой изгороди, рядом с домашним скотом. Многие из «ямщиков» сами не держат изюбрей при доме и продают изюбреводам. При этом иногда зверей перевозят вёрст за 100 и проезжая через деревни, обыкновенно принимают меры против «дурного глаза».

Вообще, нужно заметить, как среди изюбреводов, так и среди зверовщиков сильно распространена и очень прочна вера в разного рода приметы, боязнь глаза и другие суеверия. С ними тесно переплетаются те обычаи, которыми регулируются отношения между собою компаньонов по промыслу.

Заканчивая описания способов охоты, мы расскажем о некоторых охотничьих обычаях и суевериях, распространённых по Ингоде, Чикою и Аленгую и передадим характерные случаи из быта промышленников.

По Аленгую большой славой пользуются Верхне-Нарымские зверовщики; по первой пороше из этой деревни выезжают на промысел 30-40 человек. Так как охота на изюбря, да и вообще на всякого крупного зверя, большей частью требует сотрудничества нескольких человек, то двое-трое и более охотников соединяются обыкновенно в товарищества. Товарищества составляются временными; зверовщик неделю охотится с одним, другую неделю с другим, прежние его товарищи вступают в новую компанию. Иногда товарищества образуются при случайных встречах в тайге.

На промысел отправляются на конях, беря с собой харчей и припасу, т.е. пороху и пуль или патронов, недели на две. В местах, заранее известных зверовщикам, большею частью около воды, устраивают табор. Одного из более опытных товарищей признают, конечно, без формального выбора, распорядителем. Он указывает, кому куда ехать или идти с табора, принимая во внимание различие в умелости; менее надёжные посылаются в более плохие места. На табор зверовщики приходят ночевать, а летом отдыхать в жаркое время дня. Иногда один из зверовщиков, увлечённый преследованием зверя, ночует где-нибудь в лесу под деревом. Так переходят они с табора на табор, пока потянет домой, или выйдут харчи.

Во время промысла товарищи должны быть товарищами в самом строгом смысле. Всякий обман, недобросовестный поступок одного из них может повредить всей артели: промысел будет не удачен. По словам одного старого зверовщика, стоит кому-либо из товарищей, вернувшись раньше других на табор, потихоньку съесть калачик, и вся артель останется без добычи. Старики склонны даже приписывать современный упадок промысла усиливающимся обманом. У бурята старинные обычаи сохранились в большей силе, например, не всякий бурят решится бить

коз на манку, охотиться на зверя с трубой, т.е. пользоваться обманом и хитростью для привлечения добычи под выстрел. Охота на зверя считается дозволенной только во время пантовки, хотя многими из бурят этот обычай нарушается в настоящее время. Бить маток, по их взглядам нехорошо, точно так же бить и быка без пантов, только ради мяса и шкуры, грешно потому, что изюбрь зверь драгоценный.

Между бурятами чаще, чем между русскими, встречаются люди, занимающиеся исключительно звериным промыслом. Они прекрасные стрелки, очень наблюдательны и упорны в преследовании добычи. Русский зверовщик говорит, что во время белковья, если попадешь на место, по которому прошла «тварина», не увидишь уже ни одной белки. Насколько хорошие они охотники видно, например, из того, что компания из 3-4 бурят, приезжавшая зверовать на Ингоду, убила до 80 коз и изюбрей, тогда как на долю русских из целой деревни за это же время пришлось только штук 20 коз.

Чтобы объяснить, как образуются товарищества, как делят добычу и какие происходят при этом злоупотребления, приведу несколько примеров.

Татауровский крестьянин С.Н. в 1893 году во время пантовки зверовал со своим братаном М.Н. из селения Верхне-Нарымского и другими зверовщиками. Так как поехали они специально за пантами, то решили с общего согласия, ни в каком случае не убивать маток, в виду того, что преследование их и выстрелы по ним, могли бы испугать быков, а кроме того, раз была бы убита матка, пришлось бы возиться с мясом, так как время было жаркое. За нарушение этого постановления решено было виновного наказать 15-ю ударами розог тут же на месте. С.Н. вскоре после того, как они разошлись с табора в разные стороны, как нарочно встретила крупная матка, подпустившая его совсем близко; соблазн был велик, и только опасение, что ему не удастся отвертеться от розог, заставило его попуститься. М.Н., счастливый и опытный зверовщик, на этот раз убил двух быков. Один из них, между прочим, замечателен тем, что правый рог у него был совершенно прямой, без «отрасней», другой же нормальный, весивший 12 фунтов.

Так как у артели харчи были на исходе, то товарищи тронулись домой и по дороге встретились с двумя бальзойскими зверовщиками К-ым и его товарищем. Бальзойские пригласили М.Н. зверовать вместе, на что тот и согласился. Несколько дней они охотились и раз, когда все собрались на табор, один из бальзойцев предложил ехать по домам. М.Н. по поспешности, с которой бальзойцы стали торопиться домой, не пивши даже чаю, заподозрил, что дело не ладно, но все же охотники разъехались. По дороге М.Н. встретился со своим братаном, сидевшим на солонцах; тот удивился, что они никого не убили и высказал уверенность в том, что бальзойцы привезли домой изюбря, так как он сам видел следы крови на

деревьях. М.Н. немедленно отправился в Бальзой и там узнал, что К-ов действительно привез изюбря с пантами. Так как К-ов уверял, что изюбрь был убит им уже после того, как они расстались, то М.Н. обратился к старосте, который вызвал зверовщиков понятыми для расследования дела. После осмотра места, где был убит зверь, понятые пришли к заключению, что он был застрелен до того момента, когда товарищи разъехались, и следовательно был К-ым утаён. Дело было перенесено в Татауровский волостной суд, который постановил взыскать с К-ва в пользу М.Н. не треть стоимости пантов, как следовало бы по правилам дележа добычи, а около половины в виду того, что эти правила бальзойскими зверовщиками были нарушены.

Расскажем ещё другой случай. Два брата К-вы, один Нарымский, другой из с. Татаурова, условились осенью зверовать вместе и в назначенный день съехались в «становик» между Ингодой и Алэнгуем. У обоих братьев были довольно хорошие промысловые собаки. В первый же день собаки остановили бычка-изюбря и свалили его. Один из братьев зарезал его ножом; разложили огонь и приготовились снимать шкуру; в это время на табор наехали четверо бурят с Хилка, зверовавшие в этой же местности.

Они заявили, что бычок был ими подстрелен и ушёл только благодаря тому, что у них не было собак. Во время ночлега на таборе братские, разговорившись, решили открыть, что ими кроме бычка подстрелена ещё matka и свинья, и предложили вступить в товарищество на следующих условиях: буряты дают К-ым право выследить с собаками и убить изюбря-matку и свинью, а сами тем временем будут белковать, добытое должно делиться поровну на 6 паёв.

К-ы приняли предложение, и нашли след чушки, «выправили» её (т.е. собаки пошли по свежему следу) и убили огромную свинью. Затем была найдена и убита изюбрь-matка. Когда съехались на табор, стали делить добычу. Белки, добытые бурятами, пошли в делёж. Такому же дележу по уговору, подлежали чушка и изюбрь. Но К-вы, ссылаясь на то, что добыча поймана только благодаря их собакам, прямо завладели свиньёй и разделен был только изюбрь. Вообще при товариществе крестьян с бурятами, последние часто остаются в накладе. При столкновении с ними крестьяне зверовщики теперь пользуются новыми местными правилами; так при споре с бурятами К-вы заявили, что те, как жители Хилка, не имеют право зверовать между Ингодой и Алэнгуем, да ещё без билета.

Бывают явные нарушения прав товарищества, соединённые иногда с прямым обманом, которые сходят безнаказанно. Раз четверо товарищей-ингодинцев зверовали вместе, сидели на солонцах, куда ходил большой пантач. Сторожить зверя оставили одного, другие промышленники разъехались. Оставленный убил зверя, снял шкуру, отрезал голову с пантами и спрятал все в яму. Когда товарищи вернулись домой, он через несколь-

Заварка пантов

ко дней поехал один и вывез добычу. Компаньоны его потом узнали об этом, но дело не возбудили и панты им были проданы.

Если старые обычаи среди зверовщиков всё более и более падают и чаще случаются злоупотребления при дележе добычи, то большей прочностью, по-видимому, обладают разного рода поверья, боязнь глаза, наговоры и проч. Можно испортить ружьё, даже есть специалисты на это дело, причём некоторые могут как портить ружья, так и ладить их. Другие сильны только на зло, т.е. снять причинённую ими порчу не в состоянии.

В верховьях Ингоды рассказывают, что стоит только местному крестьянину сойтись на охоте с чикойскими зверовщиками, как те тот час заговорят ружьё и испортят его так, что самый меткий стрелок перестаёт попадать. Конечно, опытный зверовщик, знает, как снять порчу со своего ружья, но редко решится сообщить кому-либо об этом средстве, так как при передаче заговор теряет свою силу.

Дурного глаза особенно боятся изюбредовы, с большой неохотой согласятся они повести проезжего в изюбрятник; многие случаи падежей среди домашних изюбрей приписывают исключительно глазу. При перевозке изюбрей принимают против него меры предосторожности, остановки делают в лесах, где рассчитывают, что никого не встретят, а если приходится проезжать деревню, то стараются делать это ночью, чтобы никто не увидал. Если в ямы редко попадает добыча, то приписывают это тому, что при изготовлении их, кто-нибудь произнёс бранное слово или засмеялся. Зверовщик из суеверного страха не продаст никому головы убитого им изюбря; он должен съесть её сам, иначе промысел в другой раз будет неудачен.

III

Разведение изюбрей.

Разведение и содержание изюбрей ради получения мягких рогов началось на Алтае в двадцатых годах настоящего столетия; затем лет через двадцать, этот особый род животноводства перешёл в Забайкалье. По реке Ингоде, в Танге первый стал держать изюбрей в неволе Аким Андреевич Нескромный (живущий теперь в старой Куке). В 1843 году он устроил до 150 ям, при помощи которых поймал 23-х зверей и с тех пор разведение изюбрей все более и более распространяется с верховьев реки Ингоды вниз по течению и привлекает внимание вообще крестьян Забайкальской области. В настоящее время всего в Забайкалье 300 хозяев содержат в полудомашнем состоянии более 1000 изюбрей, в числе которых 100 маток и около 100 телят.

Более всего разводят изюбрей по Чикою в Верхнеудинском Округе, где их насчитывают до 500 голов; затем в Читинском Округе по р. Ингоде вверх от г. Читы около 200 штук; незначительное число изюбрей разводится по р. Онону, в других же местах оно ничтожно и носит случайный характер. Из прилагаемой таблицы видно количество изюбрей в Забайкалье, распределенное по округам.

В центре изюброводства – в Бийском Округе Томской губ., или, например, в верховьях Бухтармы близ деревни Берель (около китайской границы) – дворы для содержания изюбрей устраивают в стороне от деревни, чтобы не пугать зверей и вообще хранить их при условиях, возможно близких к природной обстановке.

Для летней пастьбы изюбрей огораживают высокой прочной изгородью из жердей, пространство в 1 кв. версту, заключающее в себе луга, леса, речку. На зиму некоторые из мараловодов переводят животных в скотные дворы при доме и кормят их сеном, овсом, печёным хлебом (Носилов Н.П. «Путешествие по Алтаю», Новое Время, 1896 г. февраль). Кроме того, для маралов делают колобки из глины и соли величиной в каравай хлеба, которые марал лижет (А.И. Головачев «О мараловодстве на Алтае» Вестник Императорского Общ. Акклиматизации животных и растений 1891 г., стр. 6).

В Забайкалье для содержания изюбрей в неволе устраивают двор-изюбрятник на заимке или при доме, в более или менее удобном месте, чаще всего рядом с конными загонами; двор огораживают забором до 4 арш. вышины. Ограды делают очень прочно: ставят толстые столбы с пазами, стены забираются накатником в 3-4 вер. толщиной с небольшими промежутками, увеличивающимися в верхней части забора. Размеры изюбрятников часто совсем не соответствуют количеству содержимых животных. Для одного изюбря делают ограду около 6–8 саж. в квадрате. Ограда 6 x 3 саж. для одного изюбря мала; особенно это становится ясным, когда животное играет; замечено, что изюбри, содержимые в таких тесных дворах, крайне раздражительны.

В Танге, в верховьях Ингоды, где снимают более 100 пар пантов, лучшие изюбятники у братьев Писаренковых. У одного из них во дворе, занимающем около 2 десятин, содержится 17 зверей; но летом корму для изюбрей с этого пространства не хватает, и потому их подкармливают овсом, хлебом и т.п. У другого брата содержится 8 зверей во дворе, размерами всего также около 2 десятин; двор разгорожен на две половины, и изюбрей держат в течение лета попеременно, то в одной, то в другой. В свободной части двора трава успевает настолько отрастать, что ее скашивают и получают около 10 копен сена. Самый лучший изюбятник по Ингоде находится в Кадахте у А.И. Кривоносенко, где для 12 изюбрей огорожено всего около 3 десятин; через изюбятник протекает р. Кадахта, приспособленная для орошения; по берегам речушки растёт тальник, в ограде устроены искусственные солончаки, которые, впрочем, делают и другие хозяева. На основании приведённых указаний о размерах изюбятников можно придти к тому заключению, что в огороженном пространстве в 1 десятину можно прокормить в течение лета 5–6 изюбрей.

Во дворах иногда устраивают небольшие отделения для случки, для беременных маток и для телят. У большинства же хозяев в течение круглого года все изюбри содержатся в одном дворе, что представляет большое неудобство, особенно во время течки. Изюбрь, как известно местным «промышленникам», любит тень, а матка при телении любит забиваться в чащу, в тенистое место, и, несмотря на это, ни в одном из осмотренных по Ингоде изюбятников я не нашел соответствующих приспособлений.

Изюбредовы Танги уверяют даже, что навесов делать не нужно, так как во время бури изюбрь под навес не идет.

Пойманного в яме и привезённого из леса изюбря сперва пускают в небольшое отделение двора, рядом с другими изюблями, для того, чтобы он мог несколько привыкнуть к неволе. Необходимость содержать изюбря сперва отдельно вызывается еще и тем, что в первое время он до того пуглив, что бегая даже в небольшом дворе, ударяется грудью о стены с такой силой, что иногда умирает, это случается и в маленьких дворах, но реже. Кроме того, зверь, пущенный сразу в общую ограду, подвергается преследованию со стороны содержащихся там изюбрей; последние иногда даже убивают своего менее сильного, перепуганного собрата. В первое время неволи изюбрь несколько дней почти ничего не ест и не пьет; с поднятой головой, с беспокойными глазами и настороженными ушами бегает он вокруг своей ограды, ища выхода. Когда он несколько успокоится, истощится от жажды и голода, то понемногу принимается за приготовленное заранее сено, овёс, печёный хлеб и воду, налитую в колоду. В это время стараются не тревожить его и не подходить к ограде. В селе Танге, когда я осторожно приближался к изюбятнику,

где содержался изюбрь, пойманный неделю тому назад, он пришёл в такое беспокойство, так стремительно кидался из одного угла в другой, что я принуждён был удалиться.

Обыкновенно все изюбри содержатся в одном дворе, т.е. быки, матки и телята, очень редко их содержат с домашним скотом.

Уход за изюбями самый не сложный: три раза в день им бросают сено; кроме того прикармливают хлебом, как зерновым, так и печёным, дают соль и гуджир; они охотно едят также ягоды, грибы, таловые и особенно осиновыя прутья, мякину и даже остатки от стола и с жадностью выпивают болтушку с мукой и солью. Во дворах, где нет проточной воды, летом воду постоянно держат в колоде, зимой её наливают 2-3 раза в день. Когда же выпадает снег, то изюбрь предпочитает его воде. Сена на круглый год большинство ингодинских изюбредов считают достаточным для изюбря около 20 копён (считая копну в 5 пуд.) т.е. от 10 до 15 фун. в день. Есть, впрочем, и такие хозяева, которые уменьшают порции до 10 копен в год, говоря, что изюбрь в неделю съест столько сена, сколько корова в день, другие увеличивают количество сена до 30 копён. По Чикою, по указанию врача Н.В. Кириллова («Полуодомашненные изюбри в Верхнеудинском округе». Известия Восточно-Сибирского Отдела, 1889 г. Т. XX, № 4-й, стр. 15), считают нужным по 1 пуду в день на сумму около 40-90 рублей в год.

Содержание одного изюбря (если все затраты перевести на покупные цены) по общему отзыву будет стоить в год 100-120 руб.; на самом же деле крестьянину содержание это обойдётся всего в несколько рублей, так как 20 копён сена будут стоить ему не более 8 рублей. Если же изюбри содержатся вместе со скотом, то содержание их обходится еще дешевле. Разница в показаниях относительно количества сена, а также стоимость и содержание, зависит от того, как и чем кормят, кроме сена, но главное от качества самого сена: плохого может не хватить и 30 и даже 40 копён, потому что изюбри выбирают только самые нежные листочки, преимущественно из семейства мотыльковых, пырей и солончаковые травы, остальное же затаптывается. Кроме сена летом дают тальниковые прутья и ветки осины, но, к сожалению, очень редко, очевидно по незнанию всей важности дубильных веществ для хорошего питания. Между тем, в зоологических садах, разведение некоторых из отряда жвачных, например, лось, *Alces Jubatus*, к которым принадлежат наши изюбри, удалось только при прибавлении в корм веток берёзы, ивы, тополя, осины. При такой прибавке, которая особенно важна для молодых изюбрей, животное делается менее разборчивым в корме, здоровье его улучшается и оно чувствует себя превосходно. У хозяев, для которых изюбредовство есть только подспорье в хозяйстве, нет ни малейшего представления о той тесной зависимости, какая существует между продуктивностью животного и способом кормления и ухода. Из таких изюбредов один доказы-

вал мне, что от хлеба изюбри не прибавляют веса пантов, а даже немного сбавляют. При напоминании фактов, ясно указывающих на замечательные результаты хорошего кормления и ухода, как например, на панты весом в 1 пуд 13 фун. (что встречается даже у диких очень редко), которые снимал по Ингоде в Гарике священник Карнаков, – я получил лаконичный ответ: «то был зверь шибко матерый». По Чикою в Коченах, священник получал панты в 1 пуд 5 фунт. Необходимо заметить, что указанные лица содержали изюбрей по одной штуке, кормили их печёным хлебом, овсом, картофелем и т.д. Наблюдая подобные факты, некоторые хозяева пришли к выводу: чем меньше содержать изюбрей, тем выгоднее. Сравнивая вес пантов, снимаемых разными изюбреводами, я пришёл также к заключению, что вес пантов от быков, одержимых по одному, в среднем, больше веса пантов от изюбрей, содержаемых в большом количестве.

Такое явление объясняется тем, что одиноких изюбрей лучше кормят и больше дают им всякого рода остатков от стола. Уход за изюбрами почти везде возлагается на женщин, которые, впрочем, только разбрасывают сено, наливают воду; в смысле же одомашнивания, приручения изюбрей никакой пользы не приносят, так как боятся этих зверей.

Во многих же случаях, когда хозяин сам ухаживает за изюбрами, особенно когда он делает это с любовью, приручение идёт успешно. Правда, совершенно ручными изюбрей удавалось сделать очень редко; в с. Новотроицком (в 40 в. от Читы) изюбрь ходил по улицам, по чужим дворам, ходил с домашним скотом на водопой и всегда возвращался в дом хозяина; такой же изюбрь был в с. Татаурове у Бобовского. Одного изюбря удалось сделать настолько ручным, что на него надевали узду и водили по улице. Каждый из изюбрей знает свою кличку (Ванька, Васька, Мишка, Кузька, Стёпка и проч.), при зове хозяина подходит за хлебом и когда съест его и больше не получает, то выражает неудовольствие. В Кадахте по р. Ингоде был такой случай; желая отомстить изюбреводу, ночью разгородили одно из звеньев забора изюбрятника и все изюбри ушли в лес. Хозяин выгнал к лесу домашний скот, и при помощи верховых удалось загнать изюбрей вместе со скотом обратно во двор. Только один самец остался в лесу, но когда наступало время течки, то по ночам на рёв других зверей, он стал подходить ко двору; тогда разобрали одно звено пустого двора и изюбрь был пойман. Но не всегда удаётся поймать уходящих изюбрей: зимой у изюбревода Кривоносенко матка и два быка ушли, перепрыгнув через изгородь, одного изюбря зверовщики убили, другие же – бык и матка до сих пор живут в тайге около Кадахты и каждую зиму близко подходят к селению. Все старания поймать или убить их остаются тщетны, ибо, побывав в неволе и узнав человека, они стали осторожнее и хитрее, чем дикие звери. Из всего этого видно, что изюбрь, попавши в неволю, легко привыкает и по способности к приручению уступает разве козуле. Но для полного одомашнения нужно, прежде всего, подробно изучить индиви-

дуальный характер и нравы каждой особи, и тех из них, которые могут оказаться способными к перевоспитанию, скрещивать из поколения в поколение; только этим путём можно получить прирученное потомство.

При уходе за изюбрями самое тревожное время – это время течки, которое начинается с Семёнова дня, т.е. 1-го сентября и продолжается у некоторых до первых чисел октября; у домашних изюбрей период этот начинается и оканчивается на несколько дней позже, чем у диких.

Полного физического развития самец достигает в 6-7 лет, но половая его деятельность начинается с 4-5 лет, а иногда и ранее. Матка достигает полного роста только к 6 годам, а гоняться начинает с 3-4, а иногда и с 2 лет.

В деревнях, особенно где много изюбрей, с наступлением периода течки день и ночь воздух оглашается протяжным рёвом, начинающимся глухими, густыми нотами, постоянно усиливающимся и оканчивающимся как бы уханьем; больше же всего изюбри режут в сырую, дождливую погоду. От постоянного рёва шея у зверя припухает, сильно увеличивается и печень, по словам промышленников «делается бела, как яичница, жирна и очень вкусна». Дикие изюбри режут исключительно во время течки, домашние же и в остальное время года, но гораздо реже, очевидно от тоски по воле. Во время течки бык становится беспокойным; половой его орган постоянно в движении, причём почти непрерывно понемногу вытекает семя; в это время он почти ничего не ест, но пьёт чаще, чем обыкновенно и к концу течки страшно худеет.

Хозяева, у которых в изюбятнике есть особые отделения, с наступлением течки разделяют стадо на три части: телят помещают в одном дворе, быков – в другой, маток – в третий. Во двор к маткам впускают одного быка, более сильного и более других проявляющего половую энергию. Когда же заметят, что этот изюбрь сильно истощился, похудел, то взамен его к маткам впускают другого. Самцы, остающиеся во дворе одни без маток, часто дерутся между собой, стараются разломать лбами ограду, отделяющую их от маток, и иногда перепрыгивают через высокий забор.

Бык, попавший к маткам тем или иным способом, немедленно вступает в жестокий бой со своим соперником, причём матки стоят в стороне и следят за борющимися.

Победитель идёт к стаду, а побеждённый держится в стороне. Иногда же, если вовремя не заметят, что к маткам попал второй бык, бой оканчивается смертью одного из соперников. При содержании в одном дворе маток с несколькими самцами, один более сильный ходит со стадом, а остальные держатся в стороне.

Едва ли не больше других страдают в период течки изюбри, живущие в тесных оградах поодиночке; в сентябре 1893 года я наблюдал в деревнях долины р. Ингоды, как такие быки по нескольку часов стоят неподвижно, с поднятой головой и устремлёнными в лес, чёрными,

блестящими глазами; только движение короткого хвоста и детородного члена, да по временам резкие крики, в которых – как бы слышится тоска и отчаяние, показывают, что перед вами живое и притом, страдающее существо. При попытке приблизиться к ограде, он со страшной яростью бросался, ударя лбом в забор, а затем – упёршись в жердь и надавливая на нее лбом, скользил по всей её длине, бегая в таком положении от одного столба до другого.

Далеко не все самцы проявляют половую энергии в одинаковой степени: из стада в 26 быков (г. Рубенштейна по Чикою) только четыре проявили эту способность в сильной степени, а некоторые не проявляли ни малейших признаков даже и тогда, когда к ним впускали маток. Говорят, что быки, живущие в неволе, довольно часто теряют не только влечение к маткам, но относятся к ним враждебно; по реке Ингоде был такой случай: к изюбрю, прожившему одиноко около десяти лет, пускали маток, но он не принимал их и двух забил до смерти. Изюбри, у которых в период течки не проявляются половых влечений, остаются, как всегда, спокойными, не режут, едят и пьют и нисколько не хуеют.

В обыкновенное время хозяин заходит во двор к изюблям, чтобы кормить их, изюбри знают свои клички, подходят к хозяину, берут у него хлеб и т.д., но во время течки, те же изюбри делаются до того свирепыми, что когда хозяин даёт им корм, один или два человека стоят с палками, готовые отразить попытки к нападению.

Матки, находясь в период течки с быками, не проявляют ни малейших внешних признаков полового возбуждения и остаются спокойными. Изюбрь кроет маток только на заре и то не каждый день, причём изюбрь становится на задние ноги, не отпуская передних, на несколько секунд прикасается к матке, и акт окончен. Выбора между матками бык не делает, даже кроет тех, которые уже забеременели.

Наши изюбредовы не только не имеют ни малейшего понятия о необходимости подбора при скрещивании, но ими не сделано также никаких наблюдений относительно того, какое количество маток при случке с одним изюбрем даёт наибольшее количество приплода. Я наблюдал, что припускают на одного быка от 1 до 13 маток (у г. Рубинштейна). Последний случай исключительный и зависел от неимения лишних дворов для разделения изюбрей на несколько стад, но он поучителен, так как случка большого количества маток (13) с одним быком (по истощении заменявшимся свежим) практиковалась несколько лет, причём приплод получался всегда незначительный, всего 4-5 телят, из которых большинство были бычки.

Из собранных мною цифровых данных о приплоде, можно заключить, что самцов родится больше. По замечанию же бывшего Усинского пограничного начальника А.М. Африканова в Усинском крае в неволе маралы плодятся плохо; родится больше самок (Д.А. Клеменц. Органи-

зационный комитет международных конгрессов в Москве в 1892 году. № 29, стр.4).

Охотникам известно, что на воле, во время течки, один изюбрь имеет от 2-х до 12, даже до 15 маток; но последнее и там встречается, как исключение, у большинства же самцов – 4-6 маток. Принимая во внимание приведённые факты, а также и то соображение, что изюбри, содержимые во дворах, проявляют меньшую половую энергию, нежели живущие на свободе, следует прийти к заключению, что в среднем вполне достаточно на одного быка от 3 до 4-х маток.

В среднем в 3 года раз матка оплодотворяется, носит около 9 месяцев и телится в мае или начале июня, но при лучшем кормлении и уходе самки родят ежегодно. Никогда в неволе матки не приносили в Забайкалье более, как по одному телёнку, тогда, как говорят, на воле, хотя и очень редко, телятся двумя и даже тремя. Иногда матка телится несколько позже указанного срока, но случай теления в сентябре, как то было в 1892 году в Танге у изюбревода Нескромного, представляет малопонятное отступление от нормы. Кстати нужно сказать, что в этом случае телёнок, несмотря на то, что родился и был сложен вполне нормально, умер через два дня без всякой видимой причины.

Теление матки происходит обыкновенно ночью, при этом матка бегает, кричит «кывкает» и заходит в маленький дворик, пристраиваемый в изюбятнике для этой цели, или выбирает во дворе более удалённый укромный уголок, где и проводит с телёнком первые 4 дня, пока он беспомощен; в это время она облизывает его, кормит, играет, мычит, подзывая телёнка, и вообще проявляет самую нежную материнскую заботливость и любовь.

При попытке взять телёнка, она свирепеет, кидается на человека, бьёт ногами; телята, взятые от матери в избы, ради сохранения их в первые дни, погибают. После родов, вымя матки (с двумя сосками) разбухает, как у коров, наполняется желтоватым густым молоком. Вскоре телёнок начинает привыкать к сену, ест самые нежные листочки. Телята ходят с матками до следующей течки, т.е. до сентября, когда их разделяют, а затем по окончании течки снова ходят вместе до весны.

Годовалый изюбрь называется «ососком», двухгодовалый – «лончаком» или «зорголом», трёхгодовалый – «третьяком», матка трехгодовалая – «нетель».

Изюбреводы не заботятся о приручении изюбрей в раннем возрасте, зато зорко следят, чтобы изюбрей не «испортили», в особенности боятся глаза, почему неохотно показывают зверей посторонним, говоря «кто его знает, всякий глаз бывает». В Татаурове изюбревод Б. с убеждением рассказывает: «Прошлой весной у меня отелилась матка, пришла соседка и своими восклицаниями: «Ах, какой травенький», сглазила и матку и теленка: оба вскоре пропали». Из подробных расспросов по поводу этого

случая, выяснилось, что матка эта была поймана в яме незадолго до катастрофы; помятая верёвка при вытаскивании из ямы, избитая при перевозке в тряской телеге, напуганная матка отелилась преждевременно, почему умерла сама и её телёнок.

В Забайкальской области, как и в других местах, изюбрей содержат в полудомашнем состоянии, только ради выгоды, получаемой от продажи молодых, переполненных кровеносными сосудами, мягких рогов с утолщениями (до величины кулака) на концах; такие рога, покрытые тонкой кожей, с шелковистой серой шерстью, называются здесь «пантами». Слово это происходит от монгольского названия рогов «панту».

Рост рогов у изюбрей находится в тесной связи с половой системой: у холощеного изюбря рога вовсе не растут, если это было сделано перед периодом их роста; если же бык холощён с рогами, то последние более не спадают. Половинное холощение или повреждение общее или частное половых органов, вызывают аномалии в росте рогов; у изюбрей даже с ушибленными *tosticula* вырастают маленькие уродливые рога. («Охотничья газета», 1893 г.). Следовательно, холощение, как средство сделать изюбря при приручении более смиренным не может быть применяемо.

Если осматривать череп бычка по первому году, то можно заметить на верхней части лба два небольших возвышения; в первый же год бугорки заметно вырастают и называются «пеньками».

С развитием изюбря эти пеньки, служащие основанием, из которого вырастают рога, постепенно увеличиваются, главным образом в толщину и чем они толще и ниже, тем лучше вырастают «панты». Правильный рост рогов находится в полной зависимости также и от здорового состояния пеньков. Всякое повреждение одного или обоих пеньков вызывает соответствующее ненормальное развитие рогов; при повреждении одного пенька, что случается нередко, вырастают не парные рога, т.е. один большой, нормально разветвлённый рог, другой – гораздо меньше, чаще всего без разветвлений, иногда плоский или же при незначительной величине состоит из многих неправильных отростков, кольцеобразных или гроздевидных утолщений. Изюбреводы знают, что при малейшем повреждении пенька, во время срезки пантов, в следующем году панты вырастают не парные, с меньшим числом отростков, что значительно роняет их цену, а потому при срезке пантов пеньки тщательно оберегают от повреждений.

В первом году жизни бычка рога не растут, во второй у «лончака», или «качерика» вырастают почти прямые в 6-7 вер. рожки, которые называют «сойки» или «сойоны». Иногда у хорошо содержимых животных на сойках появляются маленькие отростки, служащие признаком того, что зверь будет давать большие панты. При дальнейшем росте рогов, у изюбря число отростков увеличивается и ими отчасти определяется величина и ценность пантов. Сойки изюбреводы почти никогда не срезают, ради того, чтобы череп быка развился и окреп, что вполне рационально.

Партия пантов, скупленная старообрядческим священником

С июня месяца, а иногда и раньше, кожица на этих рожках, как и у диких изюбрей, начинает подсыхать, сойки заостряются и быстро твердеют, костенеют от отложения внутри их углекислой и фосфорно-кислой извести; затем кожица лопается, и начинают, как говорят «драться лычки», т.е. кожица сходить. При этом говорят, рога сильно зудятся, почему изюбрь постоянно трёт их о столбы двора. Кстати нужно сказать, что никто никогда не замечал, что изюбри ели кожицу своих рогов, как то делают сохатые.

Около Авдотьиного дня, т.е. 1 марта, в зависимости от того, насколько ранняя весна и насколько сыт изюбрь, верхушки пеньков начинают набухать, и старые рога, или часть их, оставшаяся при срезке, сваливаются, причем лопается несколько кровеносных сосудов; вытекающая из них кровь засыхает, образуя корку, которая приподнимается вновь вырастающими рогами.

Изюбрь трёх лет к концу июня имеет на главном стержне пантов, около фута длины, по два отростка, о таких пантах говорят, что они о 6 концах, вес их от 3-х до 5 фунтов. Очень редко изюбреводы противостоят искушению и не срезают такие панты; огромное же большинство не понимает, насколько при продолжающемся общем усиленном росте животного необходимо оставлять панты ради более правильного развития черепа, что и обеспечит в будущем получение более тяжёлых и дорогих рогов.

У четырёхлетнего изюбря вырастает ещё один отросток, так, что его панты (считая всегда парами) имеют 8 концов и весят 8-10 фунтов.

Изюбрь пяти лет при хороших условиях ухода прибавляет ещё один отросток, следовательно, имеет панты о 10 концах, весом 15–20 фунтов. Необходимо заметить, что число отростков на рогах не всегда может указывать на возраст изюбря, так, например, по р. Ингоде наблюдался такой факт: у 3-х летнего изюбря вырастали панты с тремя отростками, и у него до старости вырастали такие же рога, с возрастом увеличивался только вес пантов. С шестилетнего возраста дальнейшее правильное увеличение как числа отростков, так и веса пантов, наблюдается редко. У большинства шестилетних самцов панты бывают о 10 отростках, но с возрастом делаются несколько больше и толще. Панты в шестилетнем возрасте с 12 отростками достигают 30 и даже 40 фунтов. У вполне взрослых, крупных хорошо содержимых быков вес пантов понемногу увеличивается до 10-12, редко до 14 лет и при 8-12 и очень редко 16 и даже 18 отростков он достигает 25-30 и даже 35 фунтов; панты в 40-45 фунтов встречаются как очень редкое исключение. Вообще следует заметить, что как увеличение числа отростков пантов, так и вес пантов находятся в зависимости от многих причин: и от особенностей данного животного, и от способа содержания, ухода, кормления и т.д.

Вес пантов, достигнув наивысшего предела, в последующие 3-5 лет колеблется то в ту, то в другую сторону, а затем у большинства в период от 10 до 15 лет начинают быстро падать, причем рога становятся тоньше, менее правильными, более плоскими, отростки менее развиты, иногда оба рога или один вырастают лопатой, или совсем без отростков. С этого времени содержать изюбря находят невыгодным, отделяют его в особое помещение, откармливают печеным хлебом, болтушкой и убивают на мясо, которое считается гораздо вкуснее и жирнее мяса лесных зверей.

Период созревания пантов продолжается около 90-100 дней, с марта по июнь, смотря по возрасту зверя и корму. Как на исключение, можно указать на панты, срезанные в апреле 1896 года изюбредом Писаренко в Танге, в верховьях Ингоды, с 12-летнего очень хорошо кормленного изюбря; бывают случаи, что панты снимают и в августе. Изюбред зорко следит за тем, чтобы не упустить момента для снятия пантов, У вполне взрослых, сильных, хорошо содержимых быков, панты созревают ранее других, но чем моложе изюбри и жирнее, тем позднее наступает время созревания, и наоборот – чем суше зверь, тем быстрее созревают рога и тем раньше костенеют они. Время созревания зависит также от раннего или позднего наступления весны, но вообще для домашних изюбрей оно наступает несколько позже, нежели для диких, у которых после Петрова дня концы рогов уже заостряются и отвердевают, а потому не имеют цены.

О зрелости пантов, а, следовательно и о пригодности их для спиливания судят по тому, насколько шевелится шкура на первом отростке, «золоне», когда она затвердела, панты считают переросшими. Панты, снятые в это время, когда их конечные отростки имеют вид толстых, коротких шишек, достигающих иногда значительной величины (с кулак), считаются самыми ценными. Обыкновенно изюбредовы по обоюдному соглашению с местными скупщиками пантов, чтобы выгадать в весе, дают им несколько дней «перейти», и когда верхние отростки достигнут 4 вершков, панты спиливают. Иногда случается, что у изюбря срезанные рога снова отрастают и некоторые хозяева пробовали снимать панты два раза, как например, по р. Тунгую, ниже деревни Шевенды; по реке Ингода тоже пробовал делать это изюбред Нескромный. Он снял в половине мая панты о 8 концах, весом $7\frac{3}{4}$ фунта, второй раз снял 15 августа весом до 3-х фунтов. Насколько вес пантов, снятых за 2 раза в лето, больше веса снятых с того же зверя за один раз, неизвестно.

В дни срезки пантов в деревнях наступает большое оживление, особенно же в праздники, когда по возможности стараются выполнить эту работу. Для снятия пантов приглашают 7-8, а иногда до 10 и более смелых привычных и сильных односельчан, и одного имеющегося в каждой деревне специалиста по сниманию рогов, который является с острой широкой ножовкой или лучковой пилой. Денежного вознаграждения за труд, как бы он ни был тяжёл, никто не берет; все идут «напомочь», причем хозяин кормит и угощает приглашённых водкой. Посторонних зрителей не пускают, главным образом из боязни, чтобы зверя чужие не испортили, не сглазили. Нужно заметить, что каждый изюбрь с созревшими пантами, как бы дик или смирен он не был, оберегает свои панты, как при поимке его в борьбе с людьми, так при ударе о заплот, при падении; также он бережёт свои панты и во дворе: не дерется с другими быками и даже не чешется рогами о заплот, хотя они сильно зудятся.

Изюбря для срезки созревших пантов перегоняют из общего двора в маленький дворик, всего в $1\frac{1}{2}$ кв. с. Случается иногда, что при перегоне из одного двора в другой, изюбрь с разбегу перепрыгивает через изгородь; такой случай был у Кривоносенко в с. Кадахте. За «пантачем» погнался на коне сын хозяина, опередил и подъехал ему на встречу; изюбрь встал на дыбы и лапами сбил его с лошади. Но все же, при помощи других лиц подоспевших к нему на помощь, удалось поймать изюбря, но только потому, что это был родившийся в неволе, а такие изюбри, как и долго содержимые в неволе, а также вообще старые, не могут быстро бегать и их можно догнать на коне. Но случается при перегоне из одного двора в другой изюбрь разбегается, прыгает через ограду и исчезает в лес на глазах изумлённой и растерянной толпы. Иногда для того, чтобы перегнать изюбря в маленький дворик, теряют несколько дней, но некоторые, несмотря на все усилия, не идут из большого двора; таких стараются за-

гнать хоть в угол, где и ловят за ноги верёвочными петлями, сваливают зверя, после чего народ на него набрасывается и через несколько секунд рога уже спилены и зверь вскакивает, обливаясь кровью.

Изюбрь, загнанный в отдельное помещение более или менее упорно обороняется и если с ним трудно бывает совладеть, то поступают так: на палке в промежутках заплота просовывают верёвку с петлёй и кладут её около ног изюбря; чтобы заставить изюбря переступать ногами, его толкают палками, и, когда он поставит ноги в петлю, её затягивают, а потом или сразу валят изюбря, или потихоньку оттягивают ноги назад, пока изюбрь не опустится на колени или на брюхо, тогда человек 7-8 быстро бросаются на него, перелезают через заплот, хватают за рога, за ноги, держа изюбря на брюхе, или повалив боком на землю, и срезают панты. Более же смиренных, которых огромное большинство, ловят человек 5-6, дружно бросаясь и схватывая за рога, шею, ноги, туловище; случается, что изюбрь тащит людей, но затем он падает, тогда ему связывают задние и передние ноги, оттягивая их в противоположные стороны, или связывают передние и задние ноги накрест. Одни держат ноги изюбря, другие туловище; тот, кто срезает, кладёт голову к себе на колени, иногда крепко перетягивает основание пантов, чтобы ослабить кровотечение, на полвершка и до вершка выше спая рогов с пеньками, быстро проводит острой пилкой 2-3 раза и панты спилены. Срезанные панты держат, перевернув вверх нижним концом, чтобы не вытекала драгоценная влага. У изюбря из оставшегося основания рогов вытекает более стакана крови, её идёт тем больше, чем моложе снятые панты; если снимают панты рано, «недошедшие», то крови может вытечь так много, что зверь иногда умирает; если же панты несколько перезреют, «перейдут», то крови вытекает сравнительно немного. Раны на рогах изюбря затираются – и то иногда – землей или солью, других же средств остановить кровь, как например, присыпание танином, золой, прижигание, перевязывание пеньков тугими бинтами или войлоком, заливание воском, присыпание углём, как это практикуется на Алтае, – здешние изюбредовы не знают. На раны после срезки пантов нужно обращать больше внимания, так как их поверхность представляет самую благоприятную почву для кладки яиц мухами, для разведения личинок червей. После спиливания пантов голову изюбря иногда обливают водой, что, конечно, несколько успокаивает страдания зверя.

Вопреки мнению большинства изюбредов, нужно признать, что спиливание пантов причиняет изюбрю сильные страдания, так как кроме кровеносных сосудов, разрезается большое количество нервов, остающихся чувствительными до окостенения рогов.

В это время он умоляющими глазами смотрит на людей, издаёт глухие стоны, кричит – «кывкает» и тяжело дышит. После операции он целый день лежит неподвижно, не принимая пищи, тупо поводя помутневшими

глазами, и только постепенно оправляется. Изюбредовы говорят, что в таких случаях так же, как и после поимки изюбря в ямы, от испуга часто у них бывает запор – «пробки»; болезнь эту лечат клистирами.

Диких непокорных изюбрей, которым, сваливая их на землю, переламывают ноги, а также разбивших грудь об ограду, закалывают и снимают с них панты с куском черепа, выдавая их за снятые с лесных зверей, панты которых ценятся вдвое дороже. Говорят, что опытные китайцы всегда открывают обман, руководясь такими тонкими признаками, которые неуловимы для незнающего человека.

Для срезки пантов, кроме маленьких дворишек, устраивают еще следующее приспособление: к одной из стен большого двора пристраивают коридор, все более и более суживающийся и оканчивающийся дверью. Через отворенную дверь стены большого двора загоняют изюбря в коридор, и когда он дойдет до конца, то сзади его припирают бруском и стоя на подмостках у заплота, прикручивают голову и быстро спиливают панты. Такой способ спиливания рогов гораздо рациональнее вышеописанных, но, к сожалению, встречается пока очень редко. На Алтае (А.А. Головачёв. О мараловодстве на Алтае, Вестник Императ. Русск. Общ. акклиматизация животных и растений. 1893 г. 3-т, 3-ч. VII вып., стр. 5) срезка рогов иногда производится в станках, подобных тем, в каких подковывают лошадей, что ещё лучше. Кровь, вытекающая из пантов во время их срезывания, считается в деревнях целебным средством. По просьбе больных, их извещают о времени срезки пантов и они, особенно женщины, страдающие послеродовыми кровотечениями, приходят и пьют тёплую кровь с полной верой в её целебные свойства; этой кровью также поят детей от грыжи: остающуюся или запекающуюся кровь тщательно собирают, сушат и затем толкут, распускают в воде и употребляют как лекарство.

Снятые панты нужно сушить, иначе студенистое содержимое, переполненное кровеносными сосудами, может испортиться, – загнить. Сушка, необходимая и ради удобства перевозки на заграничный рынок, требует большого внимания и навыка, а потому малоопытные в этом деле промышленники продают скупщикам панты в сыром виде.

Если для продажи пантов их нужно перевозить на более или менее далёкое расстояние, то панты укладывают в сырую траву, иначе вес их значительно уменьшается от высыхания. Сушка пантов производится или полная, или неполная; в последнем случае в Кяхте, как русские, так и китайские купцы платят за панты соответственно меньше и сами досушивают их.

Для сушки употребляют три способа: первый, это сушка в тени на сквозном ветру – употребляемый преимущественно скупщиками китайцами. Способ этот самый медленный и трудный, требующий непрерывного наблюдения, а потому применяемый при небольшом количестве

пантов. При сушке, несмотря на все предосторожности, например, привешивание около пантов тонко нарезанной колеблемой бумаги, несмотря на усердное посыпание пантов крепким нюхательным табаком, мухи и другие насекомые кладут в мягкий пушок яички, из которых выводятся личинки, червячки, иногда значительно портящие панты. Для истребления вредных насекомых и их личинок поражённые места часто осматривают, обметают кисточкой и смазывают керосином. При этом способе чаще, чем при других, шкурка на пантах лопаётся, особенно на оконечностях, там, где она была более всего мягка, нежна, тонка. Во избежание такой порчи при сушке, пантам дают сперва такое положение, чтобы мягкие шишковатые части находились вверху; затем, по мере высыхания, пантам придают постепенно горизонтальное положение и только к концу сушки их держат обратно первоначальному положению.

Второй способ, практикуемый преимущественно по р. Чикю, более предохраняет от повреждения насекомыми, он состоит в следующем: негашеную известь распускают в воде до консистенции сметаны, обмазывают панты равномерно со всех сторон в толщину обуха столового ножа, и сушат также, исключительно в тени, где есть свободный приток свежего воздуха.

Смазывание известью, представляет то неудобство, что шерсть с пантов слезает, а это уменьшает их ценность. Способ этот в последнее время почти вышел из употребления, вследствие того, что несколько лет тому назад большая партия пантов, привезённых в Кяхту Чикойскими скупщиками, была забракована китайцами, так как, по их объяснению, в Кантоне, где преимущественно из пантов приготавливают лекарства, нашли, что известь, употребляемая при сушке, проникая в панты, вредит их целебным свойствам.

Изюбредовы преимущественно долины р. Ингоды употребляют как средство, ускоряющее сушку, обмакивание в кипящий настой чая с солью. В котел на 4 ведра воды кладут $\frac{1}{4}$ – $\frac{1}{2}$ кирпича чаю, 3 фунта соли, около 10 фунтов золы и кипятят; многие же не придерживаются указанной пропорции, а делают все на глаз, стараясь только, чтобы навар чая был «покруче», посолен, отчего вероятно и случается иногда, что рога, вместо того, чтобы затвердеть, раскисают и делаются как кисель.

Зола, которую многие не употребляют, способствует более быстрому затвердению верхней кожицы пантов, а, следовательно, и более быстрой сушке. В кипящий раствор панты опускают на несколько секунд, целиком, если посуда большая и по частям, если котёл или чаша малы; при совсем же малой посуде, панты обливают кипящим раствором из ковша. Так поступают со всеми пантами; затем, когда первый из них уже охладился, повторяют ту же операцию второй, третий и четвёртый раз, после чего панты вывешивают сушить в тени на воздух. Кстати, можно заметить,

что по словам врача Н.В. Кириллова (Кириллов Н.В. Полуодомашненные изюбри Верхнеудинского округа, Известия Восточно-Сибирского отдела Географического общества. т. XX, № 4, стр. 13), жижа, в которую опускают панты, считается целебным средством для истощённых исхудавших субъектов.

Если пантов немного, их сушат у дома под каким-нибудь навесом; если же партия большая, как у крупных изюбредов, или скупщиков, то для сушки пантов делают специально приспособленный сарай со стенками на манер жалюзи и внутри с жердями, к которым подвешивают иногда до 50-60 пар пантов. Сушка пантов требует не только знания, навыка и большого внимания, но и выносливости, особенно при уничтожении насекомых, так как в помещении, где сушится много пантов, и далеко вокруг воздух отвратительный; если во дворе сушат всего 2-3 пары пантов, то и тогда воздух настолько заражён, что дышать им невозможно. Сушка продолжается от 3-х недель до одного месяца, а иногда и более, в зависимости от того в сухое или сырое лето, рано или поздно сняты панты, со старых или молодых особей; панты с молодых изюбрей, особенно же не дозревшие (недоросли) требуют для сушки наибольшего количества времени.

Вес пантов при сушке теряется в зависимости от того раньше или позже были сняты панты, с молодых особей или старых. Если рога сняты «ягодные» – рано, то при сушке из 20 фунтов веса они теряют 11-12 фунтов; средней зрелости теряют половину веса; в среднем потеря будет в 58%, как это видно из прилагаемой таблицы взвешенных мною пантов в сыром виде, а затем по окончании сушки их:

	Вес сырых		Вес сухих	
	пуд.	фун.	пуд	фун.
Первая пара	-	6¼	-	2⅝
Вторая пара	-	8	-	3⅝
Третья пара	-	9	-	3⅝
Четвертая пара	-	10½	-	4¾
Пятая пара	-	14	-	5¾
Шестая пара	-	18½	-	8½
Седьмая пара	-	19	-	8
ИТОГО	2	5¼	-	36⅝

Шестая пара при сушке потеряла в весе сравнительно меньше, так как эти рога были несколько перешедшие; седьмая же пара потеряла в весе сравнительно больше, вследствие того, что панты были «ягодные» ранние.

Цена сырых лобовых пантов разнится от цены спиленных, также существует большая разница в цене между сырыми и сушёными пантами.

В первое время по возникновению изюбредовства, в 40-х годах, панты покупали не взвешивая, а по приблизительному расчёту, за фунт спиленных пантов платили по 1 кирпичу чая, в тоже время за лобовые платили за фунт до 4 кирпичей чая. Затем до 70-х годов цена постепенно поднималась, достигнув до 4 рублей за фунт спиленных и 12 рублей за лобовые. С 70-х годов за отсутствием близких торговых связей с Китаем, где спрос на панты увеличивался, и за отсутствием конкуренции, а главное, вследствие стачки скупщиков, началось падение цен, достигшее к концу 70-х годов (например, по р. Ингоде) до 1 рубля за фунт пантов, вследствие чего многие хозяева нашли не выгодным содержать изюбрей и били их на мясо. В начале же восьмидесятых годов, когда в Верхнеудинске, Чите, Нерчинске и других местах стало увеличиваться число китайских торговцев, занимающихся скупкой пантов, цены начали подниматься, тогда же была установлена продажа пантов на вес и притом цена определялась по весу сырых пантов (который всегда записывался), хотя бы они и продавались высушенными. С этого же времени стало увеличиваться и количество изюбрей, содержащихся в неволе. В половине 80-х годов панты достигли наивысшей цены: спиленные до 8 руб. и лобовые до 12 руб. за фунт, а молодые «недоросли» даже 16 руб. Затем цены начали падать и в настоящее время на внутренних рынках цена на них установилась около 3-4 рублей за лобовые.

В торговле панты разделяются на два сорта: на панты лобовые, т.е., снятые с убитого в лесу зверя с частью черепа и панты срезные или спиленные, т.е., снятые изюбредами с живых полуодомашненных изюбрей. На внутренних рынках те и другие панты обращаются в сыром виде; во внешней же торговле, как сказано, их продают высушенными или недосушенными; последние до отправки в Китай досушивают в Кяхте и других местах.

Панты лобовые снимают промышленники с убитых лесных зверей, или с искалеченных полуодомашненных изюбрей с костью черепа, соединяющей основания рогов, и в таком виде они поступают в продажу. Вес череповой кости считается в 1½ фунта на каждые 20 фун. пантов и сбрасывается с общего их веса. Как лобовые, так и спиленные панты продаются в ближайшие города; большая же часть попадает в руки местных скупщиков, имеющих в каждом районе. Скупщики эти – местные кулаки, мелкие торговцы, которые сами не занимаются изюбредовством, а только скупают и сушат панты; они стараются при помощи своих родственников и подставных скупщиков устанавливать наивозможно низкие цены; для достижения этой цели они распространяют, например, слух, что в Китае на панты нет спроса, с той же целью «задают» под панты товар и даже деньги. Горе тому из мелких продавцов, который осмелится

не сдать панты своему местному патрону; ему за это отомстят отказом купить панты при новых предложениях (по р. Ингоде вся торговля пантами находится в руках Щербаковых).

Вот несколько примеров продажи в 1893 году пантов изюбреводами р. Ингоды местным скупщикам: из с. Татаурова Бобовский продал от 7 изюбрей 77 фун. пантов за 240 руб.; следовательно, средний вес пантов 11 фун., стоимостью несколько более 3 рублей за фунт. Из с. Кадахты Кривонсенко продал от 6 изюбрей 85 фун. пантов за 263 руб., следовательно, средний вес пантов 14 фун., стоимостью 3 рубля 10 копеек за фунт.

На Чикое в том же году Гуляеву продано 20 пар пантов за 1000 руб., т.е. по 50 руб. за пару. Г. Рубинштейн продал 107 пар пантов за 13000 руб., т.е. по 63 руб. за пару. Такие же цены в этом году были и в других местах по Онону, Аленгую и Хилку.

На Алтае, по указанию Г. Головачева, в конце 70-х годов цена на рога марала также пала в 2 и 3 раза, благодаря тому, что торговля рогами была монополизирована двумя торговцами, хотя в то же время спрос на рога в Китае все возрастал.

Затем, благодаря конкуренции, цены возвысились и продолжали увеличиваться до конца 90 г. (Головачёв А.М. О мараловодстве на Алтае. Вестник Императорского Русского Общества Акклиматизации животных и растений 1891 г., стр. 2 и 1).

В последние 7 лет, по сообщению г. Носилова, цены снова пали в два раза, и в этом виноваты не китайцы, у которых, напротив, потребность продолжает возрастать, а бийские скупщики рогов, которые сбили цену. (Носилов Н.П. Путешествие по Алтаю, Новое время, 1896 г., февраль).

Ингодинские скупщики возят панты или чикойским купцам, собирающим большие партии, или чаще сами ездят в Кяхту, для продажи пантов в Маймачин китайцам или русским богатым торговым фирмам.

Чикойские панты скупаются местными купцами, которые продают их китайцам или в Кяхте или фирмам, ведущим торговлю с Китаем, например, Басову, Коковину и др. В Кяхте и Маймачине за лучшие панты платят до 11–12 рублей за фунт спиленных и до 22 рублей за лобовые. Китайцы в Кяхте сортируют панты очень строго: за маленькие панты до 5 фунтов цену назначают ниже; панты от старых изюбрей ценятся в половину, а уродливые вовсе не берутся, но зато лобовые, снятые рано, ценятся вдвое дороже, а те из них, которые красиво развиты и равномерно покрыты гладкой, лоснящейся, густой, бархатной, серебристо-серой шерстью, достигают баснословных цен в 150–200 рублей за пару.

Относительно торговли пантами через Кяхту, первые сведения имеются у Гагемейстера, но они крайне не ясны и не определены. В Китай вывезено, по сложности 1847–1849 годов, струи кабарожьей – 11 478, весом 1773 пудов, рогов изюбревых 709 и сайгачьих 155 127, всего по

объявленной в таможене цене на 47 000 рублей. (Гагемейстер. Статическое обозрение Сибири, 1854 г., ч. 2, стр. 258).

По официальным данным, в 1893 году отпущено через Кяхту в Китай сайгачьих и изюбриных рогов на 25 403 рубля (Сухопутная торговля России с Китаем через Кяхту в 1893 году, «Восточное обозрение», 1894 г., № 52).

Более точные сведения имеются за восемь лет «у г. Носкова, который сообщает, что через Кяхту в Китай было вывезено изюбриных пантов: в 1862 году 507 штук на 17 380 рублей; в 1863 году – 228 штук на 7 481 рублей; в 1864 году 227 штук на 8 372 рубля; в 1865 году 318 штук на 15 717 рублей; в 1866 году 381 штука на 21 280 руб.; в 1867 г. 314 шт. на 15 768 р.; в 1868 г. 134 шт. на 6 341 р.; в 1869 году 360 штук на 15 300 рублей» (Носков Иван. Кяхтинская торговля за последние 8 лет, СПб. 1870 г., стр. 11).

Но кроме продажи пантов в Кяхте некоторые Забайкальцы ежегодно отправляют их в Ургу, как например: мензенские казаки и крестьяне (Троицкосавского Округа), которые сбывают рога китайцам, отчасти на товар, отчасти на наличные деньги. В 1895 году ими привезено в Ургу от 22 до 25 пудов рогов, которые и проданы по 4 рубля за фунт. В обмен мензинцы берут чай байховый и кирпичный, сахар-леденец, чесучу, далембу и пр. (О торговле с Монголией в 1896 году, «Приамурские ведомости», 1897 г., № 184), но иногда продают на китайские деньги, которые в Урге же обменивают на наши кредитки («Станица Мензенская», «Жизнь на восточной окраине», 1897 г. №82). Некоторые из торговцев внутренних рынков, как например, г. Копылов из Краснояровой по р. Чикою, отправил несколько лет тому назад более 100 пар пантов непосредственно в Китай, но неудачно. Г. Лангоцкий из Читы отправил небольшую партию в Благовещенск и также потерпел убыток; объяснить это можно только привычкой китайцев к раз установленному месту торговли в Гуй-Хуа-чене и обычаям аукционной продажи пантов. Есть ещё поразительный, хотя единственный пока случай необыкновенной предприимчивости томских крестьян.

Два русских торговца рогами в сопровождении киргиза проводника везли 4½ месяца свой товар до Гуй-Хуа-чена (Куку-хото), сперва на лошадях, а потом в Монголии на верблюдах. В Гуй-Хуа-чене они прожили около двух месяцев, но рога не продали вследствие низкой цены; купив шесть верблюдов, они через Калган дошли до Пекина; затем отправились в Тянь-цзин, куда прибыли в феврале 1897 года, т.е., спустя 7 месяцев по выходе из Томска. Здесь, как и в других городах Китая, они не нашли покупателей и, заплатив пошлину по 1 лану с кети (китайский фунт), отправились в Кантон – центр торговли пантами («Тянь-цзинь», «Жизнь на восточной окраине», 1897 г., №№ 56 и 62). О результатах этого предприятия нет пока никаких известий.

Панты из Забайкалья скупщиками отправляются в южную Монголию, в западную часть Туймотского аймака, где в 5 тыс. ли (1/2 вер.) на юго-востоке от Кяхты, у южной подошвы хребта Инь-Шань, к северу от изгиба Жёлтой реки (Гоанго), расположен китайский город Гуй-Хуа-чен, по-монгольски называемый Куку – (Хуху) – Хото с 200 тыс. жителей, в котором ежегодно с 15-го числа XI лун. т.е. с 1-го декабря открывается ярмарка изюбриных пантов, называемых по-китайски «Лу-Жун» или «Лу-цзеце». При перевозке пантов в Монголию их обматывают потниками, чтобы предохранить нежную шерсть от слезания, особенно у ранних, самых ценных пантов; других предосторожностей при укупорке не принимают, так как сушеные рога не подвергаются порче.

Забайкальские панты из Кяхты идут по Калганской дороге, и, не доходя до Калгана, сворачивают на Гуй-Хуа-чен. Сюда же привозят панты туркестанские из Нинь-ся, манчжурские из Калгана и Долон-Нора и северной из Ури, Улясутая и Кобдо. На ярмарку всегда привозят панты целыми, иначе китайцы у русских их не покупают; правда, некоторые китайцы в Кяхте и Урге распиливают их для более удобной укупорки, но таких сравнительно немного; их отправляют в южные провинции Китая, помимо названной ярмарки. В Гуй-Хуа-чен панты привозят на верблюдах, вьюком, укупоренными в таком виде: около 20 обмотанных потником пантов складывают так, чтобы они занимали насколько возможно меньше места, затем обвёртывают их войлоком в тюк и зашивают («заширяют») в сырую кожу; такой тюк вкладывают в решётчатый деревянный остов, для того, чтобы при неосторожном развьючивании или вообще при падении с верблюда, тюк не касался земли. Купорят также в ящики около 6½ четв. длины, 5 четв. ширины и 3½ четв. вышины, по стольку пар, поскольку поместится, соблюдая только, чтобы не рознить пары спиленных пантов. К открытию этой, единственной в северном Китае ярмарке, т.е., к началу декабря, съезжаются покупатели пантов через Тянь-цзин, кантонские купцы от 7-8 фирм и из Тай-гу-шань – шань-сийцы. Как те, так и другие приезжие, останавливаются или в «днях» – гостиницах, или чаще в лавках специальных комиссионеров, которых в Гуй-Хуа-чене 7 (Волосатов. О торговле изюбринными рогами. Записки Восточно-Сибирского отдела, 1890 год, т. 1, стр. 137).

Комиссионеры сортируют панты, хлопчут о наивыгоднейшей продаже и т.п.; за все хлопоты они получают 2%, если покупатель и продавец живут в одной лавке; если же панты куплены в другой, то продавец платит 3%, из которых 2% идут в пользу хозяина лавки, где остановился покупатель и 1% в пользу хозяина лавки, где продавец.

Дня за 2-3 до открытия ярмарки, комиссионеры составляют списки продавцов и затем по жребию каждому из них назначают день; если продавцов человек 20, то ярмарка оканчивается в 20 дней; но если в назна-

ченный день продавец не соглашается продать панты по предложенной ему цене, то может торговать в 21 день и т.д.

Такой способ продажи находят для себя удобным и выгодным особенно приезжие, но если торговец не может подчиняться установленным правилам, то при частной продаже, без посредников, всегда проигрывает. Также терпят убытки, опоздавшие ко дню открытия ярмарки. В 1878 году бийские купцы при продаже своей партии пантов не захотели подчиниться установленным обрядам и потеряли 1000 лан, т.е. около 2½ тысяч руб. (Для всех расчётов стоимость лана серебра была принята из среднего за несколько лет в 2 руб. 40 коп., но в последние годы цена лана пала до бывалой цифры 1 руб. 70 коп.)

Сортируют панты в партии от 25 до 40 пар, так как, чтобы в каждой партии были рога всякой величины и качества. Оценщики китайцы при оценке пантов весом их вовсе не руководятся, а только количеством полезного содержимого в каждой паре пантов, что у китайцев называется «дир».

Выше всего вообще ценятся, по указанию Г.Н. Потанина (Г.Н. Потанин. Ярмарка изюбринных рогов в Гуй-Хуа-чене, Известия Восточно-Сибирского Отдела, т. XX, № 4, стр. 18) со слов г. Волосатова, маньчжурские, но их очень мало; затем, по сообщению же самого Волосатова, из Кобдо и Улясутая, также высоко ценят спиленные из Бийского и Минусинского краев, затем Забайкальские или Кяхтинские с шерстью пепельного цвета, и ниже всех ценятся привозимые с запада: из Верного, Или и Тарбагатая; у Туркестанских шерсть на пантах желтоватая.

Вот разница цен по местностям: если партия в 30 пар пантов из Улясутая ценится 800-840 лан, в среднем более 65 руб. за пару, то Забайкальские или Кяхтинские будут стоить 750-780 лан, в среднем более 61 руб., а западные ценятся в 670-700 лан, в среднем более 54 руб. за пару; таким образом, мы видим, что разница в цене пантов от 7 до 10%. Забайкальские ценятся несколько выше средней стоимости; но кроме оценки пантов по местностям, высоко ценят, особенно из Забайкальских, панты лобовые, красивой формы, с тёмно-пепельно-бархатистой ровной шерстью; такие называются у китайцев «ти-шоу» (головка), и ценятся вдвое дороже, а некоторые, особенно красивые экземпляры, по словам г. Волосатова, достигают очень высоких цен. Если в партию попадает 2-3 пары «ти-шоу», то это имеет большое влияние на цену всей партии. Панты же с ободранной кожицей, поломанные, с толстой пустой головкой, с большим окостенением, ценятся вдвое дешевле. Величина пантов не имеет значения, какое им придается у нас: иногда панты с 16 отростками ценятся в два раза дешевле пантов с 8-10 или 12 отростками, которые и по весу в 2 раза меньше. Лобные панты на 20% дороже срезанных, что составляет значительно меньшую разницу в цене, сравнительно с таковою на внутренних рынках.

Торговля или правильнее аукцион, происходит в назначенный день в комиссионной лавке, где выставляются по 1 партии (от 25 до 40 пар) пантов; сюда собираются покупатели и после тщательного осмотра товара каждый из них предлагает цену продавцу посредством знаков, которые он делает секретно на руке продавца, взявши её в свой длинный рукав; кто предлагает большую цену, тому и продают партию пантов. Цены, назначаемые разными покупателями, также мало расходятся между собой, как и цены, назначаемые оценщиками. За первой партией выставляется для продажи вторая и т.д., но если в этот день хозяин ничего не продаст, то ему назначают новый день, но после всех уже записанных продавцов и приехавших на ярмарку.

В 1886 году, на ярмарке в Гуй-Хуа-чене, было продано всего 4000 пар пантов, почти на 300 000 руб. – цифра, около которой незначительно колеблется ежегодный привоз; средние панты проданы по 28, 2 лана (28 лан 2 цана) за пару, т.е. более 67 руб., из 4000 пар рогов, лучших «тишоу» – головки 51 пара проданы (в 6 партиях) за 3120 лан, в среднем по 61,4 лан, т.е. более 146 руб. за пару; из числа этих 6 партий одна, в 10 пар, особенно выделяется по своей ценности; из таких партий отдельные пары достигают баснословных цен 600 и более руб. За последние годы в среднем партия пантов в 30-40 пар продавались от 800 до 1000 лан серебром, т.е. от 60 до 65 руб. за пару, что считается очень выгодным.

На ярмарке 1886 года, русской фирмой Басова и Коковина продано 685 пар пантов, из них 306 пар туркестанских за 8410 лан серебра, в среднем стоимостью около 66 руб. и забайкальских 379 пар, из которых $\frac{2}{3}$ спиленных и $\frac{1}{3}$ лобовых или «столбовых», продано за 10 375 лан, в среднем также около 66 руб. за пару; при этом не считаются расходы, более 400 руб., на угощение покупателей и посредников, по размену денег и потеря в курсе. Кроме этой главной русской фирмы, по собранным мною сведениям, китайцы из одной только Кяхты ежегодно привозят на ярмарку от 1000 до 1500 пар пантов, следовательно, китайцами скупается пантов в 3-4 раза больше, нежели русскими.

При продаже пантов, по установленному обычаю, днём покупателей угощают сладостями, вином и опиумом, а после продажи вечером как покупателей, так маклеров и служащих в лавке угощают в гостинице обедом с вином, опиумом и певичами; кушанья заказывают по желанию гостей, причем полагается угощать за каждую проданную партию 25-40 пар не более 6-7 человек за столом, что обходится в 15 лан, т.е. более 35 руб.

Кантонские купцы, купив панты, распиливают их на куски, для более удобной укупорки, за исключением дорогих, красивых лобовых. Так как при укупорке кусков не делают различия между лобовыми и спиленными, да и разница в цене на них ничтожна, сравнительно с разницей на наших внутренних рынках, где она доходит до 50%, то можно с уверенностью сказать, что низкая цена спиленных пантов есть реши-

тельно ни на чём не основанный предрассудок, который не только охотно поддерживается, но из-за выгод раздувается торговцами на наших внутренних рынках.

Из Гуй-Хуа-чена панты отправляются до Тянь-цзина на мулах, откуда с открытием навигации на пароходах через Шанхай и Гоанкот в Кантон, что обходится с пошлинами и другими накладными расходами от 6 до 7 лан на пару. По словам Кантонских купцов, панты продают, как в Гуй-Хуа-чене, при помощи комиссионеров публично на ярмарке, которая устраивается в Ш луе, т.е. в марте.

О торговле пантами на кантонской ярмарке, к крайнему сожалению, нет решительно никаких сведений, – сколько всего продаётся пантов и по каким ценам. Проследив обороты по торговле пантами, мы видим, что каждая пара пантов проходит через 5 или 6 посредников-торговцев, из которых каждый имеет хорошую прибыль.

Торговля пантами может принести гораздо большую пользу изюброводам Забайкалья, нежели в настоящее время, но для этого нужно, чтобы русские торговцы взяли в свои руки всю торговлю пантами сперва в Забайкалье, а потом в Западной Сибири и на Амуре, где манзы, особенно в Южно-Уссурийском крае, скупают панты у гольдов и орочен (Крюков Н.А. Переселение русских людей в Уссурийский край в связи с заселением Амура, Приамурская Ведомость, 1894 г., № 22, стр. 10), и направляют не через Кяхту на ярмарку в Гуй-Хуа-чен и далее сухим путем, а по железной дороге на Владивосток, а затем морским путем до Кантона.

Перевозка указанным путём сама по себе уже даёт огромную выгоду предпринимателям, если же присчитать плату посредникам китайским торговцам, расплату за угощение и т.д., то выгода от этой торговли будет громадна, что, несомненно окажет, в свою очередь, большое влияние на усиление изюброводства как в Забайкалье, так и в других местах Сибири.

Интересно узнать, что делают китайцы с пантами, которые везут к ним из Приморской области, Уссурийского края, с Алтая и из Семиречья.

Китайцы верят, что содержимое пантов, состоящее из студенистого вещества, но по консистенции и цвету напоминающее кровяной сгусток, – имеет свойство восстанавливать упавшие силы человека, особенно же помогает от истощения после родов и способствует отделению послеродового последа. В некоторых южных провинциях Китая, с сырым климатом и болотистой почвой, женщины особенно страдают кровотечениями, которые излечиваются эссенцией, добываемой из пантов. В связи с целебной силой, приписываемой пантам в Китае, существует обычай включать в приданное каждой девушке, хотя бы кусочек пантов, а богатые люди платят тысячи за красивые, целые рога с лобной костью, которую обделывают серебром или золотом, и в таком виде панты дают в приданное при выдаче дочерей замуж, как эмблему плодородия. В юж-

ном Китае из пантов аптекари готовят лекарства в виде вытяжки и мелкого порошка. В Чите у одного китайца я видел такой порошок, он употребляет его от упадка сил, в очень малых дозах в смеси с водой. Для получения порошка сушёные панты распиливают на тонкие пластинки, подсушивают их на сковороде и толкут. Некоторые смотрят на употребление китайцами пантов, как на предрассудок, но скорее можно смотреть на эти средства как на прототип терапевтического метода Броун Секара (Мараловодство на Алтае. «Сибирский вестник», 1893 г. № 120, стр. 2). Во всяком случае, окончательный приговор можно будет произнести после тщательного фармакологического исследования пантов. С уверенностью можно утверждать только, что установившееся у нас мнение, что китайцы употребляют панты, как конфертатив, — не верно; для этой цели они употребляют половой член изюбря «пырку», за который скупщики платят нашим промышленникам по 1 фунту чая и 1 фунту сахара; крестьянам также известен этот конфертатив.

В Забайкалье, в местностях, где разводят изюбрей, содержимое пантов употребляют как лекарство не только крестьяне, но некоторые фельдшера. Мы видели, какую большую цену в глазах страдающих истощением сил имеет кровь, вытекающая при спиливании пантов; как лекарство, в деревнях употребляют также маленькие рожки или испорченные панты, не имеющие цены на рынках. Высушенные панты подсушивают в печи и затем толкут или превращают в порошок при помощи рашпиля. Порошок принимают, распуская его в воде и чае, иногда перед употреблением распаривают его в печи. Лечат содержимым пантов не только истощённые организмы, но и при трудных родах, от поноса, особенно детей, а иногда от той же болезни лечат и скот. На Алтае сами мараловоды употребляют такие рога как лекарство, а некоторые утверждают, что при употреблении их замечательно скоро срастаются переломы костей («Мараловодство на Алтае», «Сибирский вестник», 1893 г., № 120, стр. 2). Кроме того, в народной медицине окостеневший рог изюбря употребляется при лечении детей от поноса, в тибетской же медицине, по указанию врача Н.В. Кириллова, порошок жжёного рога употребляется выздоравливающими после трудных болезней.

Посмотрим теперь, как велик вообще доход, получаемый от изюбрей Забайкалья и в частности от содержимых в неволе. На основании статистических данных, собранных по 1894 год Забайкальским Отделом Императорского Общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты, и по личным расспросным сведениям, можно прийти к следующим заключениям. Всего в Области содержится около 1000 изюбрей, стоимостью в 50 тысяч рублей, считая быка в 40-80 рублей и матки 20-30 рублей, а в среднем 50 рублей (На Алтае у изюброводов самец ценится в 200 рублей, самка в 10 рублей), так как маток и телят ничтожное количество. Пантов от 1 тысячи домашних и 2 тысячи,

убиваемых диких изюбрей, продается более 2-х тысяч пар (причем лобовых несколько больше, нежели спиленных), при средней стоимости пантов в 40 руб., всего на 80 тыс. руб.

Мясо изюбрей, которых убивают более 2 тыс. штук – очень вкусно, особенно летом и осенью, а мясо молодых телят и печень считаются самым вкусным, лакомым блюдом. Мясо старых домашних изюбрей, откармливаемых на убой, жирнее, нежели у диких и считается гораздо вкуснее.

Быки весят 10-14 и даже 15 пудов, самки от 5 до 7 пудов и кроме того дают до 1 пуда жиру. Принимая средний вес изюбря в 10 пудов и цену мяса в 2 рубля, а жир в 4 рубля получим стоимость мяса и жира в 44 тыс. рублей. Сырые шкуры больших быков продаются от 4 руб. 50 коп. до 7 руб., а маток от 3-х до 4-х рублей. Принимая среднюю цену шкуры в 5 рублей, стоимость 2 тысяч шкур выразится в 10 тысяч рублей.

Шкура имеет лучшие достоинства осенью в сентябре и в начале октября, когда она покрыта короткой шерстью и начинает «борловеть». Летняя июньская шкура считается также хорошей, она, хотя тонка, но прочна; весенняя же шкура всегда со свищами от оводов и цены не имеет. Шкуры выделывают или с шерстью или без шерсти; выделка стоит 2-3 рубля.

Выделкой на замшу занимаются орочены, буряты и русские (описание пяти способов выделки шкур на займку и одного с шерстью, помещаем в приложении), лучшей считается «половинка», выделываемая ороченами и бурятами. Орочены выделывают шкуры ради удобства по половинке, разрезая шкуру вдоль хребта. Русские же крестьяне и буряты выделывают шкуры изюбря целыми, шкуры эти называются «лосина», а выделанная шкура сохатого (лося) «сохатинная» – название, уцелевшее вероятно со времени обязательной заготовки по указу Императора Павла лосин для брюк некоторых конных частей войска, благодаря чему в Сибири истреблено огромное количество лосей и изюбрей (Брем А. Жизнь животных, т. 2, стр. 422).

Из шкур, выделанных с шерстью, готовят очень теплые дохи (шерсть наружу), штаны (шерсть внутрь); из шкур лап, покрытых довольно длинной шерстью (выделка стоит 25 коп. за штуку), шьют «унты» – очень тёплую лёгкую и удобную обувь (5-6 пар лап на пару унтов), кроме того шкурами изюбрей орочены закрывают юрты, обтягивают лыжи. Из осенней, более толстой замши, готовят верёвки, ремни, узды, шлеи; этими кожами обтягивают и бубны шаманов. Из более тонких шкур шьют куртки («надевашки»), иногда пиджаки, штаны, рукавицы (выходит 16 пар по 1 руб. 25 коп. и по 1 руб. 50 коп. за пару).

Это платье отличается необыкновенной прочностью, лёгкостью, вымокшая одежда после просушки и проминания принимает прежний вид; от грязи легко очищается. Из твёрдых рогов, разрезанных на куски и рас-

паренных в течение суток в печи, получают почти белый прозрачный хороший клей. Кроме того из рогов иногда делают рукоятки для ножей и некоторые охотничьи принадлежности.

На основании изложенного, валовой доход от домашних и диких изюбрей можно оценить в 200 тысяч рублей; эта цифра будет гораздо ниже действительной, так как торговля пантами не поддается регистрации: кроме Кяхты панты перевозятся в Китай по всей южной границе Забайкалья. (Желвицкий Н. Нерчинско-Заводской округ Забайкальской области, Приамурские ведомости 1895 г., № 73, стр. 16). Изюбредовство в настоящее время служит только подспорьем, но при рациональной постановке этой интересной отрасли животноводства она может сделаться значительно выгоднее, особенно в тех отдаленных от тракта местностях, где корм дешевле и не имеет сбыта.

Рассмотрим теперь причины, мешающие развитию изюбредовства. Изюбри, как домашние животные, подвержены эпизоотиям и главным образом сибирской язве. В 1872 году в первый раз замечена была у изюбрей сибирская язва, губившая их с марта по май. В этом году она перешла из Монголии и в июне погубила в Забайкалье огромное количество лошадей и рогатого скота. Тогда же изюбри дошли и в тайге; охотники не один раз находили трупы пропавших зверей. При заболевании животного сибирской язвой, глаза его делаются мутными, изо рта идет пена, из носой, болезнь длится неделю, после чего наступает смерть.

Некоторые изюбредовы, как например, Кривоносенко из с. Кадахты (по р. Ингоде) лечил животных и принимал меры предосторожности: давал в корм более соли, слабительное, разрезал вдоль язык и вставлял заволоку; благодаря принятым мерам у него из 7 голов пал только 1 бык. У большинства же хозяев по Ингоде погибли почти все изюбри: у братьев Григорьевых в Арте (по Ингоде) погибло, например, все стадо в 30 голов. В 1886 году падеж по Ингоде был слабее, нежели в 1872 г. но по Чикою более силен, нежели в предыдущий. У Рубинштейна в селении Захарьевском Урлукской волости (ныне Коротковской) погибло все стадо из 40 быков и 26 маток, в этом стаде были несколько голов изюбрей, родившихся от домашних в третьем поколении. По Чикою в 1886 году пало много домашних изюбрей, особенно в Коротковской волости (Правила «О побочных пользованиях в казенных лесах Приамурского края», «Забайкальские Областные Ведомости», 1893 г., № 32, стр. 6). Но болезни имели влияние только на временное сокращение изюбредовства; более же существенный вред нанесен этому промыслу циркуляром, изданным администрацией в 1893 году о безусловном воспрещении ловли зверей посредством ям. По Чикою и Ингоде охоты на изюбрей по насту не существует, и ямы остаются единственным способом ловли для пополнения изюбредников новыми особями, а потому вопрос о запрещении ям следует рассмотреть несколько подробнее.

Запрещение ловли зверей при помощи ям настолько было неожиданно и непонятно для изюбредов долины р. Ингоды, что они поняли циркуляр (Кириллов Н.В. «Чикойский район», Охотничья газета, 1892 г., № 37) как требование выпустить всех изюбрей, содержащихся в неволе. Эта мера вообще вызвала большое неудовольствие среди крестьян, так как она лишила более тысячи человек чрезвычайно выгодного промысла и причинила прямой убыток тем хозяевам, которые устроили новые ямы в 1893 году.

Не отвергая мнения о вреде ловли животных ямами, особенно губительной для коз, я считаю такой взгляд преувеличенным. Дурной приговор за ямами, отчего в них погибают животные, встречается, как исключение; в большинстве же случаев расчётливые сибиряки зорко следят за ямами, так как делая большие затраты на их устройство, стараются извлечь наибольшую выгоду. Другой мотив, послуживший поводом для запрещения ям – это сохранение лесов; он не выдерживает критики и указывает только на полное незнакомство с делом тех лиц, которые решали вопрос. Ямы несколько не вредят лесу, так как никогда не делаются близ деревьев и, следовательно, не могут обнажать их корни. Напротив существование ям косвенным образом способствует сохранению лесов от пожаров, так как побуждает зверовщиков и вообще крестьян, осторожнее обращаться с огнём: в обгорелом месте ни зверь, ни коза не водятся и лесной пожар принёс бы прямой убыток хозяину ям. Теперь же пожары должны усилиться, так как одной из побудительных причин к осторожности стало меньше.

Безусловное запрещение ям имеет ещё более вредное последствие, оно задерживает расселение жителей по новым таёжным местам при помощи, так называемых, заимок, около которых иногда, мало-помалу, образуются целые поселения.

На заимках хозяева живут круглый год со скотом и табунами лошадей, благодаря сравнительно обильным выгонам и сенокосным местам и отчасти ради привольной охоты.

Со времени запрещения ям, в течение 4-х лет таких заимок исчезло в Забайкалье множество. Укажем несколько примеров: на верхнем Чикое от р. Бургечи до р. Жиргея, где 4 года назад было 8 заимок, к концу 1897 года не осталось ни одной, все хозяева, державшие на заимках 15 изюбрей, перебили их, а сами выкочевали в свои селения на средний Чикой, и теперь на протяжении около 100 вёрст по зимнему Чикойско-Ононскому тракту нет ни одной тёплой избы. Далее, по тому же тракту, на таком же протяжении от Янинского улуса на устье р. Бургой до Букукунской станицы, бывшие ранее 2 заимки также уничтожены. Внезапное запрещение ям застало изюбредство в таком положении: во дворах держали преимущественно самцов, дающих панты и всего 5-10% самок; при этом никто не думал о размножении изюбрей, как домашней поро-

ды. В результате запрещения, через 4 года, как оказалось, по проверке, сделанной в конце 1897 года по реке Ингоде число домашних изюбрей уменьшилось сравнительно с данными 1893 года на 1/3; например, в Танге, в центре изюбредводства из 102 изюбрей, бывших в 1893 году теперь около 70, а у некоторых хозяев изюбредводство совершенно прекратилось. И чем дольше будет оставаться в таком же положении эта созданная самим народом отрасль животноводства, тем более она будет падать, так как оставшиеся быки устареют и будут перебиты на мясо, а поймать новых и приобрести самок – нет никакой возможности.

Чтобы спасти от неминуемой гибели полезную отрасль хозяйства, необходимо ходатайствовать о разрешении иметь ямы, обложенные хотя бы пошпиной, и с обязательством пойманных в ямы изюбрей не убивать, а содержать в изюбрятниках, или продавать; как это и раньше практиковалось, теми, кто занимался их разведением. Затем «ямщиков» можно обязать закрывать ямы только в период пантовки и раскрывать на лето, в период размножения и т.д.

Регулирование этого полезного промысла должен взять на себя Забайкальский Отдел охоты: это тем более необходимо, что количество диких изюбрей быстро уменьшается, вследствие лесных пожаров, истребления лесов для нужд железной дороги, особенно по реке Ингоде.

В настоящее время вполне своевременно поднять вопрос об устройстве образцового изюбрятника, или опытной станции, которая имела бы своей задачей:

1. Выработку с помощью искусственного подбора вполне прирученной породы изюбрей, отвечающей тем промышленным целям, ради которых их теперь держат, т.е. породы с наиболее развитыми пантами, крупной и плодovitой.
2. Распространение среди изюбредводов рациональных приёмов ухода за изюбрями и пользование продуктами промысла.
3. Распространение улучшенной породы при помощи случного пункта и продажи племенных животных.
4. Посредничество или, по крайней мере, содействие местным изюбреводам в наиболее выгодном сбыте пантов.

На этой же станции могут быть разрешены и некоторые научные вопросы, как, например, точное определение двух, а может быть и трёх разновидностей Забайкальского благородного оленя и т.д.

Первоначальное устройство станции потребует довольно значительных средств. Если же её соединить со станцией для улучшения местной породы лошадей и рогатого скота, то можно рассчитывать на получение от правительства пособия. Дальнейшее существование станции может быть оплачено обложением ловли изюбрей ямами, причём, могут быть обложены или сами ямы, или каждый вновь пойманный зверь. Подобное

обложение в пользу учреждения, преследующего общепользные цели, может быть установлено властью Генерал-Губернатора.

Что касается выбора места для станции, то первую лучше всего устроить в г. Чите, как центральном месте области, куда чаще всего приезжают крестьяне из всех местностей Забайкалья и где, скорее всего, они могут увидеть приёмы ухода, выработанные на станции, и навести справки и получить указания от заведующего станцией.

Организовать образцовое предприятие возможно при Читинском Отделении Приамурского Отдела Императорского Русского Географического Общества, владеющим небольшим участком земли в черте города, имеющим в г. Чите более 150 членов человек и обширные связи со всем Забайкальем.

Таблица

**Количество изюбрей,
содержимых в неволе в Забайкальской области**

По округам	Пойманных в ямы		Домашний приплод		ИТОГО
	самцы	самки	самцы	самки	
1	2	3	4	5	6
Читинскому	149	41	44	26	260
Верхнеудинскому	574	-	-	-	574
Селенгинскому	16	-	-	-	16
Троицкосавскому	79	-	-	-	79
Баргузинскому	3	-	-	-	3
Акшинскому	30	9	-	3	42
Нерчинско-Заводскому	1	-	-	-	1
ВСЕГО	852	50	44	29	975
по Читинскому округу в следующих селениях:					
Новые ключи					
Климов Сидор	1				
Трофимов Федор	1				
Трофимов Евстафий	1				
Акушеувский Андрей	1				
Ново-Салиевское					
Косыгин Ерофей	1				
Худяков Василий	1				

Продолжение таблицы

Худяков Степан	1				
Тангинское					
Кривоносенко Самойло	-	1			
Скубиев Емельян	1	1			
Старчаков Евграф	1	1	2	2	
Старчаков Василий	2	-	-	-	
Писаренков Евграф	2	2	6	3	
Писаренковы Семен, Василий	-	-	6	1	
Нескормных Николай	2	-	3	3	
Голубев Зиновий	1	1	1	1	
Нескромных Осип	-	1	1	-	
Калашников Андрей	1	1	3	1	
Калашников Михаил	1	1	6	2	
Середин Никифор	1	-	2	1	
Днепровский Николай	1	1	1	2	
Писаренков Яков	1	-	-	-	
Щербаков	1	1	2	2	
Житников	1	1	-	-	
Днепровский Родион	1	1	2	1	
Богодухов Иван	1	1	1	-	
Старчаков Федор	-	-	2	-	
Калашников Федот	2	1	1	-	
Писаренков Александр	2	1	-	-	
Ново-Павловское					
Куприянов Гаврило	1	1	2	-	
Кузьмин Василий	3	-	-	-	
Кузьмин Афанасий	2	-	-	-	
Климов Александр	3	-	-	-	
Климов Тит	3	1	1	1	
Климов Савватий	2	1	-	1	
Якушев Алфер	1	-	-	-	
Бамов Михаил	1	-	-	-	
Осипов Анфим	1	-	-	-	

Продолжение таблицы

Кузьмин Карп	1	-	-	-	
Урино или Шехалан					
Горлачев Евстигней	2	-	-	-	
Макаренко Александр	2	-	-	-	
Карпов Федот	3	2	-	-	
Дешулан					
Капустин Кирьян	3	1	-	-	
Капустин Агний	1	1	-	-	
Коновалов Петр	2	1	-	-	
Капустин Трофим	1	1	-	-	
Старые ключи					
Горунов Порфирий	1	-	-	-	
Горунов Гаврило	1	-	-	-	
Горунов Иван	1	-	-	-	
Николаевское					
Григорьев Елизар	1	1	-	-	
Григорьев Павел	2	1	-	-	
№№	1	-	-	-	
Гарика					
Шевченков Семен	1	-	-	-	
Шальгин Иван	1	-	-	-	
Зверобоев Дмитрий	1	-	-	-	
Утюжников Ефим	3	1	-	-	
Зверобоев Руф	1	-	-	-	
Утюжников Елизар	3	-	-	-	
Гарикцан					
Молчанов Ефим	1	-	-	-	
Ефимов Роман	-	2	-	1	
Буянов Сергей	-	1	-	-	
Днепровский Абрам	1	1	1	-	
Днепровский Ларион	1	1	-	1	

Продолжение таблицы

Доронинское					
Черников Михаил	3	-	-	-	
Стромилов Дорофей	2	-	-	-	
Носырев Иван	2	-	-	-	
Кузьмин Никифор	2	-	-	-	
Аблатукан					
Волков Федор	1	-	-	-	
Маркевич Дмитрий	1	1	-	1	
Маркевич Андрей	1	-	-	-	
Лазебный Ануфрий	1	2	-	-	
Балшикин Андрей	2	-	-	-	
Писаренко Егор	-	1	-	-	
На заимках по Нижнему и Верхнему Жаргею	19	-	-	-	
Чункурук					
Панов Владимир	1	-	-	-	
Артинское					
Сименов	1	1	-	1	
Просянков	1	-	-	-	
Непомнящий	1	-	-	-	
Бродягин	1	-	-	-	
Коноплев	1	-	-	-	
Горковенко	1	1	-	-	
Улетуевское					
Середин Ефрем	1	-	-	-	
Середин Егор	2	-	-	-	
Хадактинское					
Кривоносенко Алексей	6	2	-	-	
Захаров	1	-	-	-	
Черёмухово					

Продолжение таблицы

№№	2	-	-	-	
Татаурово					
Бобовский Григорий	6	1	1	1	
Старо-Кукинское					
Нескромный Аким	1	-	-	-	
Елизаветино					
Щербаков Василий	1	-	-	-	
Новотроицкое					
Мешкелеев	3	-	-	-	
Тыргетуевское					
Рыбаков	2	1	-	-	
Ланцев	2	-	-	-	
ИТОГО	149	41	44	26	260
По Верхнеудинскому округу					
Кульская волость	2	-	-	-	
Петровско-Заводская	1	-	-	-	
Брянская	3	-	-	-	
Никольская	2	-	-	-	
Мальтинская	5	-	-	-	
Нижнеларинская	13	-	-	-	
Байхорская	34	-	-	-	
Красноярская	212	-	-	-	
Коротковская	236	-	-	-	
Укырь-Шондуйская	66	-	-	-	
ИТОГО	574	-	-	-	574
По Селенгинскому округу					
Турунтаевская волость	6	-	-	-	

Продолжение таблицы

Багуринская	10	-	-	-	
ИТОГО	16	-	-		16
По Троицкосавскому округу					
Цакирская станица	4	-	-	-	
Мензинская	75	-	-	-	
ИТОГО	79	-	-	-	79
По Баргузинскому округу					
Читчанская волость	2	-	-	-	
Горячинская	1	-	-	-	
ИТОГО	3	-	-	-	3
По Акшинскому округу					
Акшинской станицы	2	-	-	-	
Букукунский поселок					
Казанцев Яков	7	6	-	3	
Казанцев Семен	3	3	-	-	
Шеломенцев Фотий	2	-	-	-	
Забелин Прокопий	2	-	-	-	
Шульгин Андрей	2	-	-	-	
Шульгин Афанасий	1	-	-	-	
Алтанский поселок					
Забелин Владимир	1	-	-	-	
Зоральгайская станица	1	-	-	-	
Мангутский поселок	3	-	-	-	
Нарасунский поселок					
Перфирьев Феофилакт	3	-	-	-	

Нижне-Улькунский поселок	1	-	-	-	
Верхне-Улькунский поселок	2	-	-	-	
ИТОГО	30	9	-	3	42
По Нерчинско-Заводскому округу					
Усть-Уровская станица	1	-	-	-	
ИТОГО	1	-	-	-	1
ВСЕГО	852	50	44	29	975

СПОСОБЫ ВЫДЕЛКИ КОЖ ИЗЮБРЕЙ

1-й способ выделки кож бурят Агенского ведомства

Кожу мочат дня 3 в холодной воде; снимают шерсть чем-нибудь острым; мнут дня два, замазывая и вытягивая кожу на оси (которая укреплена вертикально неподвижно), называемой «Ирьюлган». Кожу мнут и другим способом, как коноплю, т.е. в корыте, – «тальки»; затем кладут в жидкость, выжимаемую из свежей арцы; держат в этой очень кислой жидкости дня 4-5, пока кожа не пропитается; затем кожу отжимают, мнут от 2 до 3 дней на «тальки» до тех пор, пока она не высохнет; готовят из овечьего молока с слегка сваренной печенкой за кислую массу, которую употребляют дней через 5, намазывая 1 раз кожу с внутренней стороны, затем мнут от 1 до 2 дней, пока не высохнет. Если кожа несколько жестка, то ее намазывают овечьим молоком или мозгом (овечьим или скотским) и мнут, пока кожа не высохнет. Так выделывают с мая по сентябрь.

2-й способ выделки кожи крестьян Ингоды

Сухую кожу изюбря размачивают в воде дня 3-4, тупым ножом соскабливают шерсть «с личком» (а где «личко» не соскоблишь, то место не промнешь), мнут кожу крюком 1 день, ничем не намазывая; чтобы выгнать сырость, намазывают мылом, держат так ночь и мнут один день на крюке. Сухое семя толочь, смешать с молоком, намазать кожу, как бурдюком, свернуть, дать полежать одни сутки и мять 1 день. Намазать пе-

чѐнкой варѐной в воде и растѐртой с молоком, намазать, продержать ночь, мять несколько часов; затем дымить около часа, пока не пожелтеет.

3-й способ выделки кожи, списанный буквально

у одного из крестьян деревни Татаурово, по р. Ингоде.

«Половинка». Сперва должно кожу размочить в холодной воде, держать в ней дня 4-5, можно даже и семь дней; потом снять бахраму, а затем мыть и дать подсохнуть, после этого мять на гребне и крюком мять можно и ногами, как коноплю. Мять следует пока можно. Затем нужно столочь семя как можно шибче, и развести водой маленько холоднее кипятку, – развести, так как делают для маканья блинов, – и мазать кожу по лицу, положить её завёрнутую какой-нибудь одежей и дать лежать, пока подсохнет, причѐм нужно время от времени переворачивать. Когда подсохнет, то можно потоптать ногами и мять на гребне и крюком досуха; потом на кожу с изюбрей лет двух, трёх нужно взять $\frac{1}{2}$ ф. мыла, настругать как стружку мелко, налить в мыло горячей воды и бить голлом в кадучке, потом развести холоднее – как только может терпеть рука. Воды нужно на такую кожу 1 ведро. В кадучку с мыльной водой положить кожу и поставить на ночь повыше в теплое место. Утром кожу выкрутить, высушить и мять и сушить досуха.

При этом нужно ни чем её не мазать. Наконец, кожу нужно «дымить».

4-й способ выделки кожи у Чикойских крестьян

Сухую кожу мочат в свежей воде дней 18, свежеснятую дней 15. Снимают шерсть, лижут обухом литовки, потом морозят и мажут молоком, сваренным с печѐнкой, или молочной пенкой. Мнут крюком, как овчины. Затем в деревянную посуду наливают ведро молока на большую кожу и держат трое суток. Затем вынимают, подсушивают и мнут крюком и руками, время от времени натягивая, когда просохнет; растворяют $2\frac{1}{2}$ ф. мыла в 1 ведре воды и кладут кожу в раствор. Лежит она трое суток, причѐм утром и вечером её перебирают, чтобы мыльная вода прошла по всей коже. Затем развешивают, просушивают, причѐм мнут и притягивают.

5-й способ выделки шкур у Ононских казаков

Намачивают кожу в воде, пока она размякнет; потом растягивают на козлах и соскабливают шерсть обухом литовки, проходя и по мездре, чтобы снять плѐнки и выровнять. Мажут тарабаганьим жиром (1 ф. жира на бычью кожу) и мнут.

Развешивают на верѐвках. Затем берут нарост с лиственницы (губа), толкут в ступе и порошок всыпают в ушат (стакан на кожу), наливают водой и спенивают, кладут кожу в корыто, обливают этой пенистой жидкостью и держат дня 3; кожа получается белая, продымленная, жѐлтая, буроватая. Можно окрашивать лиственничной корой.

6-й способ выделки изюбринных кож и лап с шерстью

С вечера сухую кожу намачивают с мездры (бахрама) жидким бурдюком, т.е. яричной закваской, разведённой водой, и сворачивают в 8 раз мехом вверх; утром проделывают то же самое. Вечером на следующий день натирают густым бурдюком, сворачивают и держат трое суток, по временам натирая тем же, чтобы вся кожа равномерно промазалась. Морозят, а оттаявши, проминают крюком. Затем промазывают простоквашей, морозят и проминают. Смазывают молоком с мылом и держат трое суток; опять морозят и проминают, потом выглаживают мездру литовкой, дымят и, наконец, после дыму смазывают молоком, сваренным с печенкой.

От редактора:

Данная работа напечатана на основании статьи «Изюбринный промысел и разведение изюбры в Забайкальской области», изданной в 1898 году типографией П.А. Бадмаева и К» в III-м выпуске Записок Читинского отделения Приамурского отдела ИРГО. Мы отказались от полного копирования старой орфографии текста, но это не сказалось на содержании материала.

СОЛОВЬЁВ
Дмитрий Константинович
(1886-1931)

Дмитрий Константинович Соловьёв, выдающийся деятель охотоведения, родился 3 ноября 1886 года в семье петербургского инженера-чиновника. После Тенишевского реального училища Д. Соловьёв в 1902 году поступил в знаменитое частное реальное училище К. Мая, а в 1907 году стал студентом Петербургского университета (биология). Уже в 1908 году он был участником экспедиции В.В. Сапожникова по Северо-Западной Монголии. В 1910 году сам организовал этнографическую экспедицию на Дальний Восток, в 1911 году изучал быт кочевых саамов на Кольском полуострове. В 1912 году – окончил университет и поступил на службу в Департамент земледелия, где работал А.А. Силантьев.

В 1913 году Д.К. Соловьёв совершил этнографическую экспедицию на Амур. Затем с июля 1914 года в течение 20 месяцев изучал состояние соболиного промысла, будучи руководителем экспедиции в Саянах. Труды этой экспедиции были подготовлены в начале 1917 года, но увидели свет только в 1920 году. В этом отчёте Д.К. Соловьёв основательно описал состояние пантового оленеводства в Енисейской губернии. В 1918-1919 гг. он возглавлял Отдел истребления хищников в Секции охоты Петросовнархоза. В 1923 году Д.К. Соловьёв вышел из состава руководства Союза охотников и сосредоточился на преподавательской и научной работе: его работа в пяти томах «Основы охотоведения» (1922-1929 гг.) является фундаментальной и относится к классике охотоведения до сих пор.

В августе 1931 года Дмитрий Константинович умер и похоронен в Ленинграде.

Материалы Д.К. Соловьёва о развитии пантового оленеводства в Енисейской губернии совершенно неизвестны современным мараловодам России.

МАРАЛОВОДСТВО

Мараловодство, разумея под этим содержание маралов сельскими хозяевами с целью получения от самцов рогов (пантов), в исследованной местности возникло в конце XIX столетия, будучи занесённым сюда с соседнего Алтая.

Минусинские промышленники-охотники, а затем, главным образом усинские староверы, познакомившись с содержанием маралов в неволе на Алтае, стали заводить то же самое и у себя. Здесь интересным является тот факт, что минусинцы первые познакомились с мараловодством, однако не сумели или не желали, по невыгодности для себя этого дела, развить его, и мараловодство у них не получило характера отдельной организованной отрасли сельского хозяйства, какою оно является ныне в Усинском крае. Но с того времени, как мараловодство упрочилось в Усинском крае и выгода этого занятия определилась, минусинцы вновь обратились к мараловодству, в особенности та часть населения, которая включена в Кнышенскую, Никольскую и Паначевскую волости; занимаются мараловодством здесь, главным образом, староверы.

Первые маральники завели «кержаки» с заимки Теренса, расположенной на границе Томской и Енисейской губерний, в полосе Кузнецкого и Минусинского округов (уездов), по речке Теренсе (приток Томи), где вершина реки Теренсы сходится с вершиной реки Уйбат (приток реки Абакана).

«Кержаков» заимки Теренса часто посещали многие минусинские староверы, которые поддерживали с ними религиозное общение, обмениваясь также и хозяйственными интересами. Опыт староверов заимки Теренсы с приручением или, вернее, содержанием пойманных на воле маралов у себя при скотном дворе и со спиливанием в известное время ценных рогов для продажи их китайцам заинтересовал некоторых сельчан-минусинцев, и они стали пробовать завести у себя то же самое. От них эту идею переняли усинцы-староверы и применили, а также и развили её шире и глубже, чем минусинцы.

Однако у усинцев для этого были более благоприятные условия и в отношении земельного удобства и простора и в отношении доставки пойманных маралов из тайги к себе. Близость поселения и место, отведенного или занятого под маральник, позволяли усинцам легче справляться со сложным делом доставки пойманного марала из лесной местности в своё хозяйство. Так же усинцам в мараловодстве благоприятствовало и соседство этого края с Монголией, через которую наезжали к ним китайцы, покупатели «пантов» (Панты играют важную роль

в китайской медицине; приготовленные известным способом они употребляются как сильно действующее средство при половом бессилии, родах, общей слабости, хронических болезнях и прочее). Но главным условием более успешного развития мараловодства в Усинском крае нужно считать все же земельный простор и удобство оборудования дворов для содержания маралов.

Кроме Усинского края и Минусинского уезда, за последние годы мараловодство проникло и в Канский уезд, где есть один маральник с большим количеством маралов и несколько отдельных маралов, содержащихся при скотных дворах.

Чтобы судить о мараловодстве в исследованном крае, о его значении для населения вообще и о том, какую роль в различных частях края оно играет, как в хозяйстве отдельных групп населения, так и в хозяйстве отдельных мараловодов, приведём цифровые сведения, рисующие нам его в количественном отношении.

Общее количество маралов, находящихся в обладании населением исследованной местности, по сведениям, собранным экспедицией и относящимся к 1915 году:

	Самцов	Самок	Всего
В Усинском крае	816	243	1059
В Минусинском уезде	236	52	288
В Канском уезде	38	9	47
ВСЕГО	1090	304	1394

(В цифру маралов Усинского края вошли и маралы, содержащиеся усинцами в маральниках Урянхайского края).

Из данного количества маралов:

	Пойманных на воле и водворённых в маральник			Маралов, родившихся и выросших в маральниках		
	самцов	самок	всего	самцов	самок	всего
В Усинском крае	702	160	862	114	83	197
В Минусинском уезде	213	35	248	23	17	40
В Канском уезде	34	7	41	4	2	6
ВСЕГО	949	202	1151	141	102	243

Из приведённых цифр видно, что наибольшее количество маралов сосредоточено в Усинском крае, значительно меньше в Минусинском уезде и ничтожное их количество находится в Канском уезде.

Если мы примем во внимание цифры населения этих частей Саянского района и заметим, что мараловодством занимаются почти исключительно русское и главным образом староверческое население, то мы можем заключить следующее: центром мараловодства в исследованной экспедицией местности является Усинский край.

По сравнению с общей цифрой населения Минусинского уезда, мараловодство там, безусловно, носит характер случайного, неустановившегося занятия. Утверждение это будет тем более правильно, если мы примем во внимание выше сообщённое, что впервые мараловодство в Саянском районе возникло в Минусинском уезде и затем перебросилось в Усинский край, где оно окрепло, а в Минусинском уезде сперва не могло развиваться, и одно время почти совсем прекратилось и вновь несколько расширилось только после того, как минусинцы познакомились с мараловодством усинцев.

При анализе далее приведённых цифр, внимание останавливается на малой цифре приплода по сравнению с общим количеством маралов района.

Процент приплода выразится в следующих величинах:

	Пойманных на воле и водворённых в маральники маралов	Маралов, родившихся и выросших в маральниках
В Усинском крае	81,4	18,6
В Минусинском уезде	86,0	14,0
В Канском уезде	87,4	12,6
ВСЕГО	82,5	17,5

Данный факт находит объяснение в следующем: мараловоды (особенно это относится к усинцам), при обзаведении маралами как путём промысла, так и при покупке этих животных, пойманных другими, стараются приобрести быков.

Увеличение же вообще количества маралов происходит главным образом за счёт ловли маралов в лесах, а приплодом мараловодство лишь поддерживается.

По общему заявлению мараловодов, приплод от пойманных маралов (самок) получается незначительный, и потому мараловоды их содержат помалу, так как самка, не давая приплода, не представляет значительной ценности и не оправдывает делаемых затрат на её прокормление, поэтому маралух их владельцы закалывают на мясо и получают шкуру.

На промысле маралухи приковывают к себе меньшее внимание, если пойманную маралуху трудно доставить живой в маральник, то с ней

Возвращение с пантовки в Саянах. Фото проф. Головнина

обычно кончают на месте. Напротив, какие бы трудности не пришлось перенести с доставкой быка, – промышленник старается их преодолеть и доставить марала живым к себе в маральник или двор.

В этом и находится, объяснение тому, что маралухи составляют такой незначительный процент по отношению, к общему количеству маралов, а именно: 21,1.

И в приплодах самки составляют всего 24%. Объясняется это тем, что их многие мараловоды закалывают ещё телятами, а также и в зрелом возрасте, если самка не даёт приплода.

По свидетельству более наблюдательных и сведущих мараловодов, на интенсивность оплодотворения влияет срезка рогов и условия жизни маралов в неволе, т.е. в маральниках.

Площади, находящиеся под маральниками, не всегда соответствуют количеству маралов; несоответствие объясняется в большинстве случаев качеством свободных угодий и наличием таковых в данной местности. Обыкновенно мараловоды при отводе угодий под маральник стараются, насколько это по условиям места возможно, захватить такое количество земли, чтобы его хватило и для устройства маральника, и осталось под сенокос, обеспечивающий прокорм зимою. Часто случается, что земли, удобной для сенокосения, и подножного корма бывает недостаточно, и маралы не доедают.

От общих замечаний о количестве маралов в местности исследования перейдем к отдельным районам.

В Усинском крае маралы входят в состав скота большей части русского староверческого населения.

В настоящее время в Усинском пограничном округе насчитывается 33 маральника с общей цифрой 619 маралов; затем 120 маралов содержатся по дворам, при хозяйстве, и остальные 320 – на заимках в 11 маральниках в Урянхайском крае.

В Минусинском уезде мараловодством занимаются некоторые из жителей, главным образом, староверы промышленных волостей: Кнышенской, Паначевской, Никольской, Салбинской, Комской и Даурской (Ачинского уезда); мараловодство встречается в деревнях правого берега р. Енисея, с одной стороны, и с другой, – в Ермаковской, Каптыревской, Бейской и Иудинской волостях, вследствие нахождения этих волостей в местности, сопредельной с лесами района р. Сисима;

Единичные маралы содержатся в Имисской, Маторской и Кужебарской волостях.

Насчитывается маралов в волостях	Всего маралов	Из них содержится в маральниках
Кнышевской, Паначевской, Никольской, Комской, Салбинской и Даурской	153	47
Ермаковской	74	18
Бейской	30	12
Иудинской	9	-
Каптыревской	11	-
Имисской, Кужебарской и Маторской	11	-
Всего по Минусинскому уезду	288	77

В Канском уезде содержится большой, сравнительно, маральник в Ирбейской волости, по р. Агулу, с количеством животных в 24 головы, а в прочих местностях этого уезда маралы встречаются единично и находятся при скотных дворах.

Все маралы Канского уезда распределяются по волостям:

В Ирбейской волости 27

В Тальской волости 9

В Агинской волости 4

В Вершино-Рыбинской 7

Всего по Канскому уезду 47

и из них в маральниках 24 животных.

Пойманный на воле и доставленный охотником к себе марал водворяется или в специально огороженное и устроенное для помещения его место, носящее название «маральника», или в скотный двор, где его от домашних животных отделяют особой загородкой.

В отдельных частях района специальные маральники распространены преимущественно в Усинском крае, где в маральниках содержится из всего числа животных 88,8% и только 11,2% при дворах. В Минусинском уезде при дворах 73,1%, а в маральниках только 26,9%; в Канском почти половина в маральниках – 51,0% и 49,0% во дворах. Но Канский уезд в этом отношении не типичен, т.к. мараловодство здесь имеет зачаточный характер.

Эти цифры также свидетельствуют о положительной стороне мараловодства в Усинском крае, где оно носит характер определённо сложившейся для края отрасли народного хозяйства.

Каким образом производится ловля маралов и доставка их в хозяйство охотника, об этом сообщено в другой части трудов экспедиции. Здесь мы остановимся лишь на содержании маралов при хозяйстве и в первую очередь опишем маральники.

Под маральником понимается специально устроенный двор, обнесённый соответствующей высоты оградой и предназначенный исключительно для содержания в нем маралов. Внутри двора устраивается навес или особое крытое помещение, где бы маралы могли находить себе защиту от «непогоды», и специальный дворик, в котором помещается станок для спилки рогов. Кроме того, общий двор разделяется на две-три части оградками, с целью выделения участков для пастбы и покосов. Двор строится в такой местности, через которую протекает речка или ручей, чтобы иметь естественный чистый водопой применительно к природному вкусу животного, и чтобы одна из частей маральника была покрыта лесом, потому что, как выражаются усинские мараловоды, – «маралу нужна таёжка», – где животное могло бы находить прохладу в летний жаркий день, и сообразно своему вкусу, приобретённому на воле, почесаться об дерево и «поточить» свой лоб, когда начинают пробиваться отростки рогов его. Пространство, занимаемое маральником у отдельных хозяев, различное, смотря по количеству голов животных и по местности. В последнем случае большую роль играет земельное обложение и душевой земельный надел. Земельное обложение, введённое в Усинском крае, побудило многих мараловодов перевести свои маральники в Урянхайский край, где отсутствует обложение и в то же время есть большой земельный простор. Ограниченность земельного простора, при существовании норм душевого надела, имеет особенное значение для мараловодов Минусинского и Канского уездов.

Размеры земельных участков, занимаемых под маральники следующие:

В Усинском крае от 3 десятин и до 40 десятин; в Минусинском и Канском уездах от 2 десятин и до 10 десятин.

По числу голов маральники также различны, но более крупные маральники встречаются в Усинском крае.

В Усинском крае в отдельных маральниках содержится маралов от 2 и до 40 голов.

В Минусинском уезде маралов от 2 и до 15 голов.

В Канском уезде есть только один маральник, именно в Ирбейской волости, с количеством маралов в 24 головы. (В Канском уезде был ещё один маральник в приисковой местности на р. Карагаш, но в настоящее время он ликвидирован).

В Урянхайском крае в одном из маральников находится 60 животных.

Выше уже было сказано, что маральник разделяется на несколько частей и дворов. Обычно в одном из таких дворов содержатся маралы, а другие части запускаются под сенокос или подножный корм. Когда в том дворе, где паслись животные, выедена вся трава, маралы выпускаются в другой, а в этом даётся возможность оправиться, и расти новой траве.

Корм животных — сено и трава. Период содержания маралов на подножном корму в различных частях района разный. В Усинском крае марал находится на подножном корму 6-8 месяцев, а в Урянхайском крае в некоторых местностях и круглый год. В Минусинском и Канском уездах период пастбы длится 5-7 месяцев, остальное время года маралы содержатся на сене. Сено заготавливается обычно на участке маральника, и только в некоторые маральники сено доставляется с сенокосных угодий. На прокорм одного марала в среднем требуется в месяц $2\frac{1}{2}$ - $3\frac{1}{2}$ копны сена. Сено заготавливается мараловодом хозяйственным способом, и средняя стоимость его, на основании большого числа показаний самих мараловодов, исчисляется в 50 коп. за копну.

Кроме сена, некоторые мараловоды дают во время роста рогов ещё и овёс, считая, что усиленное питание влияет на вес рогов, увеличивая его. Однако это делают очень редкие мараловоды, большинство дают в пищу маралам только сено, которое и нужно считать основным кормом марала в зимний период времени.

К расходу на содержание нужно отнести наем сторожа маральника, который в то же время несёт обязанности и по уходу за маралами. Сторож содержится в тех маральниках, которые отстоят от жительства хозяина на значительном расстоянии.

В Усинском крае в большинстве случаев хозяева сколько-нибудь значительных маральников имеют своих сторожей. Содержание и жалование сторожа в год обходится хозяину 120-150 рублей. Некоторые ма-

раловоды обходятся без наёмных сторожей, заменяя их членами своей семьи. Иногда маральник находится при заимке, на которой часто проживает кто-либо из членов семьи; тогда это лицо несёт и обязанности по окарауливанию и уходу за маральником.

Кроме расходов на корм марала, на окарауливание маральника и уход за животными, есть ещё одна статья расхода, связанная с содержанием маралов. Здесь разумеется стоимость изгороди маральника и станка для спиливания рогов. При этом нужно различать два типа изгородей: одна характерна для Усинского края, а другая для минусинско-канских маральников. В Усинском крае изгороди строятся срубом (звенем) из не толстых брёвен. Построить одно звено изгороди из 10 лесин обходится в 1 рубль. Дворы состоят от 100 и до 1000 звеньев.

Устройство станка для спиливания рогов марала в среднем обходится от 25 до 100 рублей.

Устройство изгороди и станка в Минусинском и Канском уездах, по определению мараловодов, стоит в среднем от 50 и до 300 рублей.

Изгородь маральника, а также и станок должны находиться всегда в исправности и потому требуют постоянного ремонта и исправлений. Подгнившее звено или отдельно выпавшие лесины изгороди могут принести мараловоду много неприятностей, вплоть до потери маралов, взоры и помыслы которых всегда обращены к своей родной стихии – тайге.

Из всего сказанного о содержании маралов видно, что оно сопряжено с известной тратой средств, труда и внимания. Но ещё мы упустили из виду самую стоимость животного. Отдельный марал самец оценивается различно, в зависимости от его возраста и от того, в какое время он продается. Дороже ценятся маралы среднего возраста 7-14 лет. Средняя покупная стоимость марала-быка по району для всех его частей, согласно большему числу показаний, выразится от 50 и до 125 рублей. Маралухи продаются значительно дешевле. Самка оценивается от 15 до 50 рублей. В период роста рогов марал ценится дороже.

Цель содержания марала мараловодом и ценность этого животного вообще обуславливаются получением от него рогов (пантов), которые в известном периоде их роста находят выгодный сбыт в Китае.

Поэтому-то промышленники-охотники пришли к мысли добывать маралов на воле живыми и содержать их у себя при хозяйстве. При этом в расчёт мараловодов входило соображение, что стоимость спиленных рогов покрывает издержки на содержание и по уходу за животным, и получится прибыль, ради которой мараловод мог бы своё рабочее время и внимание затрачивать на содержание маралов при хозяйстве.

Выгодность содержания маралов при хозяйстве, насколько это показал опыт и как о том свидетельствует большинство опрошенных мараловодов, зависит от тех местных условий и особенностей, которые

в данном частном хозяйстве находятся на лицо. Если маральник расположен в местности, предоставляющей хозяину большие удобства по уходу за животными, и в то же время не требуется от мараловода и больших затрат на прокормление маралов, в виду, например, обилия хорошей травы на участке маральника и продолжительности периода подножного корма, то при прочих благоприятных условиях занятие мараловодством является выгодным. Однако подобные условия далеко не везде в исследованной местности имеются к услугам мараловодов. Более выгодным это занятие является для усинцев, чем минусинцев, но и усинцы-мараловоды находятся не все в одинаковых условиях. Особенно это относится к позднему времени, когда территория Усинского края вошла в норму земельного надела и разграничена на участки, заселяемые хуторянами, а те участки, которые остались под маральниками, обложены земельной податью, и кроме того само усинское общественное управление ещё обложило мараловодов особым сбором с головы животного. Эти обстоятельства побудили крупных мараловодов переводить свои маральники в земли соседнего Урянхайского края. Кроме всего прочего, усинские мараловоды, с выселением китайцев-скупщиков из Урянхайского края, потеряли непосредственных покупателей, которых ныне заменили русские торговцы Усинского края и минусинцы, страшно понизившие цены на рога. Это и понятно: русский скупщик перепродает рога китайцам, наезжающим окружным путём в Минусинск и затрачивающим значительные средства и время на путешествие через Иркутск или Владивосток и на транспорт тем же путём рогов к себе. Всё это увеличило накладные расходы покупателя-потребителя, понизило покупную цену рогов, на месте их добычи и в то же время в круг торговых операций вошёл посредник, который также имеет в виду из своего занятия извлечь себе известную прибыль.

Таким образом, покупная цена рогов на месте понизилась, а издержки, связанные с содержанием маралов, увеличились.

Посмотрим теперь далее, как складываются экономические факторы мараловодства по данным добытым исследованием в этой области, произведённым экспедицией.

Но при этом мы должны оговориться, что вопрос о мараловодстве экспедицией затронут только между прочим, т.е. специального исследования в этой области не производилось, и, следовательно, приводимые здесь данные носят характер предварительных, кратких сведений и сообщений. Что же касается более подробного описания этой оригинальной и новой отрасли народного хозяйства в Саянском районе, то она требует специального исследования, а не попутного знакомства при выполнении других основных целей и обязанностей, и более подробного описания. В нашу же задачу входит лишь дать общее пред-

ставление о мараловодстве в крае, как об отрасли хозяйства, тесно связанного с охотой.

Чтобы судить о доходности мараловодства для отдельного хозяйства, сначала приведём описание нескольких отдельно взятых маральников крупного, среднего и мелкого значения и остановимся в первую очередь на маральниках Усинского края.

Маральник Ивана Захаревича Иванова. Маральник расположен по р. Макаровке, в 5 верстах от села В. Усинского, и занимает площадь в 10 десятин. Изгородь и станок обошлись хозяину в 200 р. Двор разгорожен на две части. Содержится 24 марала – быков 9, маралух 9, телят 6. Быки в возрасте до 18 годов (старый бык только один). На прокорм животных заготавливается сена на зимний период – 300 копён, при средней стоимости копны в 50 коп. – на 150 рублей. Податей и налогов с головы уплачивается в год 1 р. 30 коп. Караульщик обходится 60 р. жалования, по 1/2 пуда хлеба с головы животного и 2 кирпича чаю, что в общем составит 75-80 рублей в год. Маралы наловлены самим хозяином и частью приплод. Причем этот маральник по приплоду исключительный, в нём 18 маралов родились от пойманных 6 быков и 2 коров. Хозяин маральника оценивает быков по 50-80 рублей за голову, а маралух 10-20 рублей и в той же цене телят. В 1914 году снято рогов 106 ф., проданы по 3 р. 50 коп. ф., выручено 371 рубль.

Маральник Давида Николаевича Иванова. Маральник расположен в местности реки Уюка, на площади в 5 десятин. Двор разделён на две половины. Изгородь стоила 150 руб., станка для спилки рогов нет. Для спилки рогов марал связывается. Всего маралов 17, из них 12 быков, 4 маралухи и 1 телёнок. Животные в возрасте до 16 годов. Своей добычи 10 маралов и 7 куплено. Приплода ещё не было. Покупались маралы по цене 50-70 рублей, а маралуха одна 18 р., другая 22 р. Заготовлено сена 320 копён на 140 р. Маралы находятся на подножном корму 4-5 месяцев. Маральник при заимке и окарауливается в году 3-4 месяца и на это расходуется 50 руб. В 1914 году снято рогов 100 фунтов; проданы по 3 р. 50 коп. фунт.; всего выручено 350 руб.

Маральник Савелия Кузьмича Измestиева. Маральник находится в местности р. Уюка и занимает площадь в 4 десятины. Маралов 28, из них быков 18, самок 4, телят 6. Маралы в возраст до 14 лет. Поймано самим хозяином до 15 голов, получено 7 приплоду и 6 куплено. Снято рогов в 1914 г. 140 фунтов; проданы рога по цене 3 р. 50 к. фунт., всего на сумму 490 рублей.

Маральник Василия Осиповича Лоскутова. На р. Таловке в 15 верстах от Нижне-Усинска. 8 быков, 5 маралух, 2 телёнка. Маралы в возрасте до 15 лет. Поймано самим хозяином 4 быка, 1 самка, остальные куплены и составляют приплод. Под двором 17 десятин земли. Изгородь

Яма в Саянах с попавшим в неё мараленком

и станок стоят 350 руб. Двор разгорожен на 2 части. Через двор прорыта водоприёмная канава. Во дворе много лесу. Заготавливается сена 200 копён на сумму 100 руб. Во время роста рогов маралы прикармливаются мукой, делается болтушка; на одного животного в день тратится 5 фунтов муки в течение трёх-четырёх недель. Снято рогов 70 фунтов, проданы по 3 р. 75 к. за фунт – всего на 262 руб. 50 коп.

Особый интерес представляет маральник инородца (сагая, переселившегося в Усинский край из Аскызской волости Минусинского уезда) деревни Моховской (Усть-Усинский поселок), **Фёдора Николаевича Мохова**, находящегося на хуторе «Сарлы». Здесь увеличение количества маралов обязано приплоду, причём все родившиеся телята, по отыскании их (обычно самки телят прячут), отнимаются от самок и в течение не менее полугода вскармливаются искусственно коровьим молоком и даже молоком маралухи; поэтому маралы приручены почти до степени домашних животных. Зимой и весной Мохов выпускает своих маралов на волю, и они бродят в окрестностях по займищам р. Енисея и по окрестным горам, но далеко не отходят, временами навещая свой маральник с целью полакомиться хлебом из рук хозяев.

В маральнике Мохова находится 20 маралов: 8 быков, 8 самок и 4 телёнка. Содержание и прокормление маралов Мохову обходится в год до 200 рублей. Получено рогов в последнюю срезку 80 ф., проданы по 3 р. 50 коп. на сумму 280 р.

Приведём ещё сведения о другом интересном маральнике, находящемся на речке Ашпан, впадающей в р. Ус, и принадлежащем Анне Николаевне Моховой (фактически её сыну Прокопию Мохову). В этом

маральнике 32 животных, из них: 16 быков, 6 самок и 10 телят. Самый старый марал, 20 лет, в последнюю срезку рогов дал 8 фун., в возрасте 14 лет выращивал рога в 16 фун. Маральник занимает площадь в 36 десятин и весь обнесен забором около 1 500 звеньев. Изгородь стоила около 3 000 рублей. Двор разделен на две части, и отделён сенокос. Двор ремонтируется почти каждый год. Станка для срезки рогов нет, и он заменяется особым двориком – «загон», где обречённый на спилку рогов марал ловится, затем его связывают и обыкновенной лучковой маленькой пилкой снимают рога. Содержание и прокормление животных обходится до 300 р. в год. В последнюю срезку рогов получено 140 фун., на сумму – 490 рублей.

В Минусинском уезде маральников немного, и отметить из них можно два.

Маральник в с. Малыя-Кныши Ивана Григорьевича Лазарева.

В маральнике 10 животных, из них 1 самка и 1 телёнок. Маралы все куплены у местных охотников, по цене от 50 и до 100 рублей. Содержатся маралы в особом дворе, поделённом на дворики и помещения-навесы. При дворе специальный станок для срезки рогов.

Содержание и прокормление обходится в год 90 рублей при своем уходе. При росте рогов – подкармливаются овсом; как лакомство дается соленая капуста, которую маралы охотно едят. Рогов снято 2 пуда по цене за 1 ф. 4 рубля – всего на сумму 320 рублей.

Лазарев занимается скупкой рогов у соседних мараловодов и промышленников охотников.

Маральник в с. Викулов Ключ Паначевской волости принадлежит охотникам-мараловодам селений Чердаки и Викулова Ключа. Маральник существует уже 7 лет. В нём 5 быков, 4 самки и 3 телёнка. Маральник обложен общественным сбором по 1 р. 50 к. с головы. Маралы в большинстве пойманные, но есть и приплод – поймано 7 маралов, остальные куплены или представляют приплод. Заготавливается на зиму на одного марала 20 копён сена, всего копён 240, что обходится около 100 руб. Получено в последнюю срезку рогов 80 ф. и проданы они по 4 руб. фунт., всего на сумму 320 р.

В Минусинском уезде большинство одиночек маралов содержится при скотных дворах и содержание в таком случае удешевляется.

В Канском уезде есть только **маральник (изюбрятник) в Ирбейской волости, вблизи селения Агульского по р. Агулу, принадлежащий канскому купцу Шмулевичу.** Заведывает маральником крестьянин Ирбейской волости Лубковский.

Маральник этот первоначально, в 1909 г., был устроен на Мариинском переселенческом участке, в 15 верстах выше нынешнего его местонахождения.

Первоначально Лубковским был пойман один бык, на другой год было поймано его артелью охотников уже 5 маралов, остальные маралы в разное время куплены у местных охотников-промышленников. Всего маралов 24, из них 4 самки и 2 телёнка. Маралы в возрасте до 14 лет. Покупались маралы по цене от 10 и до 125 руб. Под маральником занято 4 десятины. Двор разделён на две части. Корм – сено; заготавливается на зиму 700 копён, на что затрачивается около 300 р. Кроме того в период роста рогов даётся овёс; его маралы едят очень охотно; при этом Лубковским замечено, что маралы при овсе скоро жиреют и выращивают большого веса рога. В среднем, при срезке рогов бык даёт валового дохода 25-30 руб. Всего выручается от продажи рогов до 500 рублей. Из приведённых кратких и отрывочных сведений всё же видно, что выгоды, получаемые мараловодами от занятий мараловодством, весьма не существенны. От отдельных случаев перейдём к общему рассмотрению этой отрасли хозяйства. При занятии мараловодством существенное значение имеют следующие стороны этого дела.

Из опросных сведений видно, что в местности исследования большинство маралов пойманы самими охотниками-мараловодами. Из расспросов же мараловодов видно, что основание маральнику кладётся самим поймавшим марала; он его содержит год-два и в это время или в последующее старается поймать ещё новых маралов; если ему это удастся, то маральник его увеличивает, и мараловоду уже приходится обзаводиться специальным двором. Состоятельные хозяева мараловоды затем увеличивают свои маральники, покупая животных у промышленников или у тех сельских хозяев, которые для себя находят невыгодным содержать одного или двух животных. Вообще мараловоды находят, что выгоднее иметь несколько маралов и невыгодно содержать одного или двух животных. И собственная добыча, и приобретение от других лиц маралов мараловодам обходится дорого и в среднем стоимость марала в 6, 10, 14 лет определяется в 50-80 руб., молодые и старые маралы ценятся дешевле – 30-50 рублей. Марал не теряет ценности до 16 лет, свыше этого возраста маралы не приобретаются мараловодами.

Пойманные и приобретённые маралы содержатся или при скотных дворах усадеб охотников-промышленников, или, при наличии нескольких животных, в маральниках. Содержание при скотном дворе обходится значительно дешевле, чем в маральнике, но оно возможно только в том случае, если имеется один-два-три марала, а при большом количестве содержать маралов при дворе и невыгодно, и сопряжено с большими неудобствами. Маралам нужен известный простор, чистая вода и многое другое, без чего обходятся при уходе за домашним скотом.

На устройстве маральников останавливаться не будем, так как об этом речь была уже выше.

Станок устраивается обычно такой формы. Две хорошо укрепленные стенки, по краям крытые толстыми досками так, что получается узкий проход, сверху которого может поместиться только одна шея марала, в остальной части от основания и до верхних досок – туловище. Благодаря этому, марал, загнанный в станок, может только поместиться в нем, и лишен возможности выпрыгнуть из него – верхние доски, сложенные до размеров толщины шеи животного, не позволяют ему этого сделать. Марал в станке находится в таком положении, что шея и голова его вне станка, над ним. Длина стенок станка равна 10-14 аршинам, а ширина прохода в основании – 2 аршина. Верхние доски снизу закруглены, чтобы края их не резали спины марала. Перед станком устроен маленький дворик, в который обреченный марал первоначально и загоняется, а оттуда он уже попадает в станок; здесь, при помощидвигаемых поперёк в стенки станка жердей, его задерживают, и он попадает в такое положение, что не может двинуться ни назад, ни вперёд, а кверху ему мешают выпрыгнуть крышки стенок. Чтобы марал не мотал головой, ему надевают особую узду, при помощи которой сдерживают движения его головы во время спиливания рогов. Процесс спиливания стараются произвести быстро, что достигается хорошо направленной, обычной маленькой лучковой пилкой. Срезка длится несколько секунд; чтобы успокоить взволнованное животное, перед спилкою и после её, на голову марала выливают по ведру холодной воды. Спеленное место одни мараловоды заливают лаком или спиртом и засыпают мукой, другие просто засыпают мукой, а есть и такие из хозяев, которые употребляют вместо муки простую землю. По окончании такой операции марал сейчас же выпускается во двор, где продолжает ещё волноваться. Некоторые во время срезки дико и жалобно кричат, но многие выносят молча и лишь судорожно подёргиваются телом.

Не каждый двор имеет станок. У многих мараловодов (особенно у тех, кто содержит единичных маралов при скотных дворах) срезка рогов производится у связанного марала. В таком случае, марал ловится веревками за ноги и сваливается на землю. В это время несколько человек стараются на него налечь, своею тяжестью прижать к земле и связать ему ноги. В таком положении ему и спиливают рога. Этот способ снятия рогов ещё более мучителен для марала, чем в станке.

Спиливаются рога у самого «родного корня», причём стараются это сделать так, чтобы не захватить его, иначе не будет роста рогов, и были случаи, когда животное погибало от этого.

Спилку рогов, вообще, марал переносит с трудом, и случалось, что от волнения животное умирало на месте спилки. Подобные случаи пишущему эти строки подтверждены несколькими мараловодами; но всё же они составляют очень редкое явление.

Прокормление одного марала, при хозяйственном расчёте, обходится мараловоду от 5 до 20 рублей в год. Главные расходы: устройство маральника; общественное обложение от 50 к. и до 1 р. 50 к. с головы; если маральник устроен на казённой земле, то уплата аренды – в размере 50 коп. за десятину; заготовка корма, преимущественно сена, и окарауливание.

Занятие мараловодством вызывается исключительно ценностью рогов этого животного в период их роста, до окостевания.

Снятые рога марала имеют различную ценность в зависимости от их веса. Вес обуславливается величиною рогов, который, прежде всего, зависит от возраста, а затем от индивидуальных качеств самца.

Период спилки рогов в Усинском районе бывает позже, чем в Минусинском и Канском уездах. В Усинском крае спилка рогов начинается с половины (иногда с первых чисел) июня и продолжается до половины июля; в Минусинском и Канском уездах с конца мая и до конца июня. Начинают спиливать рога сначала у тех животных, у которых раньше других, по наблюдению мараловода, заканчивается рост рогов. Рога начинают спиливать у самца в двухлетнем возрасте, но эти рога маловесны, 1-2-3 фунта, и малоценны. Самым лучшим возрастом для роста рогов мараловоды считают возраст 7–14 лет (Возраст животного мараловоды определяют по рогам, по числу отростков). Старый марал выращивает рога уже меньшего веса, но нередко можно встретить марала 16-18 лет, который дает рога в 12-20 фунтов. Предельным возрастом марала считается 20-летний возраст.

Приведём несколько отдельных показаний, какого веса и в каком возрасте маралы дали рога в спилку 1914 года.

В маральнике	Изместиева	Бык 7 г.	Рога 17 фунтов
В маральнике	Изместиева	Бык 14	Рога 11 фунтов
В маральнике	Медведева	Бык 8	Рога 20 фунтов
В маральнике	Медведева	Бык 15	Рога 13 фунтов
В маральнике	Михайлова	Бык 12	Рога 15 фунтов
В маральнике	Михайлова	Бык 12	Рога 10 фунтов
В маральнике	Михайлова	Бык 13	Рога 8 фунтов
В маральнике	Иванова	Бык 14	Рога 17 фунтов
В маральнике	Иванова	Бык 5	Рога 7 фунтов
В маральнике	Быстрыкова	Бык 10	Рога 52 фунтов
В маральнике	Иванова	Бык 18	Рога 7 фунтов
В маральнике	Иванова	Бык 7	Рога 8 фунтов

В маральнике	Иванова	Бык 12	Рога 20 фунтов
В маральнике	Иванова	Бык 9	Рога 17 фунтов
В маральнике	Данковцева	Бык 10	Рога 30 фунтов
В маральнике	Данковцева	Бык 4	Рога 5 фунтов
В маральнике	Данковцева	Бык 8	Рога 10 фунтов
В маральнике	Моховой	Бык 3	Рога 4 фунтов
В маральнике	Моховой	Бык 2	Рога 2 ½ фунтов
В маральнике	Моховой	Бык 8	Рога 14 фунтов
В маральнике	Моховой	Бык 12	Рога 30 фунтов
В маральнике	Моховой	Бык 12	Рога 13 фунтов
В маральнике	Моховой	Бык 10	Рога 14 фунтов
В маральнике	Лазарева	Бык 7	Рога 7½ фунтов
В маральнике	Лазарева	Бык 10	Рога 15 фунтов
В маральнике	Лазарева	Бык 8	Рога 10 фунтов
В маральнике	Лазарева	Бык 10	Рога 25 фунтов

В среднем марал в возрасте от 7 до 14 лет даёт в одну спилку рога весом от 7 фунтов и до 20 фунтов. Отклонения бывают в сторону меньшего до 4-5 фунтов и в сторону большего до 1 п. 12 ф. Маралы с рогами большего веса встречаются редко. Из расспросов мараловодов известен случай в Усинском округе, когда марал дал рога в 1 п. 28 ф. Этот марал был в возрасте 12-ти годов.

Рост рогов длится 75-100 дней.

**Мараловодами получено рогов,
в приблизительных цифрах, в спилку рогов 1914 г.**

В Усинском крае свыше 200 п. (сырых рогов) на сумму до 30 000 р.

В Минусинском уезде до 50 п. (сырых рогов) на сумму до 7500 р.

В Канском уезде до 10 п. (сырых рогов) на сумму до 1500 р.

ВСЕГО до 260 п. (сырых рогов) на сумму до 39 000 р.

Рога учтены в сыром виде, и в таком случае цена их ниже цены рогов в сухом виде, полученном после заварки их, так как они теряют в весе при этой операции около 2/3. Заварка производится в кипятке, без присутствия соли и чая, как то практиковалось в прежнее время, и продолжается трое-четверо суток. В кипящую воду по несколько раз спускаются рога и держатся в кипятке по несколько секунд, и это делается в одну заварку раза три; затем рога для просушки вешаются на протянутой верёвке.

Рога сырые скупаются по цене от 2 р. и до 5 р. за фунт; сухие (заваренные) – от 5 до 15 р. за фунт.

Центром скупки рогов для Усинского и Минусинского районов является г. Минусинск, куда каждое лето в июле месяце наезжают китайцы, скупают рога у местных скупщиков и транспортируют их через Красноярск (до Красноярска на судах по Енисею, а оттуда по железной дороге) до Владивостока. Из Владивостока рога отправляются в китайские провинции, главным образом, в Гонконг и Кантон, причём в Гонконге рога не подлежат пошлинному сбору, а в Кантоне на них установлен 5% пошлинный сбор.

Из китайских фирм, присылающих в г. Минусинск своих доверенных, известны: Юн-шен-ха, главная контора в Пекине, отделения в Калгане, Кяхте и Бийске; фирма эта занимается скупкой изюбриных рогов, хвостов, струй и козьих рогов в широких размерах. Затем торговый дом Юн-ли-зан в г. Владивостоке также скупает маральи рога в г. Минусинске.

Занятие мараловодством в исследованной местности имеет экономическое значение, главным образом, для населения Усинского края; там оно носит устойчивый характер, и мараловоды уже успели свыкнуться с ним и ценят его, как побочное занятие, которое в известное время даёт им денежный капитал взамен затрачиваемых на него средств, времени и труда, уделяемых от ведения своего хозяйства.

Чистая прибыль, получаемая от занятия мараловодством, в небольших размерах, исчисляется на одного марала в среднем 10-25 рублей в год.

В заключение этого краткого обзора приведём некоторые отдельные сведения и замечания общего характера, полученные мараловодами из их практики.

При ловле маралов в тайге, отмечают охотники, легче поймать самца, нежели маралуху.

При преследовании марала нередко случается, что загнанный марал умирает от разрыва сердца.

Известен случай, когда содержащийся в маральнике марал убежал на волю. Сторож этого маральника на значительное расстояние от маральника в тайгу набросал кусочков хлеба и стал караулить. Животное по хлебу обратно вернулось в открытое отделение маральника, и таким образом вновь было поймано.

Все маралы очень любят хлеб. Приручаются маралы вообще неохотно, но некоторые знакомятся с человеком, за ними присматривающим, настолько, что позволяют себя ласкать. Известны случаи, когда маралы усваивали данную им кличку и приходили на зов.

Обычно маралы в своём обществе живут мирно. Драки начинаются в период гоньбы. Это время борьбы за самку. Побеждает сильный бык и получает привилегированное положение. Дерутся маралы передними ногами и рогами.

Стельная маралуха отделяется от прочего стада, запирается в отдельный двор и содержится там, пока не подрастёт родившийся телёнок.

Таково в общих чертах положение мараловодства в обследованном крае.

От редактора:

Статья «Мараловодство» Д.К. Соловьёва перепечатана из отчёта Саянской экспедиции «Саянский промыслово-охотничий район и соболиный промысел в нём», Государственное издательство, 1920 г. Мы отказались от полного копирования старой орфографии текста, но это практически не сказалось на содержании материала.

ЯНКОВСКИЙ
Юрий Михайлович
(1879-1956)

Юрий Михайлович Янковский родился в апреле 1879 года в семье бывшего политического ссыльного, а затем знаменитого предпринимателя, исследователя Дальнего Востока Михаила Ивановича Янковского (1842-1912).

Скорее всего, первое образование у Юрия было в условиях семьи. Его сын пишет: «Длинными зимними вечерами при свете тихо поющей керосиновой лампы Михаил Иванович обучал детей грамоте, арифметике, истории, географии, немецкому и латыни». Летом отец тренировал старших в стрельбе, плавании, верховой езде... Юрий Михайлович рос отличным помощником отца во всех его делах, стал замечательным охотником, в 20 лет отправился учиться в американском сельскохозяйственном колледже, два года изучал коневодство в Техасе, работал ковбоем, и привёз 4-х чистокровных английских скакунов для будущего конезавода Янковских. В 1906 году Ю.М. Янковский женился на дочери богатого предпринимателя В.Г. Шмелёва и солидное приданое вложил в хозяйство.

В 1909 году М.И. Янковский заболел, и весь семейный бизнес возглавил Юрий Михайлович. В 1912 году М.И. Янковский умер, не разрешив делить хозяйство его наследникам на части. К 1917 году Юрий Михайлович довёл стадо оленей до 2000 голов, плантация женьшеня насчитывала более 60 тыс. корней. Отличные доходы давали конезавод, рыбные промыслы и т.д. Полностью оправдались слова Михаила Ивановича: «Моё дело – в надёжных руках».

В 1922 году Ю.М. Янковский, забрав только 60 скакунов, тайно эмигрировал в Корею, а крупный хозяйственный семейный бизнес Янковских на полуострове позднее был национализирован.

В Корее Ю.М. Янковский с «нуля» создал хозяйство «Новина» с оленником и гостевым отдыхом. В 1944 году Ю.М. Янковский издал в г. Харбине свою книгу «Полвека охоты на тигра», но уже в 1945 году он был арестован органами МГБ и осуждён на 10 лет. Всё имущество семьи было конфисковано.

Преодолев невероятные трудности сибирских лагерей, Юрий Михайлович не дожидаясь освобождения несколько дней – уже пересидевшая, он простудился и 13 мая 1956 года умер в лагерной больнице.

В 1971 году (по другим данным в 1990) Ю.М. Янковский был полностью реабилитирован и 28 мая 2014 года ему на могиле установлен мемориальный памятник.

Созданное Янковскими культурное хозяйство успешно просуществовало 43 года до 1922 года. В 1912 году был опубликован доклад Ю.М. Янковского «Оленеводство в Южно-Уссурийском крае», с содержанием которого современные специалисты пантового оленеводства практически не знакомы.

ОЛЕНЕВОДСТВО В ЮЖНО-УССУРИЙСКОМ КРАЕ

Доклад Ю.М. Янковского

Ещё двадцать лет тому назад дикие олени бродили по всей Приморской области. Стада их достигали иногда нескольких сот голов. Летом, во время пантовки, самый заурядный охотник свободно выбивал 5-10 пар пантов. Панты в среднем продавались от 125 до 300 рублей. Но с каждым годом, на наших глазах, этот ценный зверь уничтожался самым безжалостным и бессмысленным образом, так, например: летом убивались стельные матки и, вообще, оленя истребляли круглый год на мясо, как самцов, так и самок. Результатом явилась та печальная картина, которую мы видим в настоящее время – оленя в диком состоянии почти нет в крае.

Надо поражаться, что почти никому не пришло в голову, или сохранить оленя в диком состоянии, или заняться его приручением.

Как много потеряли местные жители, уничтожив такую доходную статью.

Несколько лет тому назад мы могли видеть, что олень сохранён отчасти на островах Путятин и Аскольд, благодаря их естественной изолированности, но далеко не в том количестве, какое могло быть при более рациональной постановке дела.

На полуострове Янковского оленей начали разводить и охранять с 1888 года, когда туда случайно забрело стадо из нескольких голов. Ранее, т.е. в 1880 году, этот полуостров представлял собой безлесные горы, выжженные прежними жителями тазами, которыми также был истреблён и олень.

Из дальнейшего мы увидим, как немного надо было приложить труда, чтобы не только сохранить, но и развести оленей – после чего охрана оленей сделалась более лёгкой.

Ю.М. Янковский. 1930 г.

За период времени от 1888 по 1908 г. количество оленей на полуострове достигло 700 голов, несмотря на то, что часть их временами уходила на материк, откуда возвращались далеко не все, так как за пределами полуострова их подкарауливали и убивали браконьеры.

Это показывает, какие блестящие результаты размножения были достигнуты благодаря своевременным и постоянным заботам об оленях.

С 1888 года по 1897 год олени на полуострове Янковского только сохранялись от истребления их браконьерами и хищными животными.

С 1897 года начались опыты их приручения. Была сделана первая загородка с ловушками, куда олени загонялись, а иногда заходили сами. Одновременно с этим стали пробовать выкармливать оленят коровьим молоком. От ловли взрослых оленей, после долгих опытов, пришлось отказаться по той причине, что, будучи по природе дикими, большинство их убивается и калечится при поимке и в дальнейшем, при приручении, которое само собой по себе идёт очень медленно.

На основании этого пришли к тому, чтобы исключительно ловить только что родившихся оленят и выкармливать их молоком; при этом способе воспитания олени получаются совершенно ручными, и при резке пантов с ними легко справляться, а это очень важно в виду того, что панты очень нежны и ломки. Олень, будучи плохо прирученным, почти не может вырастить пантов, не попортив их, в силу того, что постоянно стремится вырваться на свободу и, часто пугаясь, бросается на изгородь. Панты, хотя и немного попорченные, теряют много в своей стоимости. Панты представляют из себя мягкий хрящ, напитанный кровью и обтянутый сверху очень слабой кожей, которая легко лопается при самом слабом соприкосновении с твёрдым предметом, причём хрящ также легко ломается.

Олени в домашнем состоянии плодятся очень быстро, и, вообще, ведутся хорошо; это показывает их полную приспособляемость к человеку. В 1908 году часть полуострова Янковского площадью в 2000 десятин была огорожена проволочной оцинкованной сеткой в 4 аршина высоты.

В настоящее время в огороженном парке насчитывается до 1100 голов полудиких оленей, ручных оленей самцов 160 голов и приплод этого года достигает 400 ягнят. За последние 15 лет было убито с пантами 240, на мясо 200 голов и было продано и роздано более 200 голов для устройства оленьих хозяйств в крае, и до 50 голов для зоологических садов Германии и Англии.

В настоящее время оленье хозяйство на полуострове Янковского ведётся так: олени, находящиеся в полудиком состоянии в большом парке, питаются летом подножным кормом, а зимой их приходится кормить сеном. Доверие оленя к человеку с каждым годом делается более заметным и часто случается наблюдать на пастбище, как стадо оленей пасётся, перемешавшись с лошадьми, рогатым скотом, не смущаясь пастухов. Ручные самцы в количестве 160 голов содержатся в загородке, при усадьбе, размером площади до 3 десятин земли, причём их корм летом состоит из свежескошенной травы, а осенью и зимой сено и овощи, или 1-3 фунтов овса, бобов и кукурузы. Вообще, олень ест всё, что едят домашние животные, и количество потребляемого им корма равняется одной трети того, что необходимо для лошади.

Стоимость содержания оленя в течение года около 20 рублей. Ни зимой, ни летом для оленя не требуется крытого тёплого помещения; лишь была бы летом тень от деревьев, а зимой защитная стена от северного ветра.

Все уже прирученные самки весною отпускаются на подножный корм в большой парк, где они пасутся до начала зимы; за этот период они телятся (с 20 мая по 20 июня), успевают выкормить оленят и обгоняться

вновь в октябре. В ноябре их приходится брать обратно, в загородку, на сухой корм и держать до 15 апреля, когда отделяются годовалые самцы и оставляются дома, а самки вновь отпускаются до осени.

Прирученные самцы в настоящее время остаются круглый год в малом парке и в период от 1 июня до 15 августа подвергаются срезке пантов, – старые самцы два раза и молодые один раз, т.к. у них панты второй раз не успевают вырасти.

Из оленей полудиких, часть взрослых самцов каждое лето выстреливается в период пантовки для продажи, а из ежегодного приплода несколько десятков молодых самцов ловятся малыми и выкармливаются коровьим молоком (посредством сосок), переходя, таким образом, в ручное состояние.

В годовом возрасте у оленей вырастают, так называемые, «сайки», т.е. панты без отростков, не имеющие цены. В двухлетнем возрасте вырастают первые панты, которые с каждым годом делаются толще и этим приобретают все большую ценность; последовательность цены, примерно, такова: в 2-летнем возрасте панты стоят 100 рублей, 3-летнем – 200 руб., 4-летнем – 350 рублей, 5-летнем – 500 рублей и т.д. Между прочим, в парке имеется один ручной олень 8-ми лет, за голову которого китайцы предлагают 1100 рублей, конечно, это редкий экземпляр по величине. Срезанные панты с этого оленя в течение шести лет проданы за 850 рублей. В 1910 году были панты, проданные китайцам староверами, одна пара в 1050 руб. и вторые за 1200 руб.; они были очень крупных размеров и красивой формы.

Кроме толщины пантов важно также время их срезки. Олень ежегодно сбрасывает сухие рога перед ростом пантов. С каждым годом период сбрасывания наступает на несколько дней раньше и, следовательно, момент их зрелости наступает соответственно ранее. И китайцы, цена ранние панты дороже, объясняют это тем, что весенняя зелень, как более сильная, даёт пантам большую целебность и прохладная погода весной способствует успешной варке пантов, т.е. приготовлению их впрок. Кроме того, ценность пантов также зависит от правильности их формы, сочности и цвета. Красный цвет дороже тёмного, сочные дороже вялых, а панты, неправильно изогнутые или с лишними отростками, много дешевле пантов правильной формы. Панты достигают наибольшей своей ценности через 6-7 недель после сбрасывания старых рогов; к этому времени высота их бывает 4-6 вершков. Чтобы не пропустить времени наивысшей стоимости пантов, нужно дать лишь набухнуть концам пантов для следующего второго отростка, не давая, однако последним разводиться. Панты, спиленные ценятся в 20-25% стоимости пантов с убитого оленя и считаются в Китае товаром второго сорта, главным образом, потому, что китайцы ясно устанавливают факт кормления оленя дома и в силу этого считают целебность пантов пониженной.

Кроме того, при срезке пантов с живого оленя, теряется много крови, и, в свою очередь, часть её теряется при варке и, помимо этого, срезанные панты не имеют хорошего вида, что и играет, как сказано выше, крупную роль в их оценке. Панты с убитого оленя выпиливаются с кус-

ком лобной кости, и это даёт возможность сохранить всю имеющуюся в них целебную кровь, а также и натуральный красивый вид. Таковые панты считаются товаром первого сорта.

Вследствие массового истребления этого зверя как у нас, так и, вообще в районе его распространения, ценность пантов на рынке возросла за последние 10 лет на 100 процентов. Ещё в 1900-1904 годах хорошие панты продавались от 250 до 300 рублей и лишь редкие, выдающиеся экземпляры, как исключение, 320-350 руб., но уже в 1906-1909 годах хорошие панты ценились в среднем от 500 до 700 руб., что не представляло исключительного случая. В 1907 году была продана партия в шесть пар пантов, кормленных дома оленей, убитых в пятилетнем возрасте за 3270 рублей и трое пантов в шестилетнем возрасте за 2100 рублей.

Помимо пантов, мясо убитых оленей ценится также высоко, его охотно берут в рестораны по цене 6-7 рублей за пуд, что составляет от 30 до 40 рублей за тушу, вес оленя 5-6 пудов.

Вышеприведенная ценность пантов настолько громадная, что выгода оленеводства была бы даже тогда, если бы почему-либо цены упали до одной трети их стоимости настоящего времени. При настоящем положении дела доходность от оленеводства стоит много выше всех остальных отраслей животноводства в крае.

Естественное распространение пятнистого оленя весьма ограничено. Юго-Восточная часть Приморской области до залива св. Ольги; река Иман и озеро Ханка; также Юго-Восточная часть Маньчжурии, прилегающая к Приморской области, шириной в двести верст и часть северной Кореи. В виду ценности пантов, зверь этот почти уничтожен там так же, как у нас.

Родовое имение семьи Янковских на Сидеми

Рынок на панты, по нашим предположениям, вполне обеспечен на долгое время. Нам известно от лиц, заслуживающих полного доверия, что в 1908 году в один Гонконг поступило из разных мест пантов до 6 000 пар; причём пантов пятнистого оленя из всей ставки было всего триста пар. В остальной массе преобладали панты изюбря, тибетского и сиамского оленя; стоимость последних очень невелика и, во всяком случае, эти панты не могут конкурировать с пантами нашего пятнистого оленя. Панты японского, северного и прочих пород оленя не имеют никакой ценности.

До настоящего 1911 года большие затруднения представляла операция срезки пантов, так как, не имея достаточно усовершенствованного станка, срезка производилась ручным способом, каковой заключается в следующем: в тесном и тёмном помещении несколько человек схватывают оленя сначала за шею, а потом за ноги и, повалив его на заранее приготовленную постилку из сена, приступают к спиливанию пантов. Способ этот очень неудобен и кроме того часто сопровождается поломкой пантов, а также опасен для ловильщиков, так как олень очень сильное и резвое животное, с острыми копытами и потому редкая срезка обходится без царапин и поранений кого-либо из ловильщиков. Бывали и очень серьёзные увечья.

Однажды был такой случай: взятый олень как-то выскользнул из рук и его схватил Борис Бринер, но олень, ловко вывернувшись, упал на спину и стал бить ногами, причём захватил копытом нос Бринера и порвал ему ноздрю, вывернул конец носа с хрящом, другой же ногой разрезал до кости бровь моему брату Яну. Но все же олень общими усилиями был схвачен и прежде, чем подать помощь потерпевшим, решили, не выпуская оленя, кончить спилку пантов. Трудно забыть эту, единственную в своём роде операцию, так как к концу её нельзя было разобрать с кого, собственно, из присутствующих сняты панты, – все буквально были залиты кровью!

Финал был таков: мне пришлось взять трёхгранную кривую иглоку и израсходовать аршинную нитку шелка на починку носа и брови. Операция вышла так удачно, что знаки швов ещё заметны и теперь, хотя прошло с тех пор лет шесть!

Все вышеизложенное побуждало нас добиться чего-нибудь более совершенного, чем ручной способ спилки; и вот, промучившись несколько лет, сломав при пробе разных патентов десятка два пантов, я и брат Ян изобрели станок, вполне отвечающий своему назначению.

Устройство его очень простое – каждый, посмотрев, может сделать такой же.

Остаётся сказать несколько слов об устройстве парков для оленей и стойл. Место, отведённое для оленника, лучше и дешевле огораживать проволочной оцинкованной сеткой в 4 аршина высоты, и, так как олень хорошо прыгает, то ниже ограда не рекомендуется. Толщину проволоки считаю самым удобным №11.

Стойла как для сортировки пантачей, так и для срезки пантов должны быть сделаны из хорошо строганных досок, т.к. каждая неровность в середине стойла легко может попортить панты.

Болеют олени, в общем, мало. За все время моей практики приходилось наблюдать заболевание ящуром, который олени переносят легко, несмотря на то, что последствием ящура является перемена копыт животного. Единственно, что составляет бич оленей это понос в раннем возрасте, при выкармливании их коровьим молоком. Малейший недосмотр за чистотой посуды, резиновой соской и свежестью молока, ведёт к заболеванию оленей поносом.

После долгих опытов мы теперь находим рациональным кипятить молоко и давать его тёплым, так как от холодного молока желудки оленят также расстраиваются.

При первом появлении поноса дают заболевшему 3-6 капель в день опиия.

В заключение необходимо сказать, что когда-то богатые естественные рассадники оленей на островах Аскольд и Путятин, насчитывавшие до нескольких тысяч голов, в настоящее время представляют печальную картину: там едва осталось 700-800 голов, причем на Аскольде, вследствие неудовлетворительного корма, заметно сильное вырождение. На Путятине же главная причина – самый ужасный бич оленеводства – промышленники-браконьеры, истребляющие пантачей систематически в течение многих лет. Но, надо надеяться, что недалеко то время, когда браконьерству будет положен конец.

А это возможно тогда, когда олень, в силу своей прирученности, будет считаться домашним животным и наказание, налагаемое за браконьерство, будет приравнено к наказанию за похищение домашних животных.

С удовольствием можно отметить рождение новых оленьих хозяйств и расширение уже имеющихся. На острове Попов у Менарда – 120 голов; на острове Рикорд (Владивостокское Общество Любителей охоты) – 80 голов; на полуострове Песчаный у Конрада – 90 голов; в Кангаузе у Шевелева – 40 голов; на полуострове Турек у Пауэрса – 40 голов и у старообрядцев на Сучане и по побережью до Ольги в сложности до 200 голов.

Надо надеяться, что скоро и другие хозяйства в крае поймут выгоды оленеводства и поступят по примеру вышеозначенных лиц.

От редактора:

Текст доклада Ю.М. Янковского перепечатан с материалов съезда сельских хозяев Приморской области 11-14 ноября 1912 г. в г. Никольске-Уссурийском. Типография канцелярии Приамурского Генерал-Губернатора, г. Хабаровск, 1913 г. Мы отказались от полного копирования старой орфографии текста доклада, но это практически не сказалось на содержании материала.

ПОТАНИН
Григорий Николаевич
(1835-1920)

Григорий Николаевич Потанин родился 22 сентября 1835 года в Ямышевской крепости Семипалатинского округа Омской области в семье хорунжия казачьего войска.

Одиннадцатилетним сиротой он был отправлен на учёбу в Омский кадетский корпус. С 1853 по 1858 год Г.Н. Потанин находился на военной службе, но с 1859 по 1862 год учился в Петербургском университете. Как участник студенческих волнений в 1861 году был посажен на два месяца в Петропавловскую крепость и затем вернулся в Омск.

В 1865 году Григорий Николаевич стал секретарём губернского статистического комитета в Томске, преподавал в гимназиях и сотрудничал в «Томских губернских ведомостях». В этом же году он вновь арестован по делу «Общества независимости Сибири», три года пробыл в Омском остроге, затем был отправлен на каторгу и только в 1874 году был амнистирован. В этом же году он женился на А.В. Лаврской.

Г.Н. Потанин начал экспедиционную деятельность в Азии в 1863 году и окончил в 1899 году, совершив за это время восемь путешествий. Дальнейшие двадцать лет он прожил в Иркутске, Красноярске и Томске и летом совершал уже недалёкие сравнительно поездки на Алтай, в Забайкалье, Киргизскую степь за этнографическим материалом. Умер Григорий Николаевич 30 июня 1920 года в Томске.

Г.Н. Потанин, наряду с Пржевальским и Певцовым, положил основу современного землеведения Внутренней Азии. В его отчётах есть сведения в том числе и о торговле, промыслах исследуемых стран.

Григорий Николаевич одним из первых обратил внимание на появляющийся промысел у крестьян – мараловодство в ходе экспедиции 1876-1877 гг. и в дальнейшем не упускал её из виду. Часть этих материалов издана нами в книге «Из истории исследования и развития мараловодства на Алтае. XVIII – начало XX века».

В этом году исполнилось 180 лет со дня рождения Г.Н. Потанина. Опубликованная в 1889 году им статья «Ярмарка изюбриных рогов в Гуй-Хуа-чене» не знакома современным мараловодам России, хотя она приоткрывает нам особенности торговли пантами в Китае, которые и сейчас очень актуальны.

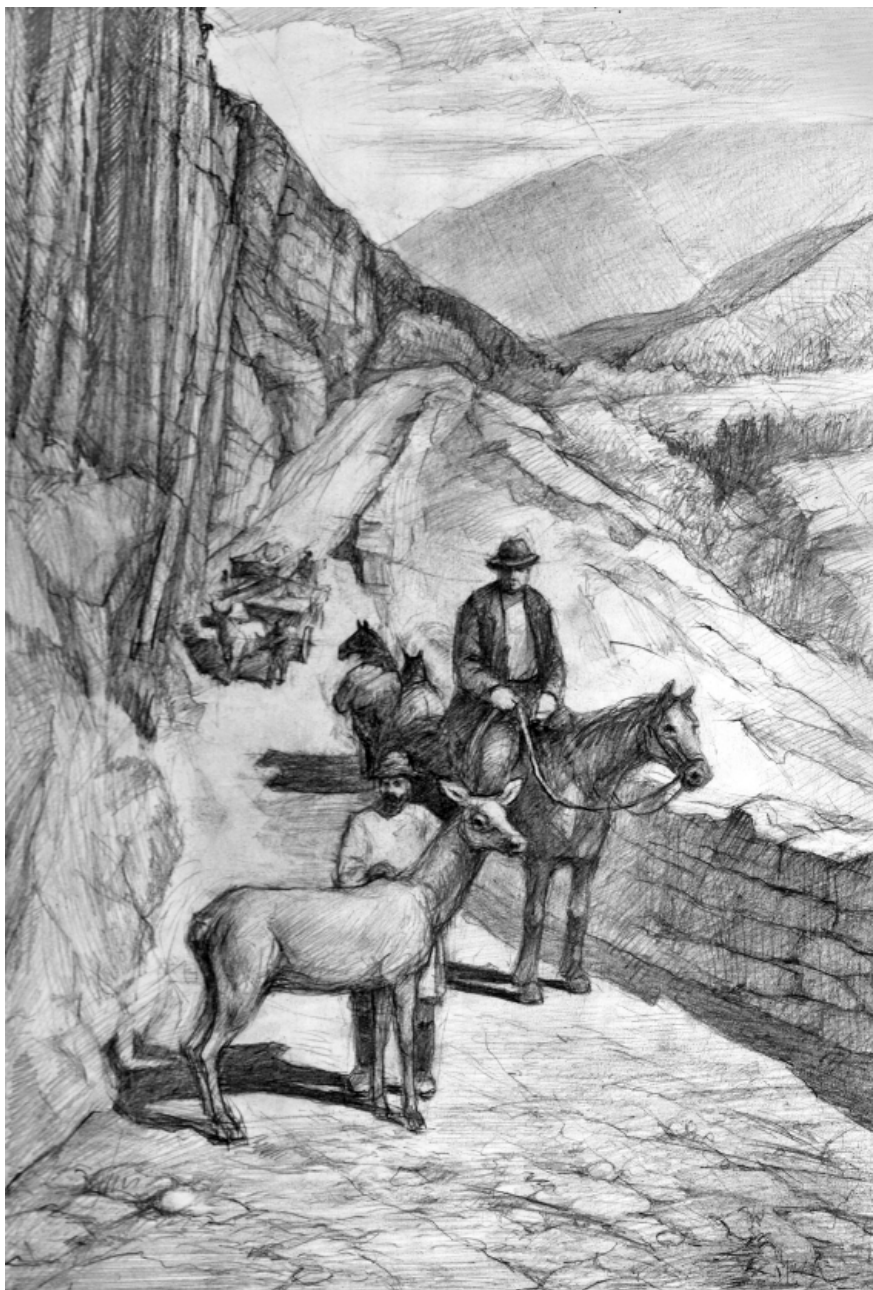
ЯРМАРКА ИЗЮБРЕВЫХ РОГОВ В ГУЙ-ХУА-ЧЕНЕ

Во время своего пребывания в Урге летом 1888 года я встретил там приказчика г. Волосатова, служащего у торговой фирмы «Басов и Коковин» гг. Басов и Коковин – самые крупные скупщики изюбровых рогов в западной части Забайкалья и г. Волосатов не раз провожал караваны этого торгового дома с изюбровыми рогами в китайский город Гуй-Хуа-чен, расположенный у южной подошвы хребта Инь-шань, к северу от изгиба Жёлтой реки. Как известно, в этом городе бывает ежегодно ярмарка изюбровых рогов; рога свозятся сюда из Сибири, Маньчжурии и Туркестана, сюда же приезжают покупатели, купцы из южного Китая. Помещаемая заметка основана почти всецело на рассказе г. Волосатова, и только отчасти дополнена показаниями о сборе рогов в Троицкосавске, которыми я обязан любезности Н.А. Басова.

Басовы собирают рога в Троицкосавске. Покупаются они здесь по 8 и 9 рублей за фунт. В Кяхте рога собирают и китайцы. Крестьяне сами привозят рога, как к Басовым, так и в китайские дома. В лавке скупщиков поступают рога сушёные и недосушёные; последние Басовы сами досушивают; сушат их в тени, стараясь уберечь от мух, иначе бросается червь и рог загнивает. Попадаются большие и мелкие от убитых на охоте; от кормленных в крестьянских дворах рога всегда бывают полные, потому что их спиливают только тогда, когда рога достигнут известного роста. Рога кормленных изюбрей идут с вершин р. Чикоя, где крестьяне держат их при домах в особых загородках. Для спилки рогов приглашаются помочь человек из десяти; животное вяжут и валят; спилка происходит быстро; три маха пилы и готово; рога ставятся после этого комлями кверху и в таком виде засушиваются.

Рога с убитых на охоте отпиливаются с частью черепа, соединяющей основания рогов; так и в торговлю поступают они по паре, но соединённые черепною костью; с кормленных, само собой разумеется, каждый рог идёт отдельно. Пиленные на 20% дешевле добытых на охоте; при покупке последних в цену входит и вес лобной кости, которая сама по себе ничего не стоит. Китайцы в Кяхте же в Урге распиливают рог на части для более удобной укупорки; от русских распиленные рога в Гуй-Хуа-чене не берут; между тем целые рога очень не удобны для перевозки – громоздки. Сжимать их, пока они мягки, и придавать большую укладистость нельзя; от сжимания рог может лопнуть и вытечь. Вероятно есть какой-нибудь процесс, которому китайцы подвергают рог в Кяхте и Урге, но русские дознаться его не могут.

Басовский караван с рогами идёт из Кяхты по калганской дороге и, не доходя до Калгана, сворачивает в Гуй-Хуа-чен; к нему навстречу вы-

Маралы – ходовой товар на Алтае. Реконструкция старого фото.
Художник З.М. Ибрагимов

езжает г. Волосатов и провожает караван до Гуй-Хуа-чена. В Гуй-Хуачен привозят рог из Нин-ся (туркестанский), из Калгана и Долон-нора (маньчжурский) и из Урги, Улясутая и Хобдо (северный). Высшим сортом считается маньчжурский, но его очень мало; северный, т.е. сибирский среднего достоинства с шерстью пепельного цвета; туркестанский или нин-сянский самого дурного качества с желтоватою шерстью. Закупив рога, китайские купцы отбирают головку, «ти-шоу»; пару рогов ти-шоу китайские лавки продают иногда за 600 рублей, ти-шоу идут в подарки; богатые люди дают в приданое за дочерью пару или две пары рогов, оправленных в серебро; а также и женихи приносят рога в дар невесте. В провинциях Гуан-тун (Кантон) и Гуан-си, где население живёт в болотистых сырых местах, по словам китайских торговцев рогами, женщины не могут обходиться без этого средства; их организм расстраивается, появляются женские болезни. В аптеках рог продаётся в виде порошка, но в Гуй-Хуачен не только русские, но и китайцы привозят рога в целом виде. В 1887 году самое большое количество рогов в привоз в Гуй-Хуачен в одних руках было у Басовых, именно около 600-700 пар; это количество было продано за 19 000 лан серебра за вычетом всех расходов по угощению, размену денег и потери в курсе. В этом количестве две трети рогов было спиленных у откормленных изюбрей, и только треть – «столбовых». Из нашего Верного весь рог идёт «столбовой». Китайская торговая компания Да-шин-ку доставила в 1887 году из Хобдо в Гуй-Хуачен 280 пар и продала их за 10 000 лан серебра.

По словам г. Волосатова торговля рогами очень выгодна. Она производится порядком в роде аукционного; в этом-то собственно и видят удобство продавца рогов, особенно иностранцы. Караваны с рогами останавливаются в Гуй-Хуачене в дянах (гостиницах), дяны собирают сведения, кто прибыл и сколько у кого товару, спрашивают у продавца, желает ли он подчиниться установившемуся в торговле рогами обряду, т.е. аукционному способу сделки или нет, и в случае согласия подчиниться назначают ему день для совершения сделки. Прежде, чем начнутся переговоры, продавца с купцами, являются к продавцу особые оценщики; они сортируют товар, разделяют его на партии и определяют в каждой партии вес «дира». Что такое дир г. Волосатов не мог понять. Оценщик говорит: «В этой паре 6 лан дира в этой 5 лан дира». Хотя оценщиков приходит зараз несколько, но они оценивают партии каждый отдельно, и тем не менее расходятся в определении веса дира очень не много. Затем, в назначенный день все съехавшиеся в Гуй-Хуачен скупщики рога приходят к продавцу; выкладывается перед ними одна из партий, покупатель осматривают её и потом каждый отдельно объявляет свою цену продавцу, посредством знаков, которые он делает секретно на руке продавца, взявши её в свой длинный рукав. Замечательно, что и покупатели рогов также мало расходятся между собой в оценке рогов, как и

оценщики в определении веса дира. Если продавец не сошёлся ценой с покупателями, выставляется вторая партия, потом третья и так далее. Наконец, если продавец ни одной партии не продал в этот день, он имеет право вновь продавать свой товар только через несколько дней уже после других продавцов рогов. Очередь между продавцами рогов определяется жребием. По окончании сделки продавец обязан угостить своих покупателей обедом с вином, опиумом и певичами, кушанья за обедом должны быть поданы те, которые потребуют гости. Число столов выставляется по числу проданных партий; за каждый стол садится пять, шесть персон. Это обходится продавцу такого количества, как сбор г. Басова, в 300 лан серебра. Без соблюдения этого условия продавец будет лишён выгод и удобства вышеописанного обряда и ему придётся сбывать свой товар путём частной сделки, продавать его в одни руки и уже не так выгодно. Русские купцы из Бийска в 1878 году не захотели подчиниться этому обряду и продешевили свой товар более чем на тысячу лан.

От редактора:

Текст статьи Г.Н. Потанина перепечатан из «Известий Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, Т. XX № 4». Напечатано в типографии газеты «Восточное обозрение», Иркутск, 1889 г. Мы отказались от полного копирования старой орфографии текста статьи, но это практически не сказалось на содержании материала.

И. ВОЛОСАТОВ

К сожалению, мне не удалось разыскать пока данные об этом человеке, кроме того, что, по словам Г.Н. Потанина он был приказчиком, служившим в крупной торговой фирме «Коковин и Басов», и водил караваны с пантами из Кяхты в Гуй-Хуа-чен для продажи их на ежегодной ярмарке.

Торговый дом «Коковин и Басов» был в XIX веке очень крупным поставщиком чая из Китая в Россию и активно занимался экспортно-импортными операциями. Ежегодный оборот фирмы иногда превышал 300 тысяч рублей. В начале XX века обороты предприятия уже измерялись миллионами рублей. Торговый дом активно занимался скупкой пушнины и пантов. И Волосатов, скорее всего, был одним из серьёзных и образованных торговых служащих компании и занимался торговлей пантами.

По крайней мере, в 1886 году от компании «Коковин и Басов» он был единственным русским, да ещё и крупнейшим продавцом пантов в г. Гуй-Хуа-чене.

Сведения И.Волосатова о торговле пантами изданы в Записках ИРГО в 1890 году и имеют важное значение для современных предпринимателей-мараловодов Алтая, торгующих пантами с Кореей и Китаем (Гон-Конг).

О ТОРГОВЛЕ ИЗЮБРЕВЫМИ РОГАМИ

Изюбренные рога продаются в Гуй-Хуа-чене через посредничество комиссионных лавок; таких лавок всего шесть, а именно:

Хуй-чуан-дянь.

Дун-шен-дянь.

Тун-сун-дянь.

Юн-тай-дянь.

Цун-дэ-дянь.

Чан-тай-дянь.

В этих лавках останавливаются все покупатели рогов, приезжающие из Кантона и Тай-гу; у них же квартируют и приезжающие с рогами продавцы. Комиссионная лавка принимает на себя склад и хранение рогов, сортировку их и все хлопоты при продаже, а также она отвечает за исправную уплату капитала за проданный товар; за все это лавка берет с продавца по 2% с вырученного за рога капитала; это в том случае, если покупатель и продавец живут в одной и той же лавке; но если покупатель, живущий, например, в л. Дун-шен-дянь, купит рога у продавца, живущего в л. Хуй-чуан-дянь, тогда берется 3%, из них 2% в пользу Дун-шен-дянь и 1% в пользу Хуй-чуан-дянь.

За купленные рога платится серебром весом на 1,3% меньше против Гуйхуаченского серебряного веса «чен-пин».

Кроме этих, так сказать, обязательных расходов по продаже рогов, есть ещё расходы, пожалуй, не обязательные; это угощение покупателей сластями, вином и опиумом во время продажи рогов днём, а после продажи, вечером, угощение покупателя, маклеров-пособников и лавочных служащих – обедами в гостинице с вином, опиумом и певицами, причём полагается с каждой проданной партии в 25-35 пар рогов не более одного стола на 6-7 персон. Расходы на это угощение в сложности обходятся до 15 лан с каждой партии рогов в 25-35 пар. Причины или цель такого угощения понятны; подвыпившие и подкурившиеся покупатели азартнее набивают цену, а также маклеры и служащие в лавке, в чайнии хорошо покушать и повеселиться, усерднее стараются при продаже.

Ни пошлины, ни ли-цзина с рогов прежде не брали нисколько; но зимой 1885/6 г. начальник (дао-тай) здешней таможни хотел было установить пошлину на рога по 5% со стоимости; комиссионные лавки, конечно, при помощи взятки, едва отклонили этот налог и пока постановили собирать в пользу таможенных служащих по 2 фына с пары рогов ли-цзина.

Торговля изюбевыми рогами обыкновенно открывается с 15-го числа XI луны. Перед этим временем за 2-3 дня все комиссионные лавки, через которые продаются рога, составляют списки продавцов рогов; сколько таких продавцов съедется, на сколько дней и открывается торговля; списки разбирают, как жеребьи; какому продавцу в какой день достанется торговать, в тот только день он и может торговать публично, в другие же дни не может. Если съехалось 20 продавцов, то торговля открывается на 20 дней, но в течение этих 20 дней некоторые могут и не распродать товар; тогда те же очереди повторяются в том же порядке. Поэтому, очень важно, чтобы рога (в особенности большие партии) непременно были привезены в Гуй-Хуа-чен до 15-го числа XI-й луны, дабы попасть в расписание очередей; иначе придётся продавать товар после всех, или частным образом одному или двум покупателям; в таком случае уже не продать так выгодно, как при публичной продаже.

Рога привозятся в Гуй-Хуа-чен укупоренными и в таком виде: около двадцати пар рогов больших и малых укладывают половчее в объёме, обвёртывают войлоком в тюк и заширяют в сырую кожу; тюк вкладывают в деревянные твора или клетку для того, чтобы при развьючке или падении с верблюда, тюк не касался земли. Такая укупорка рогов, кажется, самая практичная. Купорят иногда и в ящики, но ящики делают небольшие, около $6\frac{1}{2}$ четвертей длины, 5 четверти ширины и $3\frac{1}{2}$ четверти вышины; укупоривают в них столько, сколько может вместиться пар рогов, и несмотря на небольшой размер ящиков, в них как-то умеют укупорить самые большие рога, не распиливая на части. Купорить рога в ящики или тюки необходимо по парам, а не рознить.

Насколько можно было заметить по продаже, дороже других ценятся рога, привозимые из-за Хобдо и Улясутая, как лобовые, так и пиленные, последние из Бийского и Минусинского краев; ниже их ценятся чикойские или кяхтинские, а хуже всех ценятся рога, привозимые с запада: из Верного, Или и Тарбагатая. В нынешнем году рога приблизительно продавались так: Хобдо-Улясутайские до 14 лан, кяхтинские до 13 лан и западные до 12 лан за «дир». «Дир» это нечто вроде условного количества ценного материала в рогах; например, партию рогов в 30 пар, осмотрев, определяют в 55-60 дир; если эти рога улясутайские, прямо можно рассчитывать, что цена за них будет 800-840 лан, а кяхтинские 750-780 лан, западные 670-700 лан за партию, так что от 7 до 10% разницы в ценности рогов каждой местности. Кроме обилия крови в рогах ещё также ценится и красота, т.е. фигура и шерсть, которая должна быть короткая, густая, нежная и ровная на всех частях рога; такие рога (с цельным лбом) ценятся вдвое дороже, и если их в партии в 30 пар есть хотя бы 2-3 пары, то они имеют большое влияние на цену всей партии. Подобные рога китайцы называют «ти-шоу» (головка); их иногда продают отдельно от партии

по несколько пар, тогда они достигают сумасшедшей цены. В рогах, привозимых с севера, т.е. из Кяхты или Улясутая цвет шерсти ценится лучше тёмно-пепельный, а в западных желто-бурый, рога со сбитой оболочкой, с толстой пустой головкой, поломанные, вообще ценятся вдвое дешевле обыкновенной стоимости; рога со старого зверя, костливые, тоже ценятся гораздо дешевле.

О самой продаже рогов я в сведении о Гуй-Хуа-чене упоминал, что она производится публично, как с аукциона, с той лишь разницей, что покупатели цену предлагают продавцу не гласно, а на руках в рукаве, из чего продавец соображает, кто больше даёт и тому, конечно, и продаёт каждую партию отдельно. Этот способ продажи не оставляет ничего желать лучшего, тут покупатели между собой не знают, кто какую предложит цену, и потому всякий даёт такую цену, чтобы другой не мог дать выше, и всё это продельвается тут же на народе, скоро, а не с обычными китайскими увёртками да церемониями.

За покупкой рогов приезжают собственно кантонцы от 7 до 8 фирм, а остальные покупатели из Тай-гу, шань-сийцы, торгующие в Кантоне; последних в нынешнюю ярмарку было до 12 фирм. Солидные из покупающих рога фирмы капитал на покупку рогов берут в Гуй-Хуа-чене по кредитивам, которые оплачиваются в Тянь-цзине или Шанхае, а мелкие покупатели серебро привозят в переводах.

Продавцов рогов в нынешнем году было до 21 лавки; привезено и продано было ими изюбренных рогов всего 3760 пар, пропорция обыкновенная; цены были на 1 лан почти с пары дешевле прошлогодних; но и эти цены сравнительно прежних годов очень высокие.

По словам кантонцев рога в Кантоне продаются почти также, как и здесь, через комиссионные дома, публично; продажа рогов в Кантоне бывает в III-й луне. Рога отправляют из Гуй-Хуа-чена до Тянь-цзина на мулах, откуда, с открытием навигации, на первых пароходах через Шанхай и Гонконг в Кантон. Расходов по доставке рогов до Кантона падает до 6-7 лан на пару, с пошлиной и ли-цзином в Ша-ху-коу, Тянь-цзине и Гон-конге.

Декабрь, 1885 года, И. Волосатов

**Ведомость о ежедневной продаже изюбренных рогов
в Гуй-Хуа-чене в декабре 1886 года**

Месяц	Число	Кем продано	Кол-во пар	Кем куплено	Серебро в лангах	Средняя цена одной пары
Декабрь	1	Да-сун-юй	30	Хо-цзи	750	
		Да-сун-юй	30	Тай-чан-хо	720	
		Да-сун-юй	30	Хын-чен-ли	750	
		Да-сун-юй	30	Ю-хо-сян	765	
		Да-сун-юй	30	Ю-хо-сян	755	
		ИТОГО	150		3740	а 24 80
Декабрь	2	Дэ-шен-юн	33	Куан-цин-хын	950	
		Дэ-шен-юн	33	Хын-чен-ли	910	
		Дэ-шен-юн	33½	Цзы-чен-синь	910	
		Дэ-шен-юн	33½	Куан-сун-хо	860	
		Дэ-шен-юн	33½	Куан-сун-хо	900	
		ИТОГО	166½		4530	а 27 30
Декабрь	2	Тянь-син-си	27	Цзы-чен-синь	840	
		Тянь-син-си	27	Цзы-чен-синь	840	
		ИТОГО	54		1680	а 31 10
Декабрь	3	Чун-и-хэ	28	Си-ха-юн	790	
Декабрь		Чун-и-хэ	28	Си-ха-юн	765	
		Чун-и-хэ	28	Шоу-ши-лун	740	
		Чун-и-хэ	28	Шоу-ши-лун	765	
Декабрь		Чун-и-хэ	28	Куан-сун-хо	770	
		Чун-и-хэ	27	Куан-сун-хо	745	
		ИТОГО	167		4575	а 27 40
Декабрь	4	Тун-син-юй	40	Куан-юань-син	1010	а 25 30
		Тун-син-юй	36	Куан-юань-син	1060	а 29 30
		И-чен-чан	34	Куан-чен-хын	930	а 27 00
		Цин-гай-дэ	25½	Куан-цин-хын	720	
		Цин-гай-дэ	25½	Куан-юань-син	695	
		Цин-гай-дэ	25½	Куан-сун-хо	700	
		Цин-гай-дэ	25½	Хо-цзи	710	
		Цин-гай-дэ	25½	Куан-сун-хо	680	
		Цин-гай-дэ	25½	Куан-цин-хын	690	
		ИТОГО	153		4195	а 28 л

Декабрь	5	И-шен-дэ	26	Хын-чен-ли	610	
		И-шен-дэ	26	Шоу-ши-лун	600	
		И-шен-дэ	26	Ся-хо-тай	600	
		И-шен-дэ	26	Юань-шен-ли	610	
		ИТОГО	104		2430	а 23 30
	5	Цин-тай-хо	23	Сихаюн	650	
		Цин-тай-хо	22	Тай-чан-хо	630	
		Цин-тай-хо	22	Шоу-ши-лун	620	
		ИТОГО	67		1900	а 28 60
		ИТОГО	30½	Цзы-чен-син	900	
Декабрь	6	Тянь-чен-хын	33	Шоу-ши-лун	760	
		Тянь-чен-хын	34	Куан-цин-хын	780	
Декабрь		Тянь-чен-хын	33	Цзы-чен-син	750	
		ИТОГО	100		2290	22 80
Декабрь	7	Юн-цзю-чен	32	Хо-цзи	1070	
		Юн-цзю-чен	32	Хо-цзи	1050	
		Юн-цзю-чен	32	Хо-цзи	1040	
		Юн-цзю-чен	32	Куан-юан-дэ	1020	
		ИТОГО	128		4180	а 32 60
Декабрь	7	Юн-моу-шен	27	Юн-хо-юн	860	
		Юн-моу-шен	27	Куан-сун-хо	840	
		ИТОГО	54		1700	а 31 40
Декабрь	8	Ван-сун-и	27	Куан-сун-хо	800	
		Ван-сун-и	27	Хын-чен-ли	810	
		Ван-сун-и	27	Цзы-чен-син	840	
		Ван-сун-и	27	Куан-сун-хо	825	
		Ван-сун-и	27	Юн-хо-юн	830	
		ИТОГО	135		4105	а 30 40
Декабрь	9	(Хосин) Коковина и Басова	30	Тай-чан-хо	790	
		(Хосин) Коковина и Басова	31	Тай-чан-хо	820	Вернен- ские
		(Хосин) Коковина и Басова	31	Шоу-ши-лун	830	

		(Хосин) Коковина и Басова	31	Шоу-ши-лун	810	
		(Хосин) Коковина и Басова	31	Си-ха-юн	810	
		(Хосин) Коковина и Басова	31	Тай-чап-хо	840	Вернен- ские
Декабрь	13	(Хосин) Коковина и Басова	30	Куан-цин-хыч	860	Вернен- ские
Декабрь		(Хосин) Коковина и Басова	31	Шоу-ши-лун	830	Вернен- ские
		(Хосин) Коковина и Басова	30	Шоу-ши-лун	880	Вернен- ские
		(Хосин) Коковина и Басова	30	Шоу-ши-лун	930	Вернен- ские
		ИТОГО	306		8410	а 27 48
Декабрь	13	(Хосим) Коковина и Басова	32	Хын-чжен-ли	830	Чикой- ские
		(Хосим) Коковина и Басова	32	Хын-чжен-ли	870	Чикой- ские
		(Хосим) Коковина и Басова	32	Хо-цзи	880	Чикой- ские
		(Хосим) Коковина и Басова	32	Цзы-чен-син	870	Чикой- ские
		(Хосим) Коковина и Басова	32	Хо-цзи	870	Чикой- ские
Декабрь	13	(Хосим) Коковина и Басова	219	Тай-чан, ху-цзи	6055	Чикой- ские
		ИТОГО	379		10375	а 27 40
	9	Ван-фу-юан	29	Цзы-чен-син	870	

		Ван-фу-юан	29	Бао-юань-цин	835	
		Ван-фу-юан	29	Куам-юань-син	835	
		Ван-фу-юан	7	Куан-сун-во	140	
		ИТОГО	94		2680	а 28 10
	10	Да-шен-куй	100		2930	
Декабрь	12	Цян-тай-ху	32	Хын-чен-ли	910	
Декабрь		Цян-тай-ху	32	Ся-хо-тай	880	
Декабрь		Цян-тай-ху	32½	Шоу-ши-лун	920	
		Цян-тай-ху	32	Си-ха-юн	880	
		Цян-тай-ху	32	Куан-сун-хо	860	
		Цян-тай-ху	32	Цзы-чен-син	850	
		Цян-тай-ху	32	Шоу-ши-лун	860	
		Цян-тай-ху	32	Шоу-ши-лун	840	
		ИТОГО	256 ½		7000	а 27 10
		Сан-син-дэ	32	Цзы-чен-син	800	а 25 л
Декабрь	14	Цян-шен-куй	28	Юн-хо-юн	870	
		Цян-шен-куй	28	Юн-хо-юн	840	
		Цян-шен-куй	28	Юан-шен-ли	870	
		Цян-шен-куй	28	Куан-сун-хо	870	
		Цян-шен-куй	28½	Цин-юань-дэ	875	
		Цян-шен-куй	32	Юан-шен-ли	820	
		Цян-шен-куй	32	Бао-юань-цин	810	
		ИТОГО	204½		5955	а 29 10
Декабрь	15	Син-лун-хо	26	Куан-сун-хо	880	
		Син-лун-хо	26	Куан-сун-хо	900	
		Син-лун-хо	26	Куан-дэ-юань	850	
		ИТОГО	78		2530	а 32 70
Декабрь		Цян-шен-куй	32	Хын-чен-ли	830	
		Цян-шен-куй	32	Хын-чен-ли	780	
		Цян-шен-куй	33½	Цзы-чен-син	810	
		ИТОГО	97½		2420	а 25
	16	Сан-сун-хо	36	Шоу-ши-лун	1095	
		Сан-сун-хо	36	Ю-хо-сян	1095	
		Сан-сун-хо	24	Цзы-чен-син	740	
		Сан-сун-хо	25	Коу-юань-син	740	
		ИТОГО	121		3530	а 28 20

Декабрь	16	Тянь-шен-хын	12	Куан-сун-хо	370	
Декабрь	16	И-дэ-хын	36	Бао-юань-цин	1030	
Декабрь	16	И-дэ-хын	36	Бао-юань-цин	1070	
Декабрь	16	И-дэ-хын	36	Шоу-ши-лун	1070	
		ИТОГО	108		3170	а 29 50
		ВСЕГО	3206		89395	а 27 80 за пару

Ещё было продано отдельно по несколько пар самых лучших рогов, так называемых «ти-шоу» (головка), следующими лавками:

Продано		Куплено	
л. Тянь-син-си	6 пар	Цзы-чень-син ск.	360 лн.
л. Юн-цзю-чен	10 пар	Юн-шен-си	600 лн.
л. Ван-сун-и	2 пары	до	130 лн.
л. Цян-тай-куй	14 пар	Цзы-чен-син	720 лн.
л. Ван-фу-юань	9 пар	Юн-ха-юн	610 лн.
л. Син-лун-хо	10 пар	Цзы-чен-син	670 лн.
ИТОГО	51 пара	на ск.	3120 лн. а 61 12

Кроме означенных в этом сведении проданных рогов, ещё осталось на рынке не продано до 500 пар, о продаже которых я, за отъездом из Гуй-хуа-чена, сведений не имею.

*Калган, 30 декабря 1886 год.
И. Волосатов.*

От редактора:

Текст статьи И. Волосатова «О торговле изюбревыми рогами» перепечатан из Записок Восточно-Сибирского отдела ИРГО, т. 1, вып. 1. «Труды русских торговых людей в Монголии и Китае». Напечатано в типографии К. Витковской, Иркутск, 1890 г. Мы отказались от полного копирования старой орфографии текста статьи, но это практически не сказалось на содержании материала.

Содержание

От редактора	3
Н.А. Фролов. Социально-экономический портрет мараловодов дореволюционного Алтая.....	5
А.А. Силантьев. Исследование мараловодства на Алтае.....	81
А.К. Кузнецов. Изюбриный промысел и разведение изюбрей в Забайкальской области	117
Д.К. Соловьёв. Мараловодство	167
Ю.М. Янковский. Оленеводство в Южно-Уссурийском крае	187
Г.Н. Потанин. Ярмарка изюбриных рогов в г. Гуй-Хуа-чене.....	195
И. Волосатов. О торговле изюбровыми рогами.....	201

Н.А. Фролов

**Социально-экономический
портрет мараловодов
дореволюционного Алтая**

*Сборник работ о пантовом оленеводстве
конца XIX - начала XX веков*

Подготовка оригинал-макета
А.А. Карпов

В оформлении переплета использована фотография съемки рогов марала начала XX века (из фондов Музея алтайского марала (г. Бийск).

Подписано в печать 00.10.2015
Формат 60X84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 17,56. Тираж 300 экз. Заказ № 12567.

Отпечатано в типографии «Спектр»,
656049, г. Барнаул, ул. Короленко, 75.